

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№3 (22) 2010

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Ан. А. – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Ал. А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Л. А. – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов О. В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Е. Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Формат 60x84 1/16.

Бумага ВХИ 80 гр.

Объем 13 усл.п.л.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ахметова Г. Д. Метафоры-сравнения («пацанские» рассказы Захара Прилепина)	7
Иванова К. А. Семантико-грамматические сдвиги в современной прозе: явление субстантивации	13
Кадырова Н. С. Языковое воплощение антиномии «хаос ↔ космос» в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия»	19
Кучина С. А. Герой в художественной структуре классического авантюрного романа	25
Ли Эр Юн Язык китайских музыкально-поэтических произведений (на примере стихотворения Су Ши «В Чиби размышляю о древних»)	32
Мещанский А. Ю. Поэтика мистического в творчестве Н. Гоголя и Н. Садур	40
Михайлова Е. В. Образ музыки в белорусской поэзии XVIII–XIX веков: особенности лингвистической объективации	53
Рыльщикова Л. М. Художественные средства выражения научно-фантастического дискурса в творчестве С. В. Лукьяненко	61

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Анимова О. К. «Культурная грамотность» как ключ к пониманию культуры изучаемого языка: лингводидактический аспект	65
Марфунцева О. Н. Лингвокультурный образ г. Челябинска	72
Никифорова Э. Ш, Надобко Ю. В. Элементы стратегии психологического воздействия в текстах англоязычной рекламы	78
Савелова Л. А. Формальные и семантические классы циркумфиксальных наречий в русском языке	82
Сачкова Е. В. К вопросу о выделении прагматического компонента в значении полуаффиксов	91
Фоменко О. С. Понятие глобальной рекламы и ее основная специфика	97
Шестеркина Н. В. Соотношение концептов ‘светлый’ – ‘святой’ в русском языке	103

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

Евтушенко О. А. Административный дискурс: сущность109

ЯЗЫК СМИ

Глазачева Т. П., Шабанова А. А. Культурологический аспект презентации власти в СМИ (на материале изображения президента России Д.А. Медведева отечественными и американскими СМИ)115

Некрасова М. С. Ненормативная лексика как объект когнитивного изучения121

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

Булычева С. Ф. Неологизмы и заимствования в сниженной лексике немецкой молодежи130

Гиниятуллина Р. Д. Фразеологические единицы концепта “man” («мужчина») в английском языке135

Рыльщикова Л. М., Худяков К. В. Особенности перевода программы AutoCAD на русский язык (на примере версий 2000–2009)141

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Коваленко Г. Ф. Дискурс-анализ в обучении переводу145

Левковская Я. В. Обучение переводческой деятельности с использованием тренинговых методик155

Милованова Л. А. Формирование презентационных умений старшекласников на уроках иностранного языка160

Молчанова О. Е. Формирование профессиональной компетентности учителя иностранного языка как результат высшего образования169

Халитова И. И. Обучение студентов-переводчиков языку специальности177

Чечет Т. И. Возможности обучения взрослых фразеологизмам на занятиях по немецкому языку183

АННОТАЦИИ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

Akhmetova G. D. Metaphorical Comparisons (“patsanskie” stories by Zakhar Prilepin)	7
Ivanova K. A. Semantic Grammatical Changes in Contemporary Prose: Phenomenon of Substantivation	13
Kadyrova N. S. Language Embodiment of the Antinomy “Chaos ↔ Space” in the Novel “Belaya Gvardia” by M. A. Bulgakov	19
Kuchina S. A. Hero in the Structure of Classical Adventure Novel	25
Lee Air Yun. The Language of Chinese Musical and Poetic Works (Based on the Poem “In Chibi I’m Meditating on the Ancients” by Su Shi)	32
Meschansky A. The Poetics of Mystic in the Works by N. Gogol and N. Sadur	40
Mikhailova E. V. Image of Music in Byelorussian Poetry of 18-19 th Centuries: Peculiarities of Linguistic Objectivization	53
Rylschikova L. M. Stylistic Devices of Expression of Science Fiction Discourse in the Works by S. B. Lukyanenko	61

LANGUAGE STUDIES

Ansimova O. K. Cultural Literacy as the Key to Understanding the Culture of the Language Studied: Linguistic Didactic Approach	65
Marfuntseva O. N. A Linguacultural Image of Chelyabinsk	72
Nikiforova E. S., Nadobko Y. V. Elements of Strategy of Psychological Influence in the Texts of English Advertisement	78
Savelova L. A. Formal and Semantic Class of Circumfixal Adverbs in Russian	82
Sachkova E. V. To the Question of Identification of Pragmatic Component in the Meaning of Semi-affixes	91
Fomenko O. S. The Notion of Global Advertisement and its Main Specifics	97
Shesterkina N. V. The Correlation of the Concepts “Saint” and “Light” in the Russian Language	103

LANGUAGE OF POLITICS

Evtushenko O. A. Institutional Discourse: Essence109

LANGUAGE OF MASS MEDIA

Glazacheva T. P., Shabanova A. A. Culturalogical Aspect
of Presentation of Authorities in Mass-media (Based on the Images
of the President D.A. Medvedev in Russian
and American Mass-media)115

Nekrasova M.S. Taboo Vocabulary as the Object
of Cognitive Study121

LINGUISTICS AND TRANSLATION

Bulycheva S. F. Neologisms and Borrowings in the Low Vocabulary
of the German Youth130

Ginniyatullina R. D. Phraseological Units of the Concept “Man”
in the English Language135

Rylshchikova L. M., Hudyakov K. V. The Features of Translation
of Computer Program Autocad into Russian
(Versions 2000–2009)141

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Kovalenko G. F. Discourse – Analysis During Translation145

Levkovskaya Y. V. Teaching the Interpretation
with Training Methods155

Milovanova L. A. Formation of Presentational Skills of High School
Students on the Lessons of Foreign Language160

Molchanova O.E. Formation of Professional Competence of Foreign
Language Teachers as the Result of High Education171

Khalitova I. I. Teaching Students-Interpreters the Language
of Specialty177

Chechet T. I. Possibility of Teaching Phraseological Units to Adults
on German Classes183

ABSTRACTS

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МЕТАФОРЫ-СРАВНЕНИЯ («ПАЦАНСКИЕ» РАССКАЗЫ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА)

Г. Д. Ахметова

В статье анализируются метафорические сравнения как в контексте языкового пространства, так и в контексте языковых процессов, происходящих в современной прозе.

Ключевые слова: метафора, языковое пространство, языковые процессы.

Оригинальные, свежие, неожиданные метафорические определения характерны для прозы Захара Прилепина. Повествование в каждом из рассказов авторского сборника [1] ведется от первого лица. Автор-рассказчик-герой – молодой человек, тонко и нежно чувствующий жизнь. Все метафоры в тексте даются с его точки зрения. В то же время для рассказов характерна некоторая сказовость – время от времени появляется в повествовании слово «говорю»: «Дочке, говорю, можно все»; «Потом, говорю я, еще годы спустя мы совсем перестали прикасаться друг к другу: спали рядом, тихие, как монахи»; «И вот это ощущение возвращалось, и мы, говорю, рассказывали о себе – а потом друг о друге – только хорошее, и вовсе без желания подольститься». Именно сказовость способствует тому, что в тексте происходит композиционное слияние разностилевых словесных рядов – низкого и высокого.

Рассказчик в композиционном плане является двухуровневым. Содержательный уровень организован рассказчиком-героем. Рассказы названы автором «пацанскими» – и содержание соответствует подзаголовку сборника. Но рассказчик-герой является одновременно автором, следовательно, автор-рассказчик – это второй композиционный уровень. Рассказчик, отделяясь от героя и сближаясь с автором, романтизирует «пацанское» повествование. И метафоры-определения, которые встречаются в тексте рассказов, – это принадлежность второго композиционного уровня, организованного автором-рассказчиком. Композиционное строение текстов таково, что рассказчик-герой и автор-рассказчик постоянно взаимодей-

ствуют, и это проявляется в движении словесных рядов – от грубопросторечных до романтически-возвышенных, причем последних значительно больше, и центральное место среди них занимают метафоры-сравнения. Известна теория, согласно которой метафора определяется как сокращенное сравнение.

Метафоры-определения

В языковом отношении многие метафоры в прозе Захара Прилепина являются прилагательными, «пережившими» семантический сдвиг и одновременно содержащими скрытое сравнение: «Не найдя ни ремня, ни крепкого дырна, раскинув злые ладони в стороны, Рубчик кинулся к девкам, но те оказались понятливы и быстры». Словосочетание «злые ладони» является метафорическим, т.е. концентрированным сравнением, выведенным из сочетания «зло раскинув ладони». Одновременно с этим происходит переход определения «злой» с человека на его часть (если можно так выразиться!): злой человек – злые ладони. Рождается образ: злые ладони злого человека, т.е. у злого человека всё злое. Очевидно, этот образ рождается в результате когнитивного перехода. Благодаря такому когнитивному расширению происходит уплотнение языкового пространства.

Метафорическое употребление определений является авторским, неповторимым. Например, определение «опечаленных»: *«Упал там на диван, пепельница на груди, прокушенный фильтр в углу опечаленных губ»*. Если сравнить употребление подобного определения (но в составе другого словосочетания) в поэзии М. Цветаевой (стихотворение «Памятью сердца»), то можно отметить рождение совершенно иного авторского образа: *«Бродят шаги в опечаленной зале, // Бродят и ждут, не идут ли в ответ. // «Всё заживает», мне люди сказали... // Вечером – нет»*.

Приведем пример метафоры-определения из прозы Захара Прилепина: «Мы прошли за клуб, где пахло мочой и было темно: сломанный свет фонаря едва доползал туда, огибая угол здания». В словосочетании «сломанный свет фонаря» также заключено скрытое сравнение: «неровный, похожий на преломленный луч». В то же время в обоих случаях наблюдается указанное нами стилистическое взаимодействие разнородных словесных рядов: дыря, девки – злые ладони; пахло мочой, доползал – сломанный свет. Стилистический сниженный словесный ряд и метафорический отражают разные точки видения: рассказчика-героя и автора-рассказчика.

Необычный образ «напуганной руки» рождается в следующем контексте: «Дурно выругался, поднес напуганную руку к лицу, ничего не мог понять». Подобный антропоцентризм повторяется в тексте: «Я так и не вернулся с балкона, и стоял там затаившись, переступая с одной глупой ноги на вторую»; «Молодой человек смотрел прямо в мой сумасшедший глаз, не моргающий меж складок желтой и пыльной занавески»; «Неподалеку от кабака все еще стояли сестры, переступая на плавных ногах, словно выстукивая четырьмя каблуками очень медленную мелодию ожидания»; «Две хрупкие напуганные рюмки выставил меж нами»; «грубо толкали друг друга веселыми руками»; «ткнув в меня лживым пальцем»; «На улице стоял вялый, словно похмельный, еле теплый август».

Глагольные метафоры

Глагольными назовем такие метафоры, которые выражены с помощью глагольных форм. Более дробную классификацию дать сложно ввиду незначительного текстового объема. В глагольных метафорах также происходит когнитивный переход, основанный на сравнении: «– Реально, – ответил братик, голос его чуть дрогнул от близкой улыбки, но в последний момент он улыбку припрятал». Если сочетание «спрятать улыбку» является уже достаточно стертой метафорой, то в сочетании «припрятать улыбку» ощущается еще новизна, хотя и это сочетание используется в художественных произведениях. Например, в ранней пьесе У. Шекспира «Два веронца» (перевод В. Левика): «Припрячь улыбку лести для глупцов, // И если ты уйдешь неотомщенный, // Благодарю за то мое терпенье...»

Антропоцентризм, связанный с когнитивным переходом, характерен и для глагольной метафоры: «Когда взвизгнул дверной звонок, у меня резко зашпешило сердце, даже в затылке отдалось несколько раз, и щеки стали жаркими»; «Входная дверь, раскрытая братиком, долго запускала сквозняк, но наконец захлопнулась»; «На улице мы застали дождь, и я размазал его по лицу, а черноголовый поселил в волосах. Волосы его стекали по щекам».

Когнитивный переход бывает настолько неожиданным, что созданный образ не сразу осознается. Так, мысль о том, что болят ноги от новых ботинок преобразуется в мысль, что болят новые ботинки на ногах: «– Я купил новые ботинки, они болят на мне, – жаловался я». При этом проза Захара Прилепина далека от абсурда. Она, повторимся, – метафорична и лирична.

Употребление глагольных метафор органично сочетается с образными обстоятельством-наречиями: «Мы пошли вдоль берега, в руке у меня боязливо вытягивала горло бутылка водки, наполовину, ну, может, почти наполовину полная»; «Кореш вынес из-под стола на белый свет бутылку, она глянула виновато и покачала жидкостью приветливо».

Языковые процессы современной русской прозы

Метафоризация рождается в недрах языковых процессов, она усиливается благодаря им, языковое пространство становится метафорическим.

Композиционно-грамматический сдвиг, т.е. такое преобразование грамматической формы, которое связано с употреблением в тексте, следовательно, с изменением точки видения в составе языковой композиции. Например, известно, что относительные прилагательные не могут сочетаться с наречием «очень», однако у Захара Прилепина читаем: «Мы еще не успели дойти до затаившейся на краю машины Рубчика, как за нашими спинами, на дороге раздался грохот такой силы, словно с неба об асфальт пластом упал старый, очень железный самолет». Точка видения рассказчика-героя, композиционно представленная в «Пацанском рассказе», проявляется, как и в других рассказах, в переходах к точке видения рассказчика-автора, что и приводит к подобным сдвигам. Данное сочетание нельзя, конечно, назвать искажением русского языка. Напротив, подобная языковая игра – свидетельство абсолютного владения словом. Рассказчик-герой и рассказчик-автор в подобных композиционных отрывках словно бы сливаются друг с другом, - и появляется в тексте трудно уловимая тонкая ирония.

Окказиональное употребление наречий также можно считать композиционно-грамматическим сдвигом: «Зато я, обжигаясь и обмирая, так глотал жирно и ярко пахнувшие куски, что, казалось, вот-вот сбегутся волки со всех черноземных лесов»; «– Привет, Люсь! – хрипло возник из темноты Славчук и присел у костра»; «Палац не скрипел, торшер возле оставленной парой постели светил мягко и безболезненно»; «Он внимательно улыбался». Наряду с окказиональным употреблением наречий встречается и окказиональное их образование, например, образование наречия от относительного прилагательного: «тяжелые пальцы деревянно коснулись клавиш».

Как известно, от притяжательных прилагательных нельзя образовывать наречие, однако общее метафорическое пространство текста по-

зволяет использование подобной словоформы: «День, окруживший нас теплом, гудел шмелино».

Композиционно-грамматические сдвиги – это, пожалуй, самый распространенный языковой процесс, наблюдающийся в современной прозе. Отметим еще ненормированное для современно русского языка образование формы множественного числа от слова «водка». Контекст приведем заведомо обширный, чтобы можно было наблюдать и метафоризацию, и ритм: «С нами было несколько моих друзей мужского пола. Я быстро наварил креветок, насыпал маслин, порезал сыр, порезал хлеб, распечатал всевозможные водки и вина, вскрыл плотку десятку пивных бутылок, и через полчаса мы были уже шумны и радостны. Радостны и шумны. И потом только шумны, шумны, шумны». Приведем подобные примеры, и тоже без конкретных комментариев, поскольку комментарии уже давались: «День можно было скомкать небрежно, а можно вновь развернуть как скатерть и любовно расставить в приятной последовательности чаши и стаканы, разложить пахучие мяса»; «Сделали круг по горячим асфальтам; церкви и стелы оставили Михаила равнодушным; было безветренно; потом – неожиданный – посыпался кислый дождик, и мы забежали в кафе».

Отметим также явление субстантивации, употребленное в контексте всеобщей метафоризации повествования: «Одна бабушка сидела неподвижно, медленно поднимала поданный ей красный серп арбуза и, улыбаясь, надкусывала сочное и ломкое».

Ритм прозы. Ритмичность окружающего мира естественным образом отражается в языковом пространстве. Если хорошенько прислушаться, то можно убедиться в том, что ритмы буквально заполнили всю нашу речь – как устную, так и письменную. Простейшие сочетания слов – это очень часто чередование ударных и безударных слогов, что и является основой стихосложения: «хороший день», «бегут года», «добрый голос», «здравствуй, лето»...

А в прозе данное явление встречается чаще, потому что писатель тоньше воспринимает окружающие его ритмы. Например, в следующем контексте параллелизм синтаксических конструкций приводит к ритму. Перед нами – словно начало стихотворения: «Кирпич, который был в кузове грузовичка, от дикого удара осыпался на «газель», частично украсив крышу, частично заполнив салон». В другом случае автор-рассказчик произносит поэтическую фразу, намеренно ритмичную. Это не стихотворная цитата: «...И солнце болит и держится косо, как вывихнутое плечо...»

Я произнес это вслух.

- Что ты сказал? – спросила жена.

Я смолчал. И она спросила меня снова. И я снова смолчал. Что мне повторять всякую дурь за самим собой».

Примеров нечаянной ритмичности можно привести много: «А еще ведь осень бывает, и зима, и весна.

Была зима смертей. Потом зима лености и пустоты. Следом зима предчувствий. (Первая промозглая, вторую не заметил, третья – теплая, без шапки).

Осень ученья случалась, осень броженья, осень разочарованья.

Впрочем, темы могут повторяться в разных временах года. Случалось и время смертей, и осень лености бывала».

Языковое пространство рассказов Захара Прилепина отличается метафоричностью, что проявляется, главным образом, употреблением метафорических сравнений.

Список литературы

1. Прилепин Захар. Ботинки, полные горячей водкой: пацанские рассказы. М. : АСТ : Астрель, 2008. 188 с.

List of literature

1. Prilepin Zahar. Botinki, polnye goryachey vodkoy: patsanskie rasskazy. M. : AST : Astrel', 2008. 188 s.

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СДВИГИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ: ЯВЛЕНИЕ СУБСТАНТИВАЦИИ

К. А. Иванова

В последние годы наука активно занимается вопросами изменений, происходящих в языке художественной литературы. Среди таких изменений выделяют семантико-грамматические сдвиги. Это явления, которые появляются в тексте неожиданно и являются окказиональными. Данная статья посвящена одному из семантико-грамматических сдвигов – субстантивации, которая в современной прозе часто носит окказиональный характер. Также рассматривается роль субстантивации в языковой композиции текста.

Ключевые слова: языковая композиция, семантико-грамматические сдвиги, субстантивация.

Текст обладает такими свойствами, как цельность, ограниченность, связность. Эти свойства проявляются и в плане содержания, и в плане выражения текста. Так, например, цельность текста в языковом выражении проявляется в языковой композиции текста.

Г. Д. Ахметова дает такое определение языковой композиции: «языковая композиция – это внутреннее движение и развертывание словесных рядов, т.е. языкового материала, лежащего в основе повествования. Словесные ряды, организованные образом автора, распадаются на стилевые потоки, в основе которых лежит тот или иной «лик» авторского образа, т.е. рассказчик, персонажи.

Языковая композиция – это явление историческое и динамическое не только в связи с меняющимся языком эпохи, но и в связи с динамическим изменением внутри самого текста» [2].

Изменчивость языковой композиции способствует возникновению новых языковых явлений внутри художественного текста: композиционные изменения; условность грамматического лица и спонтанное авторское «Я»; межтекстовые связи; феномен публицистической прозы; уход в метафору и бегство от метафоры; словообразовательный «взрыв»; грамматические сдвиги; средства графической изобразительности и отражение «виртуального» произношения в графике. Новыми их можно назвать не потому, что до сих пор

они полностью отсутствовали в художественной прозе, а потому, что значимость этих средств усилилась, часто наблюдается гипертрофированное их использование.

Среди таких языковых изменений выделяют семантико-грамматические сдвиги. Грамматическими сдвигами (морфологическими и синтаксическими) называют такие изменения, которые имеют характер внезапности, т.е. появляются в тексте неожиданно и во многом окказиональны. Эти изменения поддерживаются семантическими, поэтому можно говорить о семантико-грамматических сдвигах. Поскольку грамматика – достаточно устойчивый пласт языка, то следует говорить об изменениях не в самой системе литературного языка, а в художественных произведениях. Однако повторяемость сдвигов в художественном тексте и взаимовлияние литературного языка и языка художественных произведений позволяют говорить о тенденции, которая может привести и к изменениям в грамматической системе литературного языка.

В языке современной прозы выделяют различные типы семантико-грамматических сдвигов. Субстантивация является одним из наиболее распространенных грамматических сдвигов. Субстантивацией называется уподобление разных частей речи существительному (по форме, значению и употреблению). В класс имен существительных могут переходить не только некоторые прилагательные, причастия, порядковые числительные, но и любая языковая единица – от фонемы до целого предложения.

Известно, что одним из первых на существование субстантивов указал М.В. Ломоносов. Составители грамматик русского языка в 19 в. в большинстве своем недооценивали самостоятельный характер субстантивации, считая случаи употребления прилагательных без определяемых существительных частными, единичными. обстоятельно и полно вопрос происхождения, развития и употребления субстантивированных слов впервые рассмотрел А.А. Потебня. Множественность случаев употребления субстантивов ученый мотивирует фактами истории языка. Следующим этапом в изучении вопросов субстантивации в русском языке явились работы А.А. Шахматова и А.М. Пешковского. С середины XX в. субстантивация слов разных частей речи стала предметом многочисленных исследований. Появляются работы, посвященные функционированию субстантивированных форм в художественных текстах (Н.Ф. Ерастова, А.Н. Иванова, Л.С.Филиппова).

Исследователи различают субстантивацию узуальную и окказиональную. Кроме разной частеречной характеристики субстантивирующихся языковых единиц, узуальные и окказиональные субстантивы имеют и другие отличия.

Окказионально субстантивируемое слово, в отличие от узуального субстантива, как правило, встречается в контексте сначала в своей прямой номинации. Кроме того, окказиональные субстантивы имеют некоторые ограничения в приобретении сущностных характеристик имени существительного. При окказиональной субстантивации несубстантивная единица приобретает грамматические категории, свойственные именам существительным, - рода, числа, падежа. Но, в отличие от узуальных субстантивов, окказионально субстантивируемое слово обладает этими категориями только в пределах определенного контекста.

Поскольку окказиональный субстантиват не перенимает целиком, а иногда и вообще, систему флексий мотивирующего слова, но характеризуются синтаксическими функциями, свойственными классу существительных, то формантом окказиональной субстантивации следует признать различие синтаксических позиций и грамматических значений мотивирующего и мотивированного.

В современной прозе явление субстантивации часто носит окказиональный характер, т. е. вне контекста такие слова не воспринимаются как субстантивы. Несмотря на то, что и в классической литературе субстантивация была распространена, она рассматривается в числе грамматико-семантических сдвигов ввиду ее активизации в литературе конца XX – начала XXI в. Субстантивированные слова встречаются в прозе многих современных писателей: В. Гусева, В. Дегтева, В. Маканина, Ю. Мамлеева, Н. Толстой, Г. Щербаковой,

Субстантивированные прилагательные часто используются в форме среднего рода, обозначая нечто всеобщее, неопределенное (семантически они сближаются с отвлеченными существительными). Например, у В. Маканина:

*В этом есть нехорошая правда, и потому-то люди и хватаются за **новое**, что слишком уж близко коптят их прежние дела.*

*Однако, окончательно себя убедив, он вдруг понимает и постигает **неожиданное**: он вовсе не идет улицей, он едет к Алевтине.*

*Известно было, что он насмотрелся там **разного** и что глаз у него наметанный.*

*Он невольно искал в **зеленом красное**, ему не хватало его, не доставало.*

Ты знаешь, будет что-то огромное-огромное: оно придет, как облако, и будет стоять над нами. **Большое и белое...**

Красивое видится само.

Есть у Маканина и много других примеров использования субстантивированных прилагательных. Часто он использует неполные субстантивы, когда прилагательное обозначает предмет (в широком его понимании), но сохраняет признаки определения:

*Письмо (Павел Алексеевич так и не помнил, куда его дел — выбросил, что ли) пришло вчера, и ничего хорошего от письма он не ждал, как не ждет ничего хорошего всякий **обнаруженный**.*

*Похоронив ее, Томилин жить в Москве не сумел — сорвался с места и вот уже много лет кочевал бок о бок с Павлом Алексеевичем. Третьим с ними был Витюрка, тоже **пятидесятилетний**.*

*Павел Алексеевич его любил и смотрел на недельные запои сквозь пальцы: Витюрка был подчас незаменимым, если только бывают **незаменимые**.*

*Он не хотел бы среди **прилетевших** увидеть знакомую женскую фигурку, впрочем, за столько лет фигурка могла превратиться в незнакомую, тут опять же следовало быть начеку.*

*Треньканье еще долго нагоняло и как бы плыло в сыром воздухе рядом с Павлом Алексеевичем, да и сам Павел Алексеевич был еще **здешний, не уехавший**.*

*Компания теплая и небольшая, баскетболист с женой и другие, а в общем, **тридцатилетние и даже моложе, худые, рослые**, сомкнутые своим застольем и своей молодостью.*

*К молоденьким женщинам Томилин и вовсе не приближался: он считал, что отношения с **молоденькими** схожи с изменой и оскорбили бы память его Аннушки.*

*Посматривают на притаившегося сюда Михайлова (а он входит с виноватой улыбкой **незваного**).*

*Он инертен. Он из **тихих**.*

*Он и там был **смирный**.*

*Это говорилось в ответ, но именно не сразу, а отступив по времени, и подумав, и уже вполне заготовленно развернув слова в атаку «на **непонимающих** — на тех людей, что дела никакого не знали».*

Эти субстантивы одновременно обозначают и лицо, и его признак(и).

Есть и примеры уже привычных, вошедших в язык субстантивов:

*Дары угнетают, и **задариваемый** или **задариваемая** чувствуют себя не лучшим образом и рано ли, поздно ли будут жаждать из паутины освобождения.*

*И можно сказать, что становился **маленьким**...*

*Тогда Панов сказал ей **другое** — может быть, ей не тащить крест до самой горы.*

*Не все про них зная, однако же чуя, что он опытнее этих **деревенских**, его окруживших.*

Художественное произведение рассматривается как единое целое, но при этом целое, которое состоит из каких-то определенных компонентов. Поэтому перед филологами, приступающими к изучению грамматических сдвигов в языке художественной литературы, встает вопрос об исследовании произведения в его единстве, целостности, а не об отборе и сортировке каких бы то ни было отдельных элементов на уровне языкового строя.

Исследуя семантико-грамматические сдвиги в языке художественного произведения, необходимо проанализировать, какую же роль в языковой композиции текста они играют, поскольку одни и те же языковые явления могут получать самое разнообразное применение, приобретать резко отличные функции – в зависимости от структуры художественного произведения, его идейного замысла и композиции.

Так, например, в рассказе «Удалой» Юрия Мамлеева субстантивированное прилагательное помогает понять отношение персонажей к окружающей их реальности и идею произведения. Герой рассказа, Саша Курьев, живет в коммунальной квартире. Соседи не обращают на него внимание, их не интересует его жизнь. Ну, живет рядом человек, ну и что? Кого это волнует? Интересно соседям становится, когда они замечают в Курьеве **непонятное** – он поет у себя в комнате, кричит, а потом вдруг превращается в «кривоногое существо с козлиным взглядом». И все вокруг начинают кричать:

*Сколько можно терпеть **непонятное!***

*Тут гигант Савельич вместо того, чтобы постучать, разбежался и, как самый храбрый, тяжестью рухнул на Сашину дверь, сразу же вышибив ее, у него уже не было сил терпеть **непонятное**.*

Этот субстантив «непонятное» наиболее полно описывает отношение персонажей к происходящему, потому что «непонятное» - это не один из признаков реальности, а именно сама реальность (непонятное = реальность). Поэтому в данном случае прилагательное суб-

стантивируется, приобретая грамматические признаки имени существительного.

Но, стараясь понять «непонятное», люди начинают сходить с ума, реальность искажается еще больше: соседи и сами начинают вести себя ненормально. Идея произведения звучит в словах соседки Любочки:

— *Ну и хорошо, что непонятно, Тань! Так лучше! А то с ума сойдешь, от понимания-то! От понимания того, что было! Не заводись, Танька, плюнь на понимание!*

То, что мир вокруг нас – это «непонятное», которое не нужно пытаться постичь, и есть главная мысль рассказа.

Таким образом, субстантивация несет важную композиционную роль, помогает точнее понять идею произведения, обозначает авторскую оценку персонажей и явлений.

Список литературы

1. Ахметова, Г. Д. Языковая композиция художественного текста. М., 2002. 264 с.
2. Ахметова, Г. Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX-XXI вв.). Новосибирск : Наука, 2008. 167 с.
3. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., Флинта : Наука, 2008. 496 с.
4. Маканин, В. Избранная проза. СПб. : Искусство, 2008. 256 с.

List of literature

1. Ahmetova, G. D. Yazykovaya kompozitsiya hudozhestvennogo teksta. M., 2002. 264 s.
2. Ahmetova, G. D. Yazykovye protsessy v sovremennoy russkoy proze (na rubezhe XX-XXI vv.). Novosibirsk : Nauka, 2008. 167 s.
3. Babenko, L. G. Lingvisticheskiy analiz hudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika. M., Flinta : Nauka, 2008. 496 s.
4. Makanin, V. Izbrannaya proza. SPb. : Iskusstvo, 2008. 256 s.

**ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ АНТИНОМИИ
«ХАОС ↔ КОСМОС» В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА
«БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»**

Н. С. Кадырова

В данной статье рассматривается антиномия «хаос - космос», которая воплотилась в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» в соответствии с представлениями древних философов. Эта оппозиция стала основанием образной системы данного произведения.

Ключевые слова: оппозиция, антиномия, хаос, космос, микрокосм, разрушение, болезнь.

Античную цивилизацию по праву считают величайшим проявлением мощи человеческого разума. Действительно, трудно переоценить её заслуги в процессе формирования рационального познания, осмысления и отражения в языке объективной картины мира, в частности, в виде антиномий ключевых понятий и категорий, одной из которых является оппозиция «хаос ↔ космос», которая получила своё дальнейшее развитие не только в философских исследованиях, но и в образном осмыслении действительности различными видами искусства. Эта оппозиция является основанием текста романа М.А. Булгакова «Белая гвардия», рассмотрению которой посвящена настоящая статья.

По данным В.Н. Топорова [5. С. 9–10], внутренняя форма слов, используемых для обозначения космоса, вскрывает различные смыслы, определяющие основную идею и содержание понятия *космос*:

– древнееврейское *‘ōlām* ‘сокрытое, завешенное’ → ‘древность’ и ‘будущность’ представляет космос как временной поток, «мировое время», уносящее события в вечность, историю;

– немецкое *Welt* или английское *world* строится через соотнесение с человеческим возрастом, поколением в силу происхождения от герм. *wer* ‘человек’, ‘мужчина’ и *alt, altar* ‘возраст’, ‘поколение’, вероятно, схожую внутреннюю форму имеет и праславянское **věkъ* (русск. *век*);

– праславянское **mīgъ* (русское *мир*) сохраняет представление о космической целостности, противопоставленной хаотической де-

зинтеграции, о единстве социальной организации (*мир-община* как проекция *мира-космоса*), возникающей изнутри в силу договора (мира) и противопоставленной внешним и недобровольным объединениям.

Древнегреческое слово *κόσμος* (лат. *cosmos, mundus*, русск. *космос, мир, вселенная*) ‘пространство, простирающееся за пределами земной атмосферы (околоземное, межпланетное, межзвёздное и межгалактическое) со всеми присутствующими в нём объектами’ [4. С. 315] происходит от персидского *چادرا* ‘шатёр’, из чего следует, что внутренняя форма слова *космос* обусловлена метафорическим употреблением конкретного существительного в создании поэтического образа *шатра звёздного неба*, который впоследствии стал использоваться для обозначения мира в целом, всего, что находится на небе и под ним (*поднебесного мира, мира под звёздным небом-шатром*), поэтому в др.греч. слово *κόσμος* // *космос* приобрело широкий круг взаимосвязанных значений обусловленных этим семантическим переосмыслением: 1) ‘порядок’ → ‘упорядоченность’; 2) ‘строение’ → ‘устройство’ → ‘государственный строй’ → ‘правовое устройство’; 3) ‘надлежащая мера’; 4) ‘мировой порядок’ → ‘мироздание’ // ‘мир’; 5) ‘наряд’ → ‘украшение’ → ‘краса’. Такой широкий семантический охват способствовал тому, что в античной философской традиции термин *κόσμος* // *космос* использовался не только для обозначения мироздания, но и более широком значении – ‘целостная, упорядоченная, организованная в соответствии с определённым законом система’.

Космос понимался ранними античными философами как материальное и в то же время одухотворенное, живое целое, образовавшееся из стихии неорганизованного хаоса. Он представлялся как гармоничное, симметричное целое и был подчинён действию общего закона меры, справедливости и т.п. Как считает А.Ф. Лосев [2. С. 32], этот закон равно определяет и сам космос, и его крайнее звено – человека, т.е. выступает как принцип, лежащий в основе мифологической «физики космоса», с одной стороны, и человеческой нравственности – с другой. Данный космический закон ещё более объединяет космос и человека (так называемые, *макрокосм* и *микрокосм*). Эта идея воплощается в «Тимее» Платона [3. С. 67], где философ выдвигает именно космос в качестве образца человека, строимого по той же модели. Аналогия человека и космоса заключается и в том, что, согласно Платону, сам космос представляет собой живое разумное

существо, вместилище космического ума, космической души и космического тела, созданное демиургом в соответствии с вечным образцом и в подражание божественному мировому уму.

Внутренняя форма слова *χῶς* // *chaos* // *хаос* определяется его происхождением от древнегреческого корня *cha-* (отсюда слова *chaino*, *chasco* 'зеваю, разеваю'), выступающего в значениях 'зев, зевание, зияние, разверстое пространство, пустое протяжение', поэтому, по представлениям древних, он, словно пасть, поглощает космос, превращая всё вокруг в пустоту.

Исследуя образную систему романа М.А. Булгакова «Белая гвардия», можно констатировать, что представления о космосе и хаосе в тексте романа воплощаются в соответствии со взглядами античных философов: писатель создаёт образы *человека-космоса* и *человека-хаоса*.

Каждый положительный герой в романе предстаёт как «микрокосм», в котором органично взаимосвязаны все составляющие, что обеспечивает его физическое и психическое здоровье и красоту. Испытывая воздействие хаоса, находясь в состоянии тревоги и опасности, каждый человеческий «микрокосм» начинает разрушаться. Состояние беспокойства и смятения приходит на смену состоянию покоя и умиротворения в душе каждого члена семьи Турбиных. Нарушается привычная гармония и красота их жизни. Подтверждением этой мысли становится то, что за столом «в блестящем боку самовара отражаются *три изуродованных турбинских лица, и щеки Николки в нём, как у Момуса*» [1. С. 37]. Разрушение, уродование красоты – знак того, что хаос охватил не только весь дом Турбиных целиком, но и каждого члена этой семьи в отдельности. Так, например, глаза Елены, сильно переживающей за мужа, становятся «*черно-испуганными*» [1. С. 36]. Красивая внешность героини перестаёт быть таковой: «*В глазах Елены тоска, и пряди, подернутые рыжеватым огнём, уныло обвисли*», «*Голос её тосклив*» [1. С. 37]. Далее автор замечает: как только Елена услышала долгожданный звонок в дверь, она «*порозовела*» [1. С. 39]. Этот глагол становится показателем того, что в этот момент силы и душевное равновесие снова стали возвращаться к героине. И если, ожидая прихода Сергея Тальберга, она словно находится без движения, плачет «в комнате за кухней», то в момент его возвращения домой проносится «*бурей* через кухню, через книжную, в столовую» [1. С. 45]. Но мы снова видим, что она «*сразу постарела и подурнела*» [1. С. 46] во время серьёзного раз-

говора с мужем: *«Глаза красные. Свесив руки, печально она слушала Гальберга»* [1. С. 46].

Хаос, охватывающий героя, начинает разрушать слаженную систему работы его организма, человек начинает заболеть. Именно это происходит с Алексеем Турбиным, который во время погони получил тяжелое ранение. В тот момент, когда он вернулся домой, *«его лицо было бледно синеватой бледностью, а зубы стиснуты»* [1. С. 188]. Всё говорит о том, что жизненные силы покидают героя, но он продолжает крепиться. Через час он *«бледный, но уже синеватый, лежал по-прежнему навзничь на подушке»* [1. С. 188]. Этот «микроскоп» становится все более подверженным воздействию хаоса, которое вполне может привести к смерти героя. С появлением в доме раненого Алексея Турбина хаос снова вторгается в привычную жизнь: *«Через час в столовой стоял на полу таз, полный красной жидкой водой, валялись комки красной рваной марли и белые осколки посуды, которую обрушил с буфета неизвестный с жёлтыми отворотами, доставая стакан. <...> Анюта, белая, меловая, с огромными глазами, и Елена, растрёпанная, рыжая, подымали Турбина и снимали с него залитую кровью и водой рубаху с разрезанным рукавом»* [1. С. 188]. И чем выше далее становится температура героя, тем больше хаос вступает в свои права: *«К вечеру <...> ртутный столб, разбухая и рождаясь колдовским образом из густого серебряного шарика, выполз и дотянулся до деления 40,2. Тогда тревога и тоска в розовой спальне вдруг стали таять и расплываться. Тоска пришла, как серый ком, рассеившись на одеяле, а теперь она превратилась в жёлтые струны, которые потянулись, как водоросли по воде. <...> То Николкино, то Еленино, то Лариосиково лица показывались в дымке, наклонялись и слушали. Глаза у всех стали страшно похожими, нахмуренными и сердитыми»* [1. С. 198]. В большом сознании Алексея изменяется взгляд на родных и близких людей: *«Мелькнул полковник Малышев, нелепый, как лопарь, в ушастой шапке и с золотыми погонами, и притащил с собой много бумаг. Турбин прикрикнул на него, и Малышев ушел в дуло пушки и сменился Николкой, суетливым, бестолковым и глупым в своём упрямстве. <...> Еленины руки, обычно тёплые и ловкие, теперь, как грабли, расхаживали длинно, дурацки и делали всё самое ненужное, беспокойное, что отравляет мирному человеку жизнь на цейхгаузном проклятом дворе»* [1. С. 201]. Хаос продолжает уродовать людей. И даже после того, как Алексею Турбину удалось вырваться из цепких лап болезни, воскрес-

нуть, его внешность и мысли несут отпечаток разрушения и смерти: «Он резко изменился. На лице, у углов рта, по-видимому, навсегда присохли две складки, цвет кожи восковой, глаза запали в тених и навсегда стали не улыбочивыми и мрачными. <...> Мысли текли под шелковой шапочкой, суровые, ясные и безрадостные. Голова казалась легкой, опустевшей, как бы чужой на плечах коробкой, и мысли эти приходили как будто извне и в том порядке, каким самим было желательно» [1. С. 279–280].

Разрушительному воздействию хаоса немногим ранее в романе был подвергнут и Иван Русаков, «худенький и желтоватый молодой человек» [1. С. 280]. Мы видим, что началось разрушение и его души, и его тела (студент писал гнусные «богоборческие стихи» [1. С. 147], пил, принимал кокаин, вел развратный образ жизни и поэтому заболел сифилисом). В какой-то момент кажется, что, вращаясь на фонарном столбе перед Шполянским, он даже теряет человеческий облик: «Обхватив фонарь, он действительно винтился возле него, став каким-то образом длинным и тонким, как уж» [1. С. 147]; «Михаил Семенович подозвал извозчика <...> и уехал, а козий мех, пошатываясь, пешком *отправился* к себе на Подол» [1. С. 147]. В своём доме, стоя перед зеркалом, он внимательно разглядывает «нежную и тонкую звёздную сыпь» [1. С. 148] (главный признак болезни) и произносит слова, в которых скрывается страшное пророчество: «Пройдет пятнадцать лет, может быть, меньше, и вот *разные зрочки, гнущиеся ноги, потом безумные идиотские речи, а потом – я гнилой, мокрый труп*» [1. С. 148]. Душевное облегчение приносит студенту только беседа с отцом Александром, который потом и направил Русакова лечиться к Алексею Турбину.

Подытожим вышесказанное: во-первых, оппозиция «хаос ↔ космос» стала основанием романа М.А. Булгакова «Белая гвардия», воплотившись в соответствии с представлениями древних мыслителей; во-вторых, внутренняя форма слов, используемых для обозначения космоса и хаоса, в романе обнаруживает разнообразные смыслы, определяющие основную идею и содержание данных понятий; в-третьих, изображая героев романа в качестве своеобразных микрокосмов, писатель показывает, что гармония в их физическом и психическом состоянии может подвергаться воздействию хаоса, то есть космос начинает сменяться хаосом, и наоборот; в-четвертых, в романе можно выделить две разновидности хаоса (болезнь героя и разрушение привычной жизни героя).

Список литературы

1. Булгаков, М. А. Белая гвардия. М., 1989
2. Лосев, А. Ф. Ранний Платон // Платон. Диалоги. М. : Изд-во «Мысль», 2000. С. 3–65.
3. Платон. Диалоги. М. : Изд-во «Мысль», 2000. С. 66–78.
4. Современный словарь иностранных слов. М. : Русский язык, 1992.
5. Топоров, В.Н. Космос // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 9–10.

List of literature

1. Bulgakov, M. A. Belaya gvardiya. M., 1989
2. Losev, A. F. Ranniy Platon // Platon. Dialogi. M. : Izd-vo «Mysl'», 2000. S. 3–65.
3. Platon. Dialogi. M. : Izd-vo «Mysl'», 2000. S. 66–78.
4. Sovremennyy slovar' inostrannyh slov. M. : Russkiy yazyk, 1992.
5. Toporov, V.N. Kosmos // Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2-h t. / Gl. red. S. A. Tokarev. M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1992. T. 2. S. 9–10.

ГЕРОЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ КЛАССИЧЕСКОГО АВАНТЮРНОГО РОМАНА

С. А. Кучина

Обозначив проблему «героя» в структуре классического авантюрного романа в целом, мы должны сделать оговорку: из всех разновидностей литературных типов нас интересует модификации авантюрного героя в творчестве Н.В. Гоголя, представленные парадигмой «Хлестаков – Ноздрев – Кочкарев».

Ключевые слова: тип, типология, авантюрный герой, авантюренность, художественная система.

Парадигма *Хлестаков – Ноздрев – Кочкарев* является частью художественной системы Н.В. Гоголя. Однако эта парадигма накапливает свою семантику не только в контексте художественной системы Гоголя. Заявленные герои могут быть вписаны в общелитературную традицию как модификации классического типа авантюрного героя. Чтобы выделить те характерологические признаки, по которым функционирование представителей парадигмы в сюжете произведений соотносится с поведением и внешними признаками классического типа авантюрного героя, необходимо рассмотреть само понятие «авантюрного героя» и связанного с ним хронотопа авантюрного романа.

«Про авантюрного героя, – писал М.М. Бахтин, – нельзя сказать, кто он. У него нет твердых социально-типических и индивидуально-характерологических качеств, из которых слагался бы устойчивый образ его характера, типа и темперамента. Такой определенный образ отяжелит бы авантюрный сюжет, ограничил бы авантюрные возможности. С авантюрным героем все может случиться, и он всем может стать. Он не субстанция, а чистая функция» [1. С. 94].

Определение авантюрного героя делает необходимым введение, хотя бы рабочего, понятия «авантюрности». Анализ классических трудов (М.М. Бахтина, Е.М. Мелетинского, Е.В. Хализева, О.М. Фрейденберг, Л.Я. Гинзбург), посвященных авантюрному роману и авантюрному герою напрямую или косвенно, позволил сформулировать (в общем виде, т.к. понятие «авантюрности» в движении традиции претерпевало существенные изменения) рабочее определение

авантюристности как литературной категории: это неисчерпаемый потенциал героя вступать в рискованные, сомнительные предприятия в расчете на случайный успех. При этом социальный статус литературного персонажа, его внешний вид, возраст, особенности характера не играют определяющей роли, т.е. любой герой, имеющий склонность к авантюрам (сомнительным родам действий) может быть авантюристом. Именно такая ускользающая характеристика определяет продуктивность авантюрного жанра.

Авантюрный герой – это образ человека, который в высшей степени зависит от случая или вмешательства высших сил, будь то сверхъестественные силы, таинственные злодеи или благодетели. Он лишен инициативности, лишь приспосабливается к проделкам рока и вынужден действовать с учетом сложившихся обстоятельств, что, в свою очередь, сохраняет неизменность образа героя, его «тождественность» самому себе. Гоголь дает «неизменности» авантюрного героя свой эквивалент – это духовно не оформленный, причем, статичный в своей неформальности внутренний мир героя, что и определяет его способность к адаптации в любых обстоятельствах и бесконечным модификациям. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что возможность вписывать творчество писателя в архаическую традицию обусловлена наличием в художественной системе современного автора понятий, эквивалентных архаичной системе. «Неизменность» у Бахтина является качеством, обеспечивающим стойкость авантюрного героя перед лицом судьбы и продуктивность авантюрного сюжета. У Гоголя «неизменность» – проявление «элементарности» натуры героя.

Авантюрный герой, как правило, находится вне социальной иерархии, он стоит вне общества, что существенно облегчает его мобильность в сравнении с другими персонажами, а также определяет специфический взгляд на окружающую его действительность. С авантюрным героем в сюжете произведения устойчиво связаны мотивы «случайной встречи», «испытания», «разлуки», «бегства», «обретения», «потери». Функционирование в сюжете авантюрного героя всегда «хронотопично», т.е. обусловлено определенной пространственной и временной организацией художественной действительности. Именно поэтому необходимо более подробно остановиться на типах авантюрного хронотопа.

Хронотоп в литературе, по замечанию М. Бахтина, имеет жанроопределяющее значение, причем ведущим началом в нем явля-

ется понятие художественного времени. М.М. Бахтин, определяя время авантюрного романа, отмечает, что «все действие <...> романа, все наполняющие его события и приключения не входят ни в исторический, ни в бытовой, ни в биографический, ни в элементарно биологически-возрастной временные ряды. Они лежат вне этих рядов и вне присущих этим рядам закономерностей и человеческих измерителей. В этом времени ничего не меняется: мир остается тем же, каким он был» [2. С. 95]. Биография героя уподобляется «вневременному зиянию» и не получает выхода в сюжетный ряд. Именно поэтому М.М. Бахтин соотносит с биографическим временем авантюрного героя формулу «пустое время», которое не получает отмеченности ни в сюжете, не в судьбе героев.

Три романских хронотопа во многом определили, по замечанию М. Бахтина, развитие всего авантюрного романа до середины восемнадцатого века. Согласно позиции исследователя, к ним относятся авантюрный роман испытания («греческий» или «софистический»), авантюрно-бытовой и биографический романы.

В основе каждого типа лежит фиксированная сюжетная схема: встреча двух молодых людей брачного возраста, неожиданная разлука по причине вмешательства враждебных сил, череда испытаний, благополучное воссоединение героев. Это сюжетное действие, как отмечает М. Бахтин, разворачивается в очень широком и разнообразном географическом пространстве. Наряду с этим в роман вводятся рассуждения на различные религиозные, философские, политические и научные темы. Таким образом, данный тип романной структуры стремится к энциклопедичности.

Бесконечный ряд сюжетных авантюры греческого романа управляется, как уже было отмечено выше, «случаем». Характер пространства данного типа романа не входит в «событие как его составная часть, место входит в авантюру лишь как голая абстрактная интенсивность» [2. С. 104]. Поэтому мир греческого романа – «чужой мир», с которым герой никак не связан. Хронотоп греческого романа, по мнению М. Бахтина, наиболее абстрактный из больших романских хронотопов.

Ко второму типу данной романной структуры можно отнести такие произведения как «Сатирикон» Петрония и «Золотой осел» Апулея, в его основе лежит сочетание авантюрного времени с бытовым. Жизненный путь героя в таких романах дан в «оболочке метаморфозы» и сливается с «реальным путем странствования».

События, случившиеся с героем, впоследствии определяют его жизнь, поэтому в авантюрно-бытовом романе мы не встретим описание всего жизненного пути героя, а лишь переломные, ключевые моменты его биографии. Ряд пережитых героем авантур приводит «не к простому подтверждению его тождества, но к построению нового образа очищенного и перерожденного героя» [2. С. 134].

К третьему типу относится биографический роман. Однако, как отмечает М. Бахтин, крупного произведения в этом жанре античность не создала. В основе такого романа лежит публичное раскрытие натуры героя, в которой не могло быть ничего «интимно-приватного, секретно-личного, повернутого к самому себе, принципиально одинокого. Человек здесь открыт во все стороны, он весь вовне, в нем ничего нет “для себя одного” <...>. В самом этом человеке нет никакого немого и незримого ядра» [2. С. 142].

Такая «овнешненность» человека возникает не в пустом пространстве, а в человеческом коллективе, и поэтому носит «публичный характер». Сюжет авантюрного романа стойко связан с хронотопом дороги. Однако в более поздней исследовательской традиции (классификация Ю.М. Лотмана) авантюрный герой коррелирует с типом героя-степи, главной чертой которого является движение, не имеющее вектора цели. Несмотря на течение биологической жизни авантюрного героя, внешне и внутренне он остается «тождественным» себе, хотя в некоторых вариантах возможно отклонение от этой нормы, тогда мы встретим в романе описание становления новой личности после пережитых ею катастроф (моментов потрясений). Внутренняя жизнь героя, как правило, направлена во вне. Случайные встречи, разлуки и путешествия определяют жизненный путь героя и ключевые моменты его биографии.

Следует также отметить, что плутовская традиция продуцирует тип антигероя, представляющего собой вариант авантюрного героя. Мы, однако, заметим, что различие этих двух литературных амплуа (авантюрный герой и герой-плут) не является существенным для концепции нашей работы и не меняет сути описанного нами литературного типа. Для нас важна сама структура авантюрного героя, его характерологические признаки, функция в сюжете и связанный с ними авантюрный хронотоп.

Соотнося представителей парадигмы *Хлестаков – Ноздрев – Кочкарев* с «классическим» образом авантюрного героя, следует отметить, что речь идет, во-первых, о модификациях, а не о прямом

воспроизведении автором классического типа данного героя. Вторых, мы описываем образы второстепенных персонажей (кроме Хлестакова), а не главного героя, на статус которого, как правило, ориентирован образ авантюрного героя. Следующее уточнение необходимо сделать относительно комедийных героев Хлестакова и Кочкарева, которые имеют отношение скорее к традиции комедии «нравов» и уже через нее (образы «хвастливого воина», «капитано») могут встраиваться в авантюрную традицию в сниженном ее варианте (герой-плут)¹.

В классическом авантюрном романе после всех испытаний герой остается верен / тождественен самому себе. В «Ревизоре» Гоголя, при всей исключительности ситуации («ничтожество», которое приняли за ревизора), она парадоксально не является ни переломной, ни определяющей для жизни героя. Случайное событие в ходе повествования/действия на некоторое время захватывает героя, подчиняет себе его поведение, но никак не определяет его судьбу и не меняет его человеческое качество.

Во многом образы представителей парадигмы соотносимы с героями биографического романа. Их сближает отсутствие описания собственного внутреннего эмоционального состояния. Все их действия и эмоции направлены вовне, а внутренний план либо скрыт от читательского глаза, либо отсутствует. Такую особенность отмечали многие исследователи творчества Гоголя (А. Белый, Ю. Манн, А.Л. Елистратова, М. Вайскопф). Образы *Хлестакова - Ноздрева – Кочкарева* трудны для интерпретации, поскольку читатель не знает, какими мыслями и чувствами живут герои, чем руководствуются, совершая свои действия. Не случайно у Хлестакова и Кочкарева почти отсутствуют реплики в сторону. Именно Ноздрев оставит Чичикова ни с чем, хотя внешняя открытость и простота персонажа предполагает другую развязку, на что и рассчитывал Чичиков первоначально.

Пространство, в котором функционируют *Хлестаков – Ноздрев – Кочкарев*, достаточно условно – это уездный/ губернский город (в случае с Кочкаревым не обозначено, но ясно по деталям сюжета). Это факт может быть связан со стремлением Гоголя уйти от чрезмерной социальной и исторической конкретизации и представить образ универсального города, ставший символом человеческой души со всеми ее пороками. Однако, с другой стороны, такая организация пространства не только не противоречит логике авантюрного хронотопа, но и фиксирует это качество «условности» на таком этапе

литературного процесса, когда «голая» условность уже почти невозможна в тексте.

Попытка вписать гоголевскую парадигму героев в определенную литературную традицию сопряжена с известной сложностью. Сопоставить *Хлестакова – Ноздрева – Кочкарева* с какой-либо литературной парадигмой однозначно невозможно. По характеру сюжетных функций в наибольшей степени эта парадигма соотносима классическим авантурным героем, который также представлен в произведениях Гоголя (Чичиков). Однако авантурность образов парадигмы – специфическая: в характере героев снимается всякий «умысел», они выполняют свои действия, не руководствуясь никаким планом. Таким образом, в структуре образов остается «голая» функциональность, «абстрактная интенсивность» (М. Бахтин): способность находится в авантурном ряду и продуцировать его.

Смена у Гоголя статуса авантурного героя (перемещение свойства авантурности от главного героя к второстепенному) обнажает внутреннюю модель взаимоотношений «парных» в сюжетном отношении персонажей: *Хлестаков – городничий, Ноздрев – Чичиков, Кочкарев – Подколесин*. В отличие от классического авантурного сюжета, объектом внимания у Гоголя становятся события жизни либо неавантурного героя (как, например, в случае *Подколесины*), либо «классического» авантюриста (*городничий, Чичиков*). Такой характер взаимоотношений отчасти оправдывает внутреннюю закрытость представителей парадигмы *Хлестаков – Ноздрев – Кочкарев*, немотивированность их действий по отношению к главным героям произведений. Таким образом, в связи с представителями гоголевской парадигмы *Хлестаков – Ноздрев – Кочкарев* можно говорить не о развитии классической модели построения авантурного сюжета и авантурного героя, а о своего рода «псевдоавантурности».

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. М. : Издательство «Азбука», 2004. 333 с.
2. Бахтин, М. М. Из предыстории романного слова. М. : Художественная литература, 1986. 353–392 с.

List of literature

1. Bahtin, M. M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti. M. : Izdatel'stvo «Azбуka», 2004. 333 s.
2. Bahtin, M. M. Iz predystorii romannogo slova. M. : Hudozhestvennaya literatura, 1986. 353–392 s.

3. Белый, А. Мастерство Гоголя, исследование. М. : МАЛП, 1996. 351 с.
4. Вайскопф, М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М. : Радикс, 1993. 590 с.
5. Елистратова, А. Л. Гоголь и проблемы западно-европейского романа. М. : Просвещение, 1972. 320 с.
6. Лотман, Ю. М. О типологическом изучении литературы // О русской литературе. СПб. : «Искусство-СПБ», 1997. С. 766–774.
7. Манн, Ю. В. Гоголь и мировая литература. М. : Наука, 1988. 320 с.
3. Belyj, A. Masterstvo Gogolya, issledovaniya. M. : MALP, 1996. 351 s.
4. Vayskopf, M. Syuzhet Gogolya. Morfologiya. Ideologiya. Kontekst. M. : Radiks, 1993. 590 s.
5. Elistratova, A. L. Gogol' i problemy zapadno-evropeyskogo romana. M. : Prosveschenie, 1972. 320 s.
6. Lotman, Yu. M. O tipologicheskom izuchenii literatury // O russkoy literature. SPb. : «Iskusstvo-SPB», 1997. S. 766–774.
7. Mann, Yu. V. Gogol' i mirovaya literatura. M. : Nauka, 1988. 320 s.

**ЯЗЫК КИТАЙСКИХ МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ СУ ШИ
«В ЧИБИ РАЗМЫШЛЯЮ О ДРЕВНИХ»)**

Ли Эр Юн

В статье рассказывается о китайских музыкально-поэтических произведениях, которые рассматриваются на примере стихотворения Су Ши «В ЧибИ размышляю о древних», написанного в жанре «цы» и положенного на музыку композитором Цин Чжу. Благодаря структуре, содержанию и особенностям образной системы стихотворение подходит для музыкальной реализации. Язык таких произведений, объединяя выразительные возможности художественной литературы и музыки, передает индивидуально-авторскую и национальную картину мира.

Ключевые слова: музыкально-поэтические произведения, стихотворение, песня, жанр «цы», метафора, образ.

В мире художественной литературы и искусства существуют произведения синкретического характера, созданные при помощи различных выразительных средств. Это, например, музыкально-поэтические произведения – стихи, получившие вокальное воплощение. Искусства, благодаря которым родилось новое творение особого характера – словесно-музыкальное единство – неразделимы.

Говоря о языке музыкально-поэтических произведений, мы основываемся на широком понимании языка: «...концепция языка охватывает три широкие области: естественных (национальных) языков, искусственных языков (математики, химии и т. п.), а также различных технических кодов) и вторичные моделирующие системы, включаемые в понятие культуры, которые образуются на базе естественного языка путем упрощения или сублимации – в том числе музыку» [1. С. 359], поскольку концептуальное содержание произведения выражается путем синтеза средств языка художественной литературы и музыки.

В первой четверти XX в. произошли значительные преобразования как в социально-экономической, так и в духовно-культурной сфере в истории развития Китая. В годы Первой мировой войны

в Пекине и Шанхае появилось новое идейное течение – так называемое «Движение за новую культуру». Центральным органом этого движения стал журнал «Синь циньянь» («Новая молодежь»), с 1915 г. выходивший под редакцией профессора, а позже декана факультета гуманитарных наук Пекинского университета Чэнь Дусю. Основной задачей «Движения» стало реформирование литературы, что проявилось в замене старого языка, традиционного для классической литературы и официальной переписки (вэньянь), оторванного от устной речи и непонятного для большинства китайцев, новым литературным языком на основе общенародного разговорного языка (байхуа) [2. С. 117–124].

Появляются призывы к постепенному преобразованию китайской действительности, развитию образования, освоению культурных достижений зарубежных стран, что должно было способствовать экономическому, политическому и культурному росту Китая [3. С. 105–108].

Музыкальное искусство находилось в тесной связи с философскими учениями и религиозными представлениями. Во все времена китайцы наполняли музыку высоким идейно-эмоциональным содержанием, верили в ее облагораживающее воздействие, понимали неразрывную связь музыкального искусства с действительностью [4. С. 9–36].

Лишь в начале XX столетия в Китае начинает зарождаться система профессионального музыкального образования, что связано с возникновением течения «Сюе Тан Юе Гэ». В основе всего лежало пение [5. С. 138–150].

После Движения 4 Мая (1919) методы создания и стиль классических западных музыкальных произведений начали оказывать огромное влияние на создание китайских произведений нового времени [2. С. 117–129].

В первую очередь, это касается традиций жанровых и стилевых. Наряду с инструментальными произведениями появляются первые вокальные произведения, которые получают название «художественная песня», где под словом «художественная» подразумевается «профессиональная». Ввел этот термин (как перевод с немецкого «Kunstlied») Сяо Юмэй [6. С. 319–323].

В преддверии нового времени среди китайских музыкальных произведений выделялась еще одна песенная форма – классическая китайская художественная песня, представленная двумя разновид-

ностями: 1) напевы, передававшиеся веками с древности, с написанными древнекитайскими деятелями искусства текстами, аккомпанемент под которые подбирался уже в XX в.; 2) песни, созданные в XX в. на старинные тексты, при этом композиторы подражали древнему стилю [3. С. 112–119].

Неразрывная связь поэзии и музыки – наиболее характерная черта древнего китайского искусства. Презентация поэтических текстов, как правило, представляла собой их вокализацию. Художественная песня предполагает обращение исследователя к источникам китайского стихотворения. В работе предпринимается попытка анализа образного содержания художественной песни, написанной в традиции «цы».

Е.В. Михайлова указывает: «Песенный мир – очень широкий мир, и он доступен для всех, каждый человек найдет в нем что-то свое <...> Читая, интерпретируя произведения, предназначенные для вокального исполнения <...> можно выделить их особенности, с одной стороны, как поэтических, и, с другой стороны, как музыкально-поэтических произведений» [7. С. 144].

Огромную роль в китайской ритмике играет строение стихотворения, если оно положено на музыку, то это – особое художественное произведение. Музыкальная и поэтическая образность, создавая союз, оттеняют и выделяют выигрышные стороны друг друга: «Сливаясь, слово и музыка обогащают друг друга. Слово, текст делает музыку более определенной, конкретной по смыслу. Музыка, мелодия усиливает эмоциональную сторону текста» [8. С. 5].

В частности, при пении исполнитель должен установить непрерывный диалог с инструментом, совместно с аккомпаниатором выражая художественную идею стихотворения.

Первым произведением, которое отвечало бы высоким требованиям пения, многие композиторы и музыковеды Китая считают, например, песню композитора Цин Чжу «В Чибии размышляю о древних» (1920) [9. С. 250–251].

Цин Чжу (настоящее имя – Мю Шаньго) был философом, юристом, педагогом и композитором. С 1912 г. он изучал юриспруденцию в Германии, параллельно получил и музыкальное образование. После возвращения на родину Цин Чжу занимался педагогической деятельностью, возглавлял журнал «Музыкальное искусство» при Шанхайском государственном музыкальном институте. Его композиторское наследие невелико, в основном это произведения песенного жанра [10. С. 281].

«В Чиби размышляю о древних» представляет собой яркий пример синтеза западноевропейской и восточной музыкальных культур. При выборе сюжета для своего произведения композитор обращается к творчеству знаменитого поэта времен династии Сун (960–1279) Су Ши. Стихотворение написано в жанре «цы», что непосредственно уже само по себе представляет определенный интерес. «Цы» – это один из древнейших жанров китайской поэзии. Возник он как песенная музыкальная традиция и вначале считался простонародным жанром. Стихи писались на одну из 660 мелодий, которые задавали поэтический размер, число строк и слов в строке. Их можно было исполнять как с музыкальным сопровождением, так и без него. По своей природе и художественным особенностям «цы» близки европейскому романсу. Лишь с течением времени жанр стал исключительно литературным. Своего расцвета «цы» достигли в эпоху Сун, а именно в творчестве поэта Су Ши. Он расширил образную сферу (до этого времени стихи в жанре «цы» ограничивались пейзажной и лирико-интимной тематикой), установил четкую структуру стиха, сделав тем самым размеры «цы» каноническими. Су Ши удалось показать своими стихами, что «цы» способны выразить все то, что долгое время считалось доступным только более высоким поэтическим жанрам [11. С. 31–49]. Стихотворение «В Чиби размышляю о древних» создано на мелодию «Няньнуцзяо».

Поэт начинает свое описание с бурлящей, несущей свои воды на восток реки Янцзы: «Великая эта река // Течет и течет на восток» [9. С. 250]. При этом он проводит параллель с героями давних времен, создавая при описании очень древний и крупномасштабный фон, который позволяет читателю почувствовать раскованный, свободный дух древних героев, увидеть несущиеся вперед с огромной скоростью воды великой реки: «Героев, что жили в веках, // Их славных деяний следы – // Все смыл беспощадный поток» [9. С. 250]. В то же время мы можем почувствовать лирическое настроение поэта, овладевшее им при виде Янцзы. Он вспомнил о месте древнего сражения (Красная Скала), где когда-то величайший герой Чжоу-юй с горсткой воинов разбил мощные отряды Цао Цао, что стало примером его непревзойденного воинского мастерства: «Где тянется западный вал, // Стояла там крепость Чиби. // Там в пору Трех царств держал // Осаду герой Чжоу-юй – // И был неприятель разбит» [9. С. 250]. Далее поэт описывает красоту Красной Скалы: крутые обрывы, бурлящие волны, бьющиеся о берега Янцзы, бушующее течение, поднимающее

неисчислимые пенные потоки. Здесь поэт использует живое, яркое описание под различными углами зрения, чтобы унести читателя в мир, где мчатся тысячи лошадей, где душа замирает: «Вгрызаются в облака // Уступы стены крепостной. // Валы – за раскатом раскат – // Свиваясь и пенясь, режут // И рушатся под стеной» [9. С. 250]. Автор сравнивает природу родного края с прекрасной картиной, вспоминая об эпохе Троецарствия, взрастившей настоящих героев: «Горные кручи вдали. // Вознесшиеся над рекой, // Словно с картины сошли, // Созданной смелой рукой. // Как зачарован, стою, // Думаю вновь и вновь – // Сколько отчизна в те дни // Взрастила отважных сынов!» [9, с. 250–251]. Разве в условиях такой красоты возможно, чтобы на земле не появлялись герои? Поэтому поэт опять живо и свободно описывает образ Чжоу-юя (Гун-цзина) («Время Гун-цзина на миг // В памяти я воскресил – // Он предо мною возник, // Удали полон и сил. // Ему Сяо-цяо под стать, // Названная женой. // Свадьбу недавно сыграть // Было им суждено» [9. С. 251]), параллельно подчеркивая красоту его жены – красавицы Сяо-цяо [10. С. 285–286].

Все стихотворение передает восхищение поэта природой своей родины, восславление древних героев, а также, кроме этого, горячую любовь автора к родному краю.

«Рассмотренное стихотворение построено на основе мировоззренческой метафоры «время, жизнь – река» («Все смысл беспощадный поток» [9. С. 250]), которая затем трансформируется в метафору «жизнь – сон» («И жизнь наша – словно сон!» [9. С. 251]). В контексте данных образов автор воспекает героев ушедших времен и словно призывает современников быть такими же, как они. Эмоциональную окраску данному музыкально-поэтическому произведению придают метафоры («Вгрызаются в облака // Уступы стены крепостной» [9. С. 250] и др.), сравнение картины, созерцаемой лирическим героем, с картиной, созданной художником, а также патетическая, восклицательная интонация некоторых строф.

В основу произведения «В Чибь размышляю о древних» положены стихи лирико-эпического характера, рассказывающие о героях времен троецарствия. Структура песни подчиняется структурному развитию стихотворения, образуя сквозную строфическую форму. Как известно, разработана она была в творчестве композиторов-романтиков и впервые в своем законченном виде встречается в песенном творчестве Шуберта. В ней логика построения музыкального тематизма в наибольшей степени зависит от текста и подчиняется

всем эмоционально-смысловым сдвигам стиха [12. С. 73–87].

Произведение заканчивается коротким заключением, состоящим скорее из нескольких речевых, нежели мелодических, интонаций: «Раздумьем о древних объят, // Стою у реки под луной // И в воду, свершая обряд, // Лью из сосуда вино» [9. С. 251]. Последняя фраза, построенная как короткий октавный взлет, приводит к эмоционально-смысловой кульминации всего произведения.

При исполнении этих художественных песен необходимо было не только пользоваться техникой и заимствовать стиль бельканто, но и соединять их с традиционными китайскими формами исполнения и техникой звукоизвлечения [12. С. 73–87].

Среди людей, исполнявших рассмотренное музыкально-поэтическое произведение, следует упомянуть имя известного тенора Цзян Цзяцяна (родился в 1935 г.), внесшего значительный вклад в развитие китайского вокального искусства. Он учитывал влияние и требования китайской языковой культуры. К тому же, высокий уровень его образования помог ему прекрасно понять культурную составляющую произведений, что придавало его исполнению особую выразительность [13. С. 67].

Таким образом, анализ стихотворения Су Ши «В Чибя размышляю о древних позволяет сделать вывод о том, что структура жанра «цы», бывшего ранее песенным, особенности содержания и сложная образная система, основанная на развертывании мировоззренческой метафоры, способствовали возможности музыкального воплощения данного произведения. Л.Г. Кайда указывает: «Два столь разных вида искусства как музыка и литература под рукой писателя или композитора нередко сливаются в одно целое. Когда в музыке звук, рожденный мыслью, становится символом содержания, сама музыка воссоздает художественную картину мира» [14. С. 165]. Следовательно, язык китайских музыкально-поэтических произведений объединяет выразительные возможности художественной литературы и музыки и передает индивидуально-авторскую (свойственную поэту Су Ши и обогащенную композитором Цин Чжу) и национальную картину мира, в которой объективированы особенности менталитета.

Список литературы

1. Орлов, Г. Древо музыки. 2-е изд. СПб. : Композитор • Санкт-Петербург, 2005. 440 с.

List of literature

1. Orlov, G. Drevo muzyki. 2-e izd. SPb. : Kompozitor • Sankt-Peterburg, 2005. 440 s.

2. Шнеерсон, Г. М. Музыкальная культура Китая. М. : Музгиз, 1952. 250 с.
3. Чжоу, Ин Цэн. Пение и слушание. Пекин : Китайское Вэнляньское издательство, 2008. 171 с. (на китайском яз.).
4. Виноградов, В. С. Музыка в Китайской народной республике. М. : Советский композитор, 1959. 87 с.
5. Чэнь, Пинии. Краткий обзор по истории музыки Китая. Чунцин : Педагогическое юго-западное издательство университета, 2003. 396 с. (на китайском яз.).
6. Сунн, Цзи Нань. Краткая история музыки Китая. Цзинань : Шандунское педагогическое издательство, 1993. 616 с. (на китайском яз.).
7. Михайлова, Е. В. Концепт «музыка» в поэтических текстах – представителей разных языков и культур. Минск : Тесей, 2009. 188 с.
8. Ручьевская, Е. А. Слово и музыка. Л. : Музгиз, Ленингр. отделение, 1960. 56 с.
9. Китайская лирика / пер., предисл., коммент. М. Басманова. СПб. : Северо-Запад Пресс, 2003. 580 с.
10. Хэтан, Иньш. 300 Танских стихов, Сунских цы, Юаньских цюй. Яньань : Китайское Яньбианское народное издательство, 2007. 510 с. (на китайском яз.).
2. Shneerson, G. M. Muzykal'naya kul'tura Kitaya. M. : Muzgiz, 1952. 250 s.
3. Chzhou, In Tsen. Penie i slushanie. Pekin : Kitayskoe Venlyanskoe izdatel'stvo, 2008. 171 s. (na kitayskom yaz.).
4. Vinogradov, V. S. Muzyka v Kitayskoy narodnoy respublike. M. : Sovetskiy kompozitor, 1959. 87 s.
5. Chen', Pini. Kratkiy obzor po istorii muzyki Kitaya. Chuntsin : Pedagogicheskoe yugo-zapadnoe izdatel'stvo universiteta, 2003. 396 s. (na kitayskom yaz.).
6. Sunn, Tsz. Nan'. Kratkaya istoriya muzyki Kitaya. Tszinan' : Shandunskoe pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1993. 616 s. (na kitayskom yaz.).
7. Mihaylova, E. V. Kontsept «muzyka» v poeticheskikh tekstah – predstavitelyah raznyh yazykov i kul'tur. Minsk : Tesey, 2009. 188 s.
8. Ruch'evskaya, E. A. Slovo i muzyka. L. : Muzgiz, Leningr. otdnie, 1960. 56 s.
9. Kitayskaya lirika / per., pre-disl., komment. M. Basmanova. SPb. : Severo-Zapad Press, 2003. 580 s.
10. Hetan, In'sh. 300 Tanskih stihov, Sunskih tsy, Yuan'skih tsyuy. Yan'an' : Kitayskoe Yan'bianskoe narodnoe izdatel'stvo, 2007. 510 s. (na kitayskom yaz.).

11. Чжан, Сяо Нун. Китайское древнее вокальное искусство. Пекин : Издательство «Китайское книжное бюро», 2003. 215 с. (на китайском яз.).
12. Чжан, Цзюн Современная китайская литература // Культуры – диалог народов мира. 1984. № 4. С 72–79.
13. Тан, Лин Педагогическое вокальное суждение. Шанхай : Издательство Шанхайской консерватории, 2004. 211 с. (на китайском яз.).
14. Кайда, Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию: учебное пособие. М. : Флинта, 2004. 208 с.
11. Chzhan, Syao Nun. Kitayskoe drevnee vokal'noe iskusstvo. Pekin : Izdatel'stvo «Kitayskoe knizhnoe byuro», 2003. 215 s. (na kitayskom yaz.).
12. Chzhan, Tsyun Sovremennaya kitayskaya literatura // Kul'tury – dialog narodov mira. 1984. № 4. S 72–79.
13. Tan, Lin Pedagogicheskoe vokal'noe suzhdenie. Shanhay : Izdatel'stvo Shanhayskoy konservatorii, 2004. 211 s. (na kitayskom yaz.).
14. Kayda, L. G. Stilistika teksta: ot teorii kompozitsii – k dekodirovaniyu: uchebnoe posobie. M. : Flinta, 2004. 208 s.

**ПОЭТИКА МИСТИЧЕСКОГО
В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ГОГОЛЯ И Н. САДУР**

А. Ю. Мещанский

В статье рассматривается драматургическое творчество Н. Садур, которое концептуально соотносится с поэтикой Н. Гоголя. Центральное место в работе занимает анализ пьес Н. Садур «Панночка» и «Брат Чичиков», тематически связанных с произведениями Н. Гоголя «Вий» и «Мертвые души».

Ключевые слова: поэтика мистического, интертекстуальные связи, современная драматургия.

В конце 1980-х гг. возникло и сразу обратило на себя внимание объединение молодых писательниц «Новые амазонки» – творческий союз, причисленный критикой к художественно-эстетическому течению «новой женской волны» или «новой женской прозы» в русской постперестроечной литературе. Среди них можно назвать таких писательниц, как С. Василенко, В. Нарбикова, Л. Ванеева. К числу литературных «амазонок» конца XX века исследователи отнесли и Н. Садур – одного из самых загадочных писателей нашего времени.

Примечательно, что сама Н. Садур к «женской волне» в современной литературе относилась скептически и не хотела, чтобы её творчество воспринималось в рамках «женской прозы». В одном из интервью она, отвечая на вопрос «Как вы оцениваете понятие “женская проза”?», сказала: «Я отношу его к веянию моды и вижу в нем некоторую дискриминацию. Я бы женскую прозу оценила как некое сведение счетов с мужчинами и вымещение комплексов. Конечно, любое творчество, и мое в том числе, не может не быть окрашено полом. Я женщина и исследую мир данными мне возможностями, но когда пишу, то об этом, естественно, не думаю» [1].

Н. Садур известна читателю не только как активно пишущий прозаик, но и как репертуарный драматург, пьесы которого востребованы отечественными и зарубежными театрами. Причину сценического успеха Н. Садур (бывшей уборщицы театра им. А.С. Пушкина) критики видели в «необычности», «нетрадиционности» и даже «мистичности» её пьес. До сих пор исследователи ведут спор о том,

с каким типом художественного мышления (авангардизмом, пост-модернизмом, абсурдизмом) связан «космос» драматурга. Хотя сама писательница неоднократно говорила о своем художественном консерватизме. По-видимому, не случайно в драматургическом репертуаре Садур встречаются произведения, написанные с ориентацией на широко известные литературные источники («Панночка», «Брат Чичиков», «Памяти Печорина»). Литературный консерватизм объясняет тематические пристрастия драматурга: «В искусстве, безусловно, есть всего две темы: взаимоотношения мужчины и женщины и взаимоотношения человека и Бога. Других тем нет. Все остальное – сюжеты» [1]. По сути, писательское кредо Садур совпадает с творческим принципом Э. Гиппиус, которая всю жизнь была верна лишь нескольким темам, обозначенным поэтессой в стихотворении «Тройное»:

Тройная правда – и тройной порог.
Поэты, этому верному верьте.
Только об этом думает Бог:
О Человеке.
Любви.
И Смерти.

Гностический («гносис» – мистическое познание) опыт познания мира является главной особенностью художественного метода Н. Садур. «Любое творчество – это тайна и мистика», – утверждала писательница. В этом Садур вторит М. Булгакову, сказавшему о себе: «Я – мистический писатель» [2. С. 446]. Подлинная литература, как полагает драматург, не должна отражать действительность, отвечать на запросы общества и решать какие-то социальные проблемы. В различных интервью Садур неизменно подчеркивает главную задачу своего творческого и жизненного пути – «исписать», «выписать» свой внутренний мир, не подчиняющийся законам маргинального общества. Мирозидение драматурга базируется на вере в то, что окружающий, реальный мир «переполнен символами и знаками» инобытия. Как и В. Набоков, Садур уверена в том, что «загробное окружает нас всегда, а вовсе не лежит в конце какого-то путешествия» [3. С. 484]. Можно сказать, что литературу Садур воспринимает как соприкосновение с иными состояниями сознания. Подобная метафизическая концепция творчества имеет глубокие философские

корни. «В трансцендентальных явлениях нет ничего мистического», – утверждал К. Юнг. «Я никогда не шел имманентным путем, только – трансцендентным, то есть творческим», – любил подчеркивать Н. Бердяев.

На «солидарность» Садур с иррациональным, алогичным, необъяснимым обращали внимание многие критики: «Вне зависимости от жанра, её художественный мир балансирует на грани реальности, узнаваемого быта и невыразимо, несказанно чудесного, мистического» [4. С. 202]; «Акт определения героями своего места в мире связан с восстановлением утраченной веры в трансцендентные силы. Вера равнозначна восстановлению духовности человека. Наше заключение совпадает с появляющимся часто на сайтах, в которых фигурирует имя Садур, определением «мистика» как самым подходящим для передачи её творчества» [5. С. 219–220]; «Садур влечет исследование потустороннего мира, запредельных пространств, из которых приходит страшное, жуткое, злое, что иногда даже не имеет четкого определения. Но это запредельное не может возникнуть само по себе и своим проводником выбирает человека» [6].

Сквозным для творчества писателя является мотив инфернальных сил, вторгающихся в земной мир с целью деформации человеческих душ. Подобно Дракону из одноименной пьесы Е. Шварца нечистая сила в драматургических произведениях Садур стремится сформировать в людях «дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души» [7. С. 258]. И её усилия небезрезультатны. «Не время любви, извини, / Видишь, никто не влюблен», – поёт хор в пьесе «Черти, суки, коммунальные козлы...», выражая нелицеприятную оценку нашего времени.

Актуализируя «мистическую идею мира, противостоящего человеку» [4. С. 218], Садур обращается к творчеству Н. Гоголя. Эстетика сознательной вторичности приобрела статус универсального принципа создания художественной действительности в современной русской литературе. Фантазируя на темы известных образов, сюжетов, художник открывает «второе дыхание» у хрестоматийных произведений. Такая манера художественного письма – создание произведения с ориентацией на широко известный литературный источник – является характерной приметой драматургии XX–XXI веков (например, «Война и мир», «Мертвые души» М. Булгакова, «Голый король», «Тень», «Снежная королева» Е. Шварца, «Продолжение Дон Жуана» Э. Радзинского, «Юбилей» В. Сорокина и т.д.).

Интерпретация гоголевских сюжетов в пьесах-ремейках «Панночка» и «Брат Чичиков» детерминирована сфокусированностью на теологической составляющей художественной концепции Гоголя, обращенной к онтологическим вопросам бытия. В центре авторского внимания находится проблема взаимоотношения человека с окружающим его миром – реальным или потусторонним. Герои пьес Сакур в каждой ситуации выступают как минимум в двух ипостасях, в двух функциях, присутствуют одновременно Здесь и Там. Ценностные установки персонажей обусловлены их связью с тем или иным миром космоса драматурга.

В драме «Панночка», созданной по мотивам повести Гоголя «Вий», «затрагивается вопрос о положении человека в мире, в котором все детерминировано, научно объяснено, вопрос о тоске человека по запредельной красоте, об ожидании Святой Девы, эту красоту олицетворяющей» [5. С. 216–217]. Не случайно появлению Хомы Брута на сцене предшествует псалом Богоматери, «Невесте Невестной», который философ поет на пути к дому сотника. В русской культуре женщина, как правило, олицетворяла возвышенное, духовное начало, связанное с образом Богоматери, издавна считающейся небесной покровительницей России. Такой взгляд на женщину был характерен для многих произведений русской литературы и философии. В. Соловьев утверждал, что в основе мироздания лежит «вечная женственность», символизирующая гармонию мира. И. Н. Бердяев считал, что все ценности мировой культуры – это продукт извечного влечения человечества к «вечной женственности».

Антиподом «вечной женственности» в пьесе Сакур выступает Панночка, красота которой противоположна красоте Святой Девы. Внешняя привлекательность дочери сотника вызывает не восхищение, а страх и тоску. Сохранивший в пьесе «веселый нрав» гоголевский герой, с ужасом замечает: «...резкая красота у вашей Панночки. Не от людей такая красота. Аж душу свело» [8. С. 231]. По сути, в «Панночке» встречаем глубокие размышления о Красоте как начале трансцендентном. В эстетической концепции Н. Сакур особо акцентируются две грани красоты: духовная, божественная красота, призванная «спасти мир», и красота, которая, говоря словами Вяч. Иванова, «никогда не знала посещения Благодати» [9. С. 252].

Интерес драматурга к наследию Гоголя, по-видимому, обусловлен спецификой мировосприятия последнего, убежденного в том, что мир находится во власти темных, демонических сил. По мнению Н.

Бердяева, «у Гоголя было исключительное по силе чувство зла. Творчество Гоголя есть художественное откровение зла как начала метафизического и внутреннего» [10. С. 47]. Схожую мысль высказал и Д. Мережковский: «Единственный предмет гоголевского творчества – черт, как явление бессмертной пошлости людской, явление вечного и всемирного зла» [10. С. 47]. Ощущение трагичности происходящего, абсурда видимой жизни характерно и для творчества Садур. В ее Хоме отчетливо проступают черты человека XX века. В частности, философ убежден в том, что весь окружающий мир может быть подвергнут научному объяснению и «разумом своим человек от ведьм огражден»: «... теперь у человека твердая научная ограда, посильней самого псалтыря, прости Господи!» [8. С. 233]. Однако логика здравого смысла опровергается «живой жизнью». В картине «Скачки» у Хомы, летящего над землей с ведьмой на спине, открывается «второе зрение» и «второй слух». Это позволяет ему почувствовать разлад, дисгармонию всего мироустройства, почувствовать вторжение сил хаоса в его «светлый, милый мир».

Отличие Хомы Садур от гоголевского философа заключается в способности первого осознать себя частью мироздания, космического Целого. Если у Гоголя, по верному замечанию Ю. Лотмана, на первый план выходит «герой автоматического мира», «механического поведения», «не имеющий своего лица, своего дела, своей внутренней организации» [11. С. 281], то в пьесе Садур представлен герой-«воин», постепенно открывающий мысль о личной ответственности за судьбу мироздания и совершающий сознательный выбор. Не случайно финальная картина пьесы называется «Бой». Философ Хома идет на бой с космическим злом, природа которого выходит за рамки человеческих, социально-бытовых отношений, но способна проявлять себя в мире людей. После второй ночи, проведенной в церкви с ведьмой, Хома превращается в «обмерзшего человека», который невольно становится проводником ледяного мрака зла в мир «живых». И старый козак Явтух приходит к страшному для Хомы выводу: «Сильно тебя потянули там, во тьме <...>. А только так хитро устроено, что несешь ты теперь мрак и холод» [8. С. 264]. В некотором смысле ведьма является своеобразным двойником философа, с которым она стремится стать одним целым.

В пьесе Садур феномен двойничества реализуется и в смысловом наполнении ремарок. В финальной сцене пьесы даются внешне схожие портреты ведьмы и Хомы схожи: «Панночка стоит безучастно

в стороне от Философа. Вид у обоих усталый и измотанный. И оба босиком и в белом – она в сорочке, Философ в рубахе...» [8. С. 267]. Панночка в этой сцене становится своеобразным олицетворением животного начала главного героя, его сомнений и, вместе с тем, победы над самим собой.

В дуалистичной концепции героя Садур ощущается влияние Ф. Достоевского. Нравственная борьба философа киевской буры с его двойником (ведьмой) напоминает дискуссию Ивана Карамазова с чертом. Как и панночка, черт стремится убедить Ивана в том, что они одинаковы. Слова черта: «Увидишь, как мы дружно с тобой уживемся» [12. С. 336], обращенные к Ивану, угадываются в молитве ведьмы к сатане: «Слепи нас обоих в одно» [8. С. 270]. И черт, и панночка, являясь двойниками Ивана Карамазова и Хомы Брута, в сущности отражают проявление их низменной природы, стремящейся подавить духовное начало, божественное Я героев. «А он, – говорил о черте Иван Карамазов, – все мое низкое, все мое подлое и презренное!» [12. С. 343]. Как видим, мысль Достоевского о том, что в каждом человеке сосуществуют божественное и демоническое начала и между ними постоянно идет борьба («Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердце людей» [12. С. 112]), нашла свое воплощение и в творчестве Садур.

Двойственная сущность природы человека в пьесе «Панночка» проявляется и в речевой организации произведения. В частности, диалоги между Хомой и ведьмой нередко выстраиваются по принципу словесного отражения: реплики персонажей представляют собой инверсивные конструкции:

Фило со ф. (Умильно) Отче наш!

Старуха (басом, дико). Наш Отче! Отче!

Фило со ф. Отче наш! Иже еси на небесех!

Старуха. На небесех! Отче если еси! Ух! [8. С. 236].

В результате паронимической аттракции (*иже еси* преобразуется в *если еси*) лишается смысла анафорическое местоимение «иже», тем самым десакрализуется значение молитвенной фразы «Отче, иже еси» Условность, сослагательность грамматически преобразованной конструкции «если еси» актуализирует концептуальный смысл сомнения. В таком контексте сомнение приравнивается к неверию, которое является атрибутом демонического мира.

Мистическое единоборство с потусторонними силами ненависти и злобы заставляет главного героя «Панночки» задуматься над

вечными вопросами смысла жизни, предназначения человека. «А что, кто вы есть и как живете?», «кто ж я?», «как устроен мир?», – впервые задается философскими вопросами философ киевской бурсы. Пограничное состояние, в котором находится герой, поднимает его на новую ступень сознания. В произведениях Н. Садур прозрение сопряжено с состоянием катарсиса. В утверждении очищающей силы страдания писательница выступила как продолжатель традиций русской литературы. В произведениях А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Лескова, Ф. Достоевского, Л. Толстого духовное возрождение всегда связано с темой страдания. Так, мучительное рождение пророка происходит через обретение нового зрения – «отверзлись вещи зеницы» («Пророк» А. Пушкина). Нравственные страдания, пережитые толстовским отцом Сергием, стали толчком к духовному прозрению героя, испытавшего множество искушений. О феномене нравственного преображения личности, прошедшей сквозь горнило страданий, много писал и Ф. Достоевский. Так, в романе «Братья Карамазовы» старец Зосима рассказывает историю своего покойного брата Маркела, отрицавшего Бога и отличавшегося «характером вспыльчивым и раздражительным». Тяжелая форма чахотки, поразившая его, открыла в умирающем совершенно нового человека. «Изменился он весь душевно – такая дивная началась в нем вдруг перемена!», – говорил старец Зосима. Физическое угасание человека привело к его духовному возрождению. В. Набоков отмечал, что «в страданиях человека есть больше значительного и интересного, чем в спокойной жизни» и что именно в страданиях «человеческая натура раскрывается полной» [13. С. 297].

Через страдание, через катарсис Хома Н. Садур пришел к идее самопожертвования: «Где-то в наш божий мир пробило черную дыру, из которой хлещет сюда мрак гнойный и мерзость смердящая, а мир – это ведь такое, ребята, хитрое устройство, из него не выдернешь какую-нибудь важную штуку, чтоб заткнуть ту дыру, а то и устройство все рухнет. Нет, из устройства этого выдернуть надо маленькую, дрянненькую, совсем пустяковую и незаметную частицу и ею-то заткнуть проклятую бесовскую рану, чтоб и устройство мира не рухнуло и свет мира не омрачился бы от той дыры. Что ж... я и пойду... пускай... и не побоюсь, раз так назначено...» [8. С. 266]. Таким образом, концептуальные оппозиции созидания/разрушения, жизни/смерти в произведении оказываются особым образом акцентированными.

Уникальность гоголевского героя в художественной интерпретации Садур заключается в том, что он обладает «диалогизированным самосознанием». Об этом типе самосознания писал М. Бахтин: «Овладеть внутренним человеком, увидеть и понять его нельзя, делая его объектом безучастного нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путем слияния с ним, вчувствования в него. Нет, к нему можно подойти и его можно раскрыть – точнее, заставить его самого раскрыться – лишь путем общения с ним, диалогически. <...> Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и «человек в человеке», как для других, так и для себя самого» [14. С. 293].

Диалогический характер творчества Н. Садур помогает понять авторский взгляд на мир, в котором сохранение индивидуальности достигается в том случае, когда личность оказывается способной слышать других. «Диалогизированное самосознание» героев драматурга реализуется через их обращение к окружающему миру, к предметам, людям, прошлому, настоящему, будущему и даже потустороннему. Так, в картине «Прощание», предшествующей последней, гибельной для Хомя ночи, символичной является сцена «саморазоблачения» героя. Готовясь к смерти, философ отдает казакам пояс, шапку, свитку и сапоги, оставаясь «в белой рубахе, портках, босиком». Причем сапоги он завещает «какому-нибудь человеку», который в будущем «пойдет по дороге». Образ Хомя у Садур создается в соответствии с христианскими представлениями о предназначении человека. В нем соединяется, самоуничтожительность перед Богом («я и жил дрянно, мелко, вы сами видели») и вера в силу благого начала в устройстве мироздания и внутреннего мира самого человека. Весьма значимой в этом отношении оказывается заключительная фраза прощального монолога Хомя, которая одновременно является косвенным обращением к «другому» (будущему) человеку: «И! поймет! он! что! хороший! я! был! парень!..» [8. С. 266]. Смысловому выдвиганию данного высказывания в сильную позицию текста способствует парцелляция конструкции, которая носит окказиональный характер, поскольку коммуникативно обособляется каждое слово в составе предложения, в том числе и союзные средства, благодаря чему каждый компонент приобретает полновесное звучание.

Финал пьесы, имеет концовку, отличающуюся от гоголевской повести. В сюжете Садур отсутствует образ Вия, взгляд которого и привел героя Гоголя к смерти. По мысли В. Проппа, Вий является

представителем мира мертвых и обладает невозможной для других демонических существ (ведьма, черти) способностью проникать взором в мир живых (людей): «в гоголевском «Вие» черти не видят казака. Черти, могущие видеть живых, это как бы шаманы среди них, такие же, как живые шаманы, видящие мертвых, которых обыкновенные смертные не видят. Такого шамана они и зовут. Это – Вий» [15. С. 165–166]. Садур нарочито выводит образ Вия за рамки своего произведения, а закрытые железными веками глаза Вия заменяет «открытыми и светлыми» глазами младенца Христа. Глаза – один из архаичных символов, имеющий глубокие культурные корни и наделённый многозначной семантикой. Общий смысл этого символа связан со светом, символом разума и истины. Видение в этом случае понимается как действие, направленное на постижение сути явлений. В заключительной сцене схватки ведьмы и философа на сцепившихся друг с другом персонажей рушится «вся обветшала, оскверненная церковь» и «один только Лик Младенца сияет почти нестерпимым радостным светом и возносится над облаками» [8. С. 270].

Для героев Садур проблема выбора между добром и злом, любовью и ненавистью, правдой и ложью – это вопрос их бытия, предопределённый авторской интенцией, предосновой его художественного мира. Подвиг Хомы и заключается прежде всего в верном выборе истинных и непреходящих ценностей, направленных на сохранение и спасение духовного мира личности.

Метафизическая природа зла, актуализированная драматургом в «Панночке», трансформируется в «зло хаоса» в пьесе «Брат Чичиков», написанной по мотивам гоголевской поэмы «Мертвые души». С точки зрения Ю. Лотмана, «зло хаоса – это зло материального, раздробленного, в определенной интерпретации – социального мира» [11. С. 279]. Нечистая сила, пытавшаяся одолеть духовное противостояние Хомы Брута, здесь находит физическое воплощение в галерее известных читателю героев. Одним из центральных действующих лиц пьесы оказывается Незнакомка, в облике которой угадывается Панночка. Встретив на карнавале в Италии Чичикова, маскирующегося под гондольера, она обращается к нему со словами, представляющими аллюзию к гоголевскому тексту: «А можно я положу на тебя свою белую ножку?». Сравним с отрывком из рассказа Спирида о коварстве ведьмы: «Один раз панночка пришла на конюшню, где он чистил коня. Дай говорит, Микитка, я положу на тебя свою ножку. А он, дурень, и рад тому: говорит, что не только

ножку, но и сама садись на меня. Панночка подняла свою ножку, и как увидел он ее нагую, полную и белую ножку, то, говорит, чара так и ошеломила его» [16. С. 171].

Именно Панночке, красивой дьяволице, принадлежит в пьесе Садур идея спекуляции «мертвыми душами» («Я тебя научу разбогатеть»). Она выманивает Чичикова из Италии в Россию, где «сейчас великий мор». Примечательно, что пьеса создавалась в тяжелые для страны девяностые годы (1993–1998 гг.), когда российское общество переживало социальные, экономические и нравственные потрясения. Страна напрямую столкнулась с проблемой глобального демографического кризиса – «русским крестом». В одном из своих интервью Садур высказала довольно пессимистичную мысль: «Мне кажется, мы – умирающая страна». По сути, Панночка, соблазняя Чичикова «верным расчетом», говорит о современной коррумпированной России: «В России сейчас великий мор, великий! А власти учета совсем не ведут. У них своя забота – они, брат, копейку себе добывают, навряд ли как ты, так что мертвые-то с живыми крепко перепутались и уж не видно – где кто» [8. С. 354].

Тема смерти является ключевой в пьесе драматурга. Причем смерть у Садур, по верному замечанию М. Громовой, «рассматривается не только как физическая, но и как духовная гибель» [4. С. 220]. На протяжении всей пьесы Чичиков постоянно сталкивается с мертвыми. Это и мертвая Панночка с «белым, известковым» лицом, и являющийся Чичикову мертвый Наполеон, сообщающий ему апокалипсическое число зверя «шесть–шесть–шесть», и купленные Павлом Ивановичем мертвые мужики, устраивающие вокруг него безумную пляску смерти. В итоге оказывается, что в пьесе, как отмечает автор, Чичиков – «единственный живой человек, а по земле ходят мертвые души». После губернаторского бала, на котором он знакомится с известными читателю помещиками (Манилов, Ноздрев, Собакевич), герой ощущает душевную тяжесть. Жалобы Чичикова представляют собой аллюзию к монологу Городничего из пьесы «Ревизор». Ср.:

Чичиков. В обществе появиться невозможно; в голове иступление, вместо людей клочья какие-то пляшут! Морды! Хари!

Городничий. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего...

Как и Гоголь, Садур раскрывает внутреннюю пустоту «мёртвых

душ» своих героев. Драматург с сарказмом и презрением рисует «пеструю пустоту» мира «пошляков», сдирая с них маски, за которыми обнаруживались их бездарность и лицемерие. Окружающая Чичикова действительность представляется как ненормальное, абсурдное явление. Мир, в котором распадаются гармония и смысл жизни, неизбежно приводит к безумию.

К теме безумия не раз обращались русские классики, стремящиеся познать человека в его сложных взаимоотношениях с миром. Достаточно вспомнить «Пиковую даму» А. Пушкина, «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя, «Братьев Карамазовых» Ф. Достоевского, «Красный цветок» В. Гаршина, «Палату № 6» А. Чехова, «Красный смех» Л. Андреева. Как правило, она художественно исследовалась в двух аспектах. В первом безумие рассматривалось как наказание за преступление. Состояние «одержимости», душевной дисгармонии являлось следствием победы в человеке злого начала. Психическая патология Германна и Ивана Карамазова имела тесную связь с их мировоззрением, с идеей вседозволенности, которую они исповедовали. Безумие рассматривалось и как реакция личности на абсурдность окружающего мира. За бредом героя «Записок сумасшедшего» Н. Гоголя скрывалось отчаяние «маленького человека», возмущенного жестокостью мира, в котором, «...что есть лучшего <...> всё достается или камер-юнкерам или генералам». За ужасом, испытанным Евгением в «Медном всаднике» А. Пушкина, скрывалась трагедия «маленькой, чувствующей себя раздавленной частной жизни» [17. С. 209].

В «Брате Чичикове» тема безумия раскрывается в обоих аспектах. Практически все действующие лица пьесы – люди с большим сознанием, живущие в «сдвинутом» мире. Будущего у таких героев нет, их настоящее беспросветно. «Ощущение мира как сумасшедшего дома, как «дурацкой жизни» – одна из самых распространенных черт современного авангардного театра. Здесь разорваны привычные связи, трагикомически алогичны поступки, фантазмагоричны ситуации. <...> Все сказанное выше характерно для поэтики Н. Садур» [4. С. 207]. Действительно, сдвинутый в пьесе со своего привычного места мир существует с апокалипсическим мировосприятием и приобретает черты помешательства. Безумен Губернатор, в доме которого бал напоминает булгаковский бал у сатаны. Он вышивает на пальцах и бредит о нашествии саранчи, у которой «хвост железный, а лицо жены». Безумны Маниловы, которых из увлекательной беседы с лю-

безным Павлом Ивановичем не выводит известие об утонувших де-тях. Радушные родители лишь советуют служанке Агафье отправить на пруд мужиков, чтобы они «баграми весь пруд обшарили». Безу-мен Собакевич, торгующий Чичикову мертвеца с нелепым именем Елизавет Воробей и предлагающий «потыкать» покойника в зубы. Безрассуден неистовый Ноздрев, которому всюду мерещится война и враги: «Он прет, прет, отовсюду, напирает, он все прет, он Тамбов подтибрил, Самару слизнул, Череповец – где Череповец? Государь рыдал – Россия вдребезги, вся убита, один я на белом жеребце! Вот что, брат Чичиков, купи у меня жеребца» [8. С. 397]. Сумасшествием охвачен дом Плюшкина, в котором служанка Мавра «марширует и машет саблей», а сам хозяин рассматривает свое «богатство» через цветные стеклышки.

Проходящий по кругам ада российской жизни Чичиков в итоге не выдерживает: «Дайте мне лестницу! Я к Богу моему хочу!». В некотором смысле Чичиков Садур проделывает тот путь, который не удалось из-за гибели второго тома совершить гоголевскому Чичико-ву: от цинизма, жажды наживы к самоидентификации и покаянию. Многие герои Садур находятся в ситуации тотального отчуждения от Бога, мира и себя самого. И в этой ситуации «голод по Богу» (М. Д. Унамуно) становится условием познания, трагической борьбы че-ловека за своё спасение.

Таким образом, эстетически определяющие идеи художествен-ной концепции Н. Садур находят органичное воплощение в поэтике мистического, которая, с одной стороны, продолжает гоголевские традиции, а с другой, – открывает новые возможности для интерпре-тации вечных тем литературы в проекции на духовно-нравственное состояние современного общества и внутреннего мир человека.

Список литературы

1. Садур, Н. «Я ещё помню, как мыла в театре полы...». URL: <http://www.sem40.ru/famous2/m873.shtml>
2. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1989–1990.
3. Набоков, В. В. Русский пери-од. Собрание сочинений: в 5 т. СПб., 1999.

List of literature

1. Sadur, N. «Ya esche pomnyu, kak myla v teatre poly...». URL: <http://www.sem40.ru/famous2/m873.shtml>
2. Bulgakov M. A. Sobranie sochineniy: v 5 t. M., 1989–1990.
3. Nabokov, V. V. Russkiy period. Sobranie sochineniy: v 5 t. SPb., 1999.

4. Громова М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века. М., 2005.
5. Оляшек, Б. Пьесы Н. Садур: опыт нетрадиционной драмы. Драма и театр: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. Вып. VI. С. 213–220.
6. Ермошина, Г. Тёмные силы нас злобно гнетут... URL: <http://exlibris.ng.ru/lit/1999-10-07/dark.html>
7. Шварц, Е. Обыкновенное чудо. СПб., 2003.
8. Садур, Н. Н. Обморок: Книга пьес. Вологда, 1999.
9. Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в.М., 1990.
10. Волосков, И. В. Истоки религиозной философии Н.В. Гоголя // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. № 2. С. 45–48.
11. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988.
12. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. М., 1987.
13. Носик, Б. Мир и дар Владимира Набокова. М., 1995.
14. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
15. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.
16. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М., 1984.
17. Бердяев, Н. А. Судьба России. М., 1990.
4. Gromova M. I. Russkaya dramaturgiya kontsa HH – nachala HHI veka. M., 2005.
5. Olyashek, B. P'esy N. Sadur: opyt netraditsionnoy dramy. Drama i teatr: sb. nauch. tr. Tver': Tver. gos. un-t, 2007. Vyp. VI. S. 213–220.
6. Ermoshina, G. Temnye sily nas zlobno gnetut... URL: <http://exlibris.ng.ru/lit/1999-10-07/dark.html>
7. Shvarts, E. Obyknovennoe chudo. SPb., 2003.
8. Sadur, N. N. Obmorok: Kniga p'es. Vologda, 1999.
9. Pushkin v russkoy filosofskoy kritike: Konets XIX – pervaya polovina XX v.M., 1990.
10. Voloskov, I. V. Istoki religioznoy filosofii N.V. Gogolya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya. № 2. S. 45–48.
11. Lotman, Yu. M. V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'. M., 1988.
12. Dostoevskiy, F. M. Brat'ya Karamazovy. M., 1987.
13. Nosik, B. Mir i dar Vladimira Nabokova. M., 1995.
14. Bahtin, M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo. M., 1979.
15. Propp, V. Ya. Morfologiya volshebnoy skazki. Istoricheskie korni volshebnoy skazki. M., 1998.
16. Gogol', N. V. Sbranie sochineniy: v 8 t. T. 2. M., 1984.
17. Berdyayev, N. A. Sud'ba Rossii. M., 1990.

**ОБРАЗ МУЗЫКИ В БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ
XVIII – XIX ВЕКОВ: ОСОБЕННОСТИ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ**

Е. В. Михайлова

Статья посвящена образу музыки в белорусской поэзии XVIII – XIX веков, который объективируется при помощи различных музыкальных лексических единиц, фонетических, выразительных и содержательных средств поэтического языка. Этот образ реализуется как в белорусской поэзии в целом, так и в индивидуально-авторских дискурсах. Он обладает универсальными характеристиками, а также уникальными чертами, присущими «возможному миру» каждого поэта.

Ключевые слова: образ музыки, концепт «музыка», музыкальные лексические единицы.

Белорусская поэзия XVIII – XIX веков имела богатые традиции описания музыки. Еще в произведениях XII – XVII веков встречаются упоминания вокального и инструментального исполнения: «О Баяне, часінаў мінулых // Салавейка! На струнах бы чулых // Ты апеў бы паход слаўны гэны...» [1. С. 22] и др. («Слово о полку Игореве» [1. С. 22]), «Носят иереи киот в Божом храме, // Дают хвалу Богу в песне ту трубами» и др. (С. Полоцкий «Метры...» [1. С. 92]) и др. Лингвистическая объективация образа музыки, воплощающегося в соответствующем концепте, происходит в названиях следующих произведений: П. Багрим «Заиграй, заиграй, хлопче малый...» [1. С. 153], В. Сырокомля «Уже птицы поют всюду...» [1. С. 185], Ф. Богушевич «Моя дудка» [1. С. 197–198], «Песни» [1. С. 210–214], А. Гуринович «Что за звук да так громко раздался...» [1. С. 231–232] и др. В. Конон писал о связи белорусской поэзии и музыки: «Белорусская поэзия на этапах своего становления и классического завершения была творчеством песнярским, генетически запрограммированным отечественной песенной культурой и универсальными архетипами волшебного Музыканта в образе героя античной мифологии Орфея. От пластичности античной художественной культуры и изобразительного совершенства фольклора, наконец, от освоения опыта со-

седних литератур начиналась ее живописная метафоричность образов и мотивов» [З. С. 71]. Он излагает названия произведений белорусских писателей, содержащие музыкальные лексические единицы. Говоря об упомянутом стихотворении П. Багрима, исследователь отмечает следующие его характеристики: «Передача поэтическим словом типовых напевов скрипки, цимбал и дуды. И еще романтическая надежда на спасительную миссию музыки – чувствительной души художественного творчества» [З. С. 71]. Перечисляются следующие произведения и их собрания: поэмы В. Сырокомли «Лирник деревенский» (1854) и «Деревенский музыкант» (1854) (последняя посвящена знаменитому композитору С. Монюшко), поэтический сборник В. Дунина-Марцинкевича «Белорусский дударь» (1857), сборники поэзии Ф. Богушевича «Дудка белорусская» (1891) и «Смычок белорусский» (1894); в XX веке – сборники поэтических произведений Тетки (А. Пашкевич) «Скрипка белорусская» (1905), Я. Купалы «Жалейка» (1908) и «Гусяр» (1910), Я. Коласа «Песни жалобы» (1910) и его поэма «Симон-музыкант» (варианты 1918 и 1925 гг.), книга поэзии Т. Гартного «Песни труда и борьбы» (1922), сборник стихов К. Свояка (К. Стоповича) «Моя лира» (1924) и др. [З. С. 71–72]. Имеются слова из семантического поля ‘музыка’ и в названиях прозаических произведений, например, рассказа М. Богдановича «Музыкант» (1907).

В белорусской поэзии обозначенного периода встречаются названия музыкальных инструментов и их частей: 1) *звон* («Тут прамудры Саламон // Зазваніў у райскі звон» «Колядки», «Воскресение Христово» [1. С. 131] – здесь и далее: при отсутствии фамилии автора произведение является анонимным либо его авторство точно не установлено¹) и др., 2) *гуслі* ([Давид] «Прыударыў ў гуслі так, // Што не ўцёрпелі ніяк» «Колядки», «Воскресение Христово» [1. С. 132] и др.), 3) *тымпаны, струны, арганы* («Тут ударылі ў тымпаны, // Ва ўсе струны і арганы, // Аж да алтаровых рог, // Што бы быў праслаўлен Бог» «Колядки», «Воскресение Христово» [1. С. 132]) и др., 4) *дуда, сапелка, скрыпкі* («Дуда вярлюем тут равела, // Сапелка гўсынй шыпела, // Скрыпелі скрыпкі, як каткі...» «Энеида

¹ Уточнение: впоследствии Г. Киселев доказал, что поэму «Энеида навыворот» написал В. Ровинский, а поэму «Тарас на Парнасе» – К. Вероницын (Янушкевіч Я. Твор, які не павінен быў нарадзіцца // Вераніцын К. Тарас на Парнасе: паэмы, уклад. з тэкст. падрыхт. і камент. Юрыя Пацюпы, прадм. Язэпа Янушкевіча. Мінск: Маст. літ., 2009. С. 5).

навыворот» [1. С. 138]) и др., 5) *гармонік* ([Амур] «То на гармоніку зайграє...» «Тарас на Парнасе» [1. С. 144]), 6) *жалейка* («Амур яшчэ павесялеў – // Іграць пачаў ён на жалейцы...» «Тарас на Парнасе» [1. С. 145]) и др., 7) *цымбалы, бандуры* («Улез – ажно іграць пачыналі, // Музыканты цымбалы, бандуры пабралі» «Театр» [1. С. 148]) и др., 8) *скрыпкі, труба, басэтя* («Рэжуць жыдкі у дзве скрыпкі, трэці на трубе равец, // А чацвёрты – на басэтли і тахту нагою б'ець...» Ф. Топчевский «Вечеринка» [1. С. 227]) и др. Данные лексические единицы употребляются как в прямом, так и в переносном значении. В перечисленных примерах важную роль в создании образа музыки играют и средства звукописи.

Описывают поэты и музыкантов, а также людей, получающих такое наименование метафорически: 1) скрипач, трубачи, органист («Ой, прыляцеў снігірок, скрыпачок не просты... //... // Толька два пугачы, слаўныя трубачы, // І пан крук басіста, бацян варганіста» Д. Рудницкий «Птичий бал» [1. С. 118]) – авторство устанавливается косвенным путем [1. С. 117]) и др., 2) дударь, певец («Прывучыла ж ты лоўчага, ён жа і стралец. // І дудар быў некалі, і рускі пявец. // А стралец і дудар – // Не вялікі гаспадар, // Будзеш без хлеба» Я. Борщевский «Девонька» [1. С. 151]) и др., 2) дудари (так В. Дунин-Марцинкевич называет людей творческих профессий: скрипача А. Концого, поэта В. Сырокомлю, композитора С. Монюшко) («А прыбылі тры дудары – так пяюць, іграюць, // Што ангелы надзвіцца не ў сіле здаволі!» В. Дунин-Марцинкевич «Стих Наума Приговорки» [1. С. 176]) и др.) и др.

Упоминаются и различные музыкальные жанры: 1) песни («Падпіўшы, песні заспявалі...» «Тарас на Парнасе» [1. С. 145]) и др.) и др., 2) *прыпеўкі* («Бах сп'яну пеў такі прыпеўкі, // Што аж няможна гаварыць...» «Тарас на Парнасе» [1. С. 145]) и др.; далее – названия танцев: 1) «*Мяцеліца*» («Узяўшы хустачку, Венера // Пайшла “Мяцеліцу” скакаць» «Тарас на Парнасе» [1. С. 145]) и др., 2) «*скакуха*» («Калі зайграў дудар “скакуху”, // Ніяк Тарас наш не ўцярапеў...» «Тарас на Парнасе» [1. С. 146]), 3) «*Лявоніха*», «*бычок*», «*казачок*» («Ананя на скрыпцы іграець // “Лявоніху”, то “бычка”, // Гапон жару паддаваець: // “Зыграй, крычыць, “казачка”!» В. Дунин-Марцинкевич «Гапон» [1. С. 164]) и др.), 4) мазурка («“Гэй, іграйце там мазурку!” – загад нейкі паніч даў» Ф. Топчевский «Вечеринка» [1. С. 228]) и др.), 5) кадрили («Як драбочак аддыхнулі, пайшлі кадрылі скакаць...» Ф. Топчевский «Вечеринка» [1. С. 228]) и др.),

б) вальс ([паніч] «Загаманіў: “Пойдзем вальца!”») «Панское игрище» [1. С. 238]) и др.

Поэты изображают процесс вокального исполнения: 1) пение разными певческими голосами («Саўка з Яхімам, сваім братымам, // Сора прыспелі, зара [з] запелі. // Кастусь з Тарасам гудзелі басам, // Бутрымка з Кантам пішчаць дышкантам» «Колядки», «В Бэтлееме, убогом доме» [1. С. 127]) и др., 2) пение под музыкальный инструмент («“Ах! ух! давай жару, // Давай болі, давай пару!” – // Крычыць Гапон дый гуляець, // Пад скрыпачку падпяваець» В. Дунин-Марцинкевич «Гапон» [1. С. 165]) и др., 3) пение голосами различной высоты, переданное описательно («А за ёю Халімон // Гудзіць, як царкоўны звон...», «Перастаў. Гапка спляснула // Дый тоненька зацягнула...») В. Дунин-Марцинкевич «Гапон» [1. С. 167]), 4) пение различных песен («Што табе, дудар, прыспела // Смелы песні завадзіць?» *Ялегі Пранціш Вуль* «К дударю Артему от наддвинского мужика» [1. С. 180], «Люблю цябе, плачу з табою // І песню слёзную пяю...») В. Савич-Заблоцкий «На родной земле» [1. С. 191] и др.) и др. В данных примерах реализации образа музыки способствуют средства звукописи, а также сравнение в первом отрывке из третьего раздела.

Глагол *пець* и его дериваты приобретают в поэзии указанного периода следующие семантические компоненты: 1) сему ‘передача информации’ («І я з братам нахіляю // Сву галаву і спяваю // Бабцы й дзеду з дружыною // Пры здароўі і пакою // Усім многія леты» И. Хрептович «Поздравление» [1. С. 124] – авторство устанавливается косвенным путем) и др., 2) сему ‘интеллектуальная деятельность’ («То запеў бы з вамі я, // Што нам Бог ласкавы!» Я. Чечот «К милым мужичкам» [1. С. 158]). Этот глагол употребляется с прямым дополнением: «Венера тут яму прысела // Хранцуз паненак як вучыў, // Пайшла, вясельную запела...» «Энеида навыворот» [1. С. 137] и др. Перечисленные примеры демонстрируют сложность семантической структуры рассматриваемого глагола.

Концепт «музыка» в белорусской поэзии XVIII – XIX веков связан с концептом «поэзия». Эта связь проявляется в том, что стихи поэты называют песнями, например: «З гэтага ты зразумей, Паэце, куды нашы песні // Мкнуцца і мэты якой хочуць яны дасягнуць» М. Корицкий «К одному поэту» [1. С. 126]. Музы дарят поэтам вдохновение, соединяя приятное с полезным, и тоже создают песни: «Так і для Музаў няма песні без працы жывой. // Музы, спяваючы гожа,

з салодкім карыснае лучаць...» М. Корицкий «К одному поэту» [1. С. 126]. Поэт А. Ельский пишет поэту В. Дунину-Марцинкевичу: «Бо твае песні гладкі і лоўкі – // Яны гамоняць нам да галоўкі // І сэрту кажуць скакаць падчас...» А. Ельский «Винцуку Дунину-Марцинкевичу» [1. С. 192–193], поэт А. Гуринович – поэту Ф. Богушевичу: «Бяры, браце, дудку, наладзь і жалейку, // Няхай песнь смутная ідзе у калейку // І будзіць у сэртах мысль аб лепшай долі, // Якой мы не зналі дагэтуль ніколі» А. Гуринович «Спасибо тебе, брате, Бурачок Матею...» [1. С. 231]. В этих поэтических диалогах формируется музыкально-поэтический дискурс, и образ поэта приобретает характеристики музыканта. Я. Лучина в стихе «Погудка» также употребляет слово *песні* по отношению к стихам: «Чы забавы з гэтых песень хоць бы крышку будзе?... // Няхай судзяць братні людзі ды і на братнім судзе» [1. С. 219] и др. Он говорит о песнях украинской драматической труппы М. Старицкого, которая гастролировала в Минске в 1887 г. [1. С. 602]: «Усюды сустрэнуць з хлебам і соллю, // І з добрым словам, і са слязамі // Песню святую, пісану боллю...» Я. Лучина «Всей труппе благодетеля Старицкого белорусское слово» [1. С. 226] и др.

Рассказывая о музыке, белорусские поэты XVIII – XIX веков часто совместно описывают инструментальное и вокальное исполнение: [Кацярынка] «Пяець, пляшыць, падбіваець, // Усяк вокам за ёй брадзець, // Як ластачка, падплываець, // Ажны хочацца глядзець» (В. Дунин-Марцинкевич «Гапон» [1. С. 166]), «Тая бокам, тая скокам, // Дый так вазьмуць прыпяваць...» (В. Дунин-Марцинкевич «Гапон» [1. С. 166]), «Вот так пляшуць, прыпяваюць, // Хохат, лопат, крык і зык, // Аж пад строп пыл падмятаюць, // А як рэзаў – рэжа смык!» (В. Дунин-Марцинкевич «Гапон» [1. С. 167]). Часто передается пение птиц: «Ужо птушкі пяюць ўсюды, // Ужо кветкі зацвілі...» (В. Сырокомля «Уже птицы поют всюду...» [1. С. 185]) и др. Показано, что песня помогала человеку в труде: «Скора ў поле з песняй звонкай // Артае пайдучь араці // І пад песню жаваронка // Прасіць стануць Божай Маці, // Каб жытцо было буйное...» (А. Гуринович «Весна» [1. С. 234]).

В белорусской поэзии рассматриваемого периода немало ярких творческих личностей, каждая из которых внесла свой вклад в экспликацию образа музыки. Назовем некоторых из них.

Ф. Богушевич издал сборники поэтических произведений «Дудка белоруская» (1891) и «Смычок белорусский» (1894). Существовал

еще сборник «Скрипка белорусская», который не сохранился до наших дней [1. С. 196]. Концепт «музыка» реализован в этих сборниках в сильной позиции текста – в их названиях. Музыкальные инструменты представлены в них как средство, позволяющее человеку, который играет на них, рассказать всем о тяжелой жизни народа. Объективирован рассматриваемый концепт и в стихотворении «Моя дудка» [1. С. 197–198], в котором также имеются элементы музыкально-поэтического дискурса. Поэт пишет о том, что он сделает такой инструмент, игра которого будет слышна всем, и будет она исключительно эмоциональной: «Эх, скручу я дудку! // Такое зайграю, // Што ўсім будзе чутка // Ад краю да краю! // Ой! то будзе гранне, // Як на павітанне // І як на вяселле, // Нядоўга тыкеле: // Прэндка скончу песні... // Покі дудка трэсне, // Ці паглохнуць людзі, // Ці высахнуць грудзі, // Сілы надарвуцца // На радаснай дудца, // І выцякуць слёзы // На сухія лозы...» [1. С. 197]. Он призывает дудку играть так, чтобы музыка вызвала интенсивные пограничные чувства («смех сквозь слезы»): «Ну, дык грай жа, дудка, // Каб аж была чутка, // Каб аж вушы драла; // Каб ты так іграла, // Каб зямля скакала! // Зайграй так вясёла, // Каб усе у кола, // Узяўшыся ў бокі, // Ды пайшлі у скокі, // Як вихор у поле – // Аж выночы з болю, // Каб аж рагаталі, // А усё скакалі...» [1. С. 197]. Но дудка не хочет так играть, и поэт решает создать другой музыкальный инструмент – жалейку, игра которой будет иметь магическую силу: «Енчыш безумолку! // Не, не будзе толку! // Кіну ж дудку тую, // А зраблю другую, // Цяпер зраблю дудку // Ад жалю, ад смутку. // Га! Зраблю ж другую, // Жалейку смутную, – // Ды каб так заграла, // Каб зямля стагнала, // От каб як заграла: // Каб слязьмі прабрала, // Каб аж было жудка, // От то мая дудка!..» [1. С. 197]. Поэт хочет, чтобы инструмент плакал над народной долей и играл слезным тоном: «Штодзень і штоночы // Плач, як мае вочы, // Над народу доляй, // І плач штораз болей. // Плач так даастанка, // Галасі, як матка, // Хаваючы дзеці, // Дзень, другі і трэці // Іграй слёзным тонам // Над народу сконам!» [1. С. 198]. Играть поэт не будет только тогда, когда жизнь изменится: «Кінь наўкола вокам, // Дык крывавым сокам – // Не слязой – заплачыш, // Як усё абачыш. // Як крыві не стане, // Тагды кончу гранне!» [1. С. 198]. Очень интересен цикл стихов Ф. Богушевича «Песни», в котором рассказывается о различных сторонах народной жизни, например, о том, как простому человеку избавиться от горя (песня «Горе» [1. С. 210–211]). Его лирический герой мог бы весело петь, если бы не

было горя: «Каб мне голас добры мець, // Каб мне гора куды дзець, // Каб жа гора Бог не даў, – // Я б вясе́ла заспяваў: // Ой, гора ж маё!» [1. С. 210], однако освободиться от горя ему не удается.

Я. Лучина писал свои произведения «...на трех языках – белорусском, польском и русском. В его творчестве взаимодействовали демократические традиции трех литератур. Но ведущая роль в этом взаимодействии принадлежала поэзии признанного песняра белорусского края Владислава Сырокомли...» [4. С. 17–18]. Он продолжает традиции В. Сырокомли и в стихотворении «Всеї труппе благодетеля Старицкого белорусское слово» высказывает свое положительное отношение к возможности исполнять национальные песни: «Дзякую Вам, брацікі, сястрыцы родныя! // За вашы хвацкія песні народныя...» [1. С. 226], «Спявайце ж, Братцы, смела і звонка: // Не згіне песня і Украіна!» [1. С. 226].

А. Гуринович, создававший свои произведения на белорусском, русском и польском языках, в поэзии «...был последователем Ф. Богушевича...» [5. С. 235]. Он благодарит своего предшественника за то, что он разбудил надежду на лучшую жизнь народа, за слова родного языка и т.д.: «Дзякуй табе, браце, Бурачок Мацею, // За тое, што ў сэрцы збудзіў ты надзею, // Што між братоў нашых знаходзяцца людзі // З кахаючым сэрцам і баляшчай грудзьяй. // Дзякуй табе, браце, і за тья словы, // Што ўспомнілі звыкі нашай роднай мовы...» (Матей Бурачок – псевдоним Ф. Богушевича) («Спасибо тебе, брате, Бурачок Матею...» [1. С. 231]).

И. Боровская указывает: «Язык и музыка используют звуки. Соответственно поэт и композитор по-своему чувствуют звукопись и интонацию, которые являются мелодикой, “музыкой” фразы» [2. С. 16]. В проанализированных произведениях для создания образной системы употреблены не только фонетические компоненты. Образ музыки в белорусской поэзии XVIII – XIX веков объективируется при помощи: различных музыкальных лексических единиц (названий музыкальных инструментов, музыкальных жанров и др.), выразительных и содержательных средств поэтического языка; в ряде случаев формируется музыкально-поэтический дискурс. Этот образ реализуется как в белорусской поэзии в целом, так и в индивидуально-авторских дискурсах. Он обладает универсальными характеристиками (соотношение концептов «музыка» и «поэзия», связь музыки с выражением эмоций и чувств), а также уникальными чертами, присущими «возможному миру» каждого поэта.

Список литературы

1. Анталогія беларускай паэзіі. У 3 т. Мінск : Маст. літ., 1993. Т. 1. / Рэдкал.: Р. Барадулін і інш.; Уклад. А. Мальдзіс і інш.; Рэд. і аўтар прадм. Н. Гілевіч. – 622 с.
2. Бароўская, І. Максім Багдановіч і станаўленне беларускай прафесійнай песні // Максім Багдановіч і яго эпоха: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 27 лістап. 2007 г. / Літ. музей М. Багдановіча; рэдкал.: М.В. Трус [і інш.], уклад. І.В. Мышкавец. Мінск: РІВШ, 2009. С. 13–17.
3. Конан, У. Музыка і жывапіс у паэзіі Максіма Багдановіча // Максім Багдановіч і яго эпоха: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 27 лістап. 2007 г. / Літ. музей М. Багдановіча; рэдкал.: М.В. Трус [і інш.], уклад. І.В. Мышкавец. Мінск : РІВШ, 2009. С. 71–79.
4. Мархель, У. Пісалася ў добраай веры... // Лучына Я. Творы: Вершы, нарысы, пераклады, лісты; Уклад., прадм. і камент. У. Мархеля. Мінск : Маст. літ., 2001. С. 5–22.
5. Семашкевіч, Р.М. Гурыновіч Адам Гіляры Калікставіч // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: У 5-і т. Т. 2. Габой – Карціна / Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал.рэд.) і інш. Мінск : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1985. С. 235–236.

List of literature

1. Antalogiya belaruskay paezii. U 3 t. Minsk : Mast. lit., 1993. T. 1. / Redkal.: R. Baradulin i insh.; Uklad. A. Mal'dzis i insh.; Red. i aŭtar pradm. N. Gilevich. – 622 s.
2. Baroŭskaya, I. Maksim Bagdanovich i stanaŭlenne belaruskay profesijnay pesni // Maksim Bagdanovich i yago epoha: materyyaly Mizhnar. navuk.-prakt. kanf., Minsk, 27 listap. 2007 g. / Lit. muzey M. Bagdanovicha; redkal.: M.V. Trus [i insh.], uklad. I.V. Myshkavets. Minsk: RIVSh, 2009. S. 13–17.
3. Konan, U. Muzyka i zhyvapis u paezii Maksima Bagdanovicha // Maksim Bagdanovich i yago epoha: materyyaly Mizhnar. navuk.-prakt. kanf., Minsk, 27 listap. 2007 g. / Lit. muzey M. Bagdanovicha; redkal.: M.V. Trus [i insh.], uklad. I.V. Myshkavets. Minsk : RIVSh, 2009. S. 71–79.
4. Marhel', U. Pisalasya ŭ dobray very... // Luchyna Ya. Tvory: Vershy, narysy, peraklady, listy; Uklad., pradm. i kament. U. Marhelya. Minsk : Mast. lit., 2001. S. 5–22.
5. Semashkevich, R.M. Gurynovich Adam Gilyary Kalikstavich // Entsyklapedyya litaratury i mastatstva Belarusi: U 5-i t. T. 2. Gaboy – Kartsina / Redkal.: I.P. Shamyakin (gal.red.) i insh. Minsk : Belarus. Sav. Entsyklapedyya, 1985. S. 235–236.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В ТВОРЧЕСТВЕ С.В. ЛУКЪЯНЕНКО**

Л. М. Рыльщикова

В статье рассмотрены особенности научно-фантастического дискурса на примере творчества писателя С.В. Лукьяненко, позволяющие ему быть успешным на рынке научно-фантастической литературы.

Ключевые слова: дискурс, научная фантастика.

Научно-фантастический дискурс во всем своем многообразии и формах выражения имеет своей наиболее важной частью тексты художественной литературы. Их важность обусловлена тем, что они оказывают наиболее сильное влияние на клиентов научно-фантастического дискурса (НФ-дискурса), настолько сильное, что являются побудительным стимулом для покупки подобных текстов, а значит, являются базисом книгоиздательской отрасли экономики для своей целевой аудитории. Иначе говоря, НФ-тексты создают свою целевую аудиторию и в некоторых случаях субкультуру, проявляющуюся в посещении интернет-сайтов агентов НФ-дискурса (авторские сайты писателей, сайты издательств, сайты интернет-магазинов, торгующих книжной продукцией и сайты платных и бесплатных библиотек, в том числе существующих за счет бизнес-моделей, не связанных непосредственно с НФ-дискурсом (например, за счет контекстной рекламы), но для которых НФ-дискурс и такая его часть как НФ-тексты являются очень важной составляющей предоставляемого посетителям контента.

Вследствие этого представляется целесообразным исследовать особенности средств воздействия на клиентов НФ-дискурса, имеющих место быть в текстах пользующихся популярностью писателей. Тексты Сергея Васильевича Лукьяненко были выбраны по ряду причин. Во-первых, востребованность его творчества за рубежом, во-вторых, актуализация его творчества в кинематографическом дискурсе. В-третьих, стилистические особенности его текстов, которые позволяют считать его целевой аудиторией очень широкие слои клиентов.

Вымышленные вселенные, описываемые писателями-фантастами, как правило, многообразны и сложны. Перед писателем стоит задача передать особенности созданного их воображением мира читателю средствами литературного языка, текста, причем даже в пределах словарного запаса, характерного не для высокообразованного интеллектуала, но человека сугубо практического склада ума. Иначе возможен когнитивный диссонанс и как следствие падение продаж текстов определенного писателя или ограничение их на жестко устоявшейся аудитории.

Например, тиражи книг В.В. Головачёва меньше, чем С.В. Лукьяненко, хотя в субкультуре российского фэндома оба эти деятеля литературы занимают достойные и заслуженные почетные места. Анализ текстов данных писателей показывает, что различие в рыночном успехе их творчества порождено не в последнюю очередь используемым корпусом слов, в том числе новообразований, свойственных только отдельному писателю.

Рассмотрим довольно часто встречающиеся в текстах Лукьяненко слова: «гиперпространство», «гиперпереход», «космопорт», «нейрошунт», «видеостена», «плазменный шар», «защитный купол».

Новообразованных слов в творчестве Лукьяненко сравнительно мало. И, как правило, они не требуют специальных пояснений, ярлычков и табличек, отягощающих текст и затрудняющих его восприятие. Большинство их них клиент НФ-дискурса понимает сразу, так как они на самом деле либо уже встречались в ранее изданных произведениях НФ-литературы, либо немного модифицированы.

Например, «гиперканал» — слово, встречающееся в НФ-литературе. В текстах Лукьяненко оно не объясняется предварительно, но при прочтении становится очевидным значение этого термина: «клочок абсолютной пустоты посреди вакуума».

Зададим риторический вопрос, что более близко широкой аудитории читателей: практически не требующее сознательных усилий, интуитивно-понятное значение термина, который к тому же где-то был ранее увиден, или же нагромождение неологизмов, ведущих свое происхождение в лучшем случае из учебников физики и математики для вузов, причем довольно высокого уровня и это еще в «лучшем» случае. В «худшем» — заимствованные из эзотерической литературы.

С учетом того, что НФ-тексты являются для читателя в первую очередь средством релаксации, ответ очевиден. Простота в термино-

логии, применение новых слов только там, где без них никак нельзя обойтись, точечная дозировка научных сведений, не превращающая книгу в физический справочник — все это должно создавать положительный эмоциональный фон и стимулировать к приобретению очередной оплаченной порции духовного товара.

Обозначение границ художественного пространства с помощью локальных указателей, топонимов, также носит характер близости к существующей в реальности среде, в которую погружен читатель. Например, используются существующие географические названия (планеты Новый Кувейт, Новая Украина), или широко известные мифологические (планеты Эдем, Авалон, город Камелот). Для более выраженной достоверности задействуется понятие «город-спутник», среда обитания и жилища, мало отличающиеся от современных: городские квартиры, дома в пригородах.

Так как хронотоп смещен в будущее, это делает невозможным применение существующей техники, но даже придуманная, она остается интуитивно понятной. Например, «проекционное окно» наводит на мысли о некоем видеоэкране (через понятия «проекционный телевизор», «проектор») размером с окно (элемент фантастичен, так как современная видеотехника приблизилась, но не достигла точно таких размеров).

Столь важная отрасль существования как химия, также представлена в НФ-дискурсе С.В. Лукьяненко вымышленными веществами. Например, «камни-эмпатики», меняющие цвет в зависимости от настроения хозяина; кольца из «невидимых алмазов»; «анизотропный клей», свойства которого ясны из прилагательного «анизотропный», т.е. отличающийся физическими свойствами в зависимости от направления действия приложенной силы; мемотропные препараты (практически калька с широко распространенного даже в массовой культуре слова «психотропный»); сверхстабильный лед (физические свойства такого льда уже интуитивно представляются, но Лукьяненко любезно их уточняет и читатель узнает, что из такого сверхстабильного вещества сделан спускаемый с орбиты аппарат.

Историзмы и архаизмы как способы придать повествованию достоверность, также часто встречаются в творчестве Лукьяненко. Они передают значение и место времени в контексте романа. Например, в диалогии «Холодные берега / Близится утро» употребляются такие знакомые читающему человеку термины, как «планер», «паровая повозка», «скорострельный пулевик», «летун», «паровая машинерия».

Контекст их употребления таков, что они актуализируют ретрочасть НФ-дискурса и уточняют, что фантастика может иметь хронотопом не только будущее («про космос»), прошлое («фэнтези»), но и «параллельное настоящее», естественно, вымышленное, но удивительно правдоподобное, особенно если оно создано на основе одного-единственного фантастического допущения: каким стал бы наш мир, если бы железо было бы так же редко, как в реальности – золото?

Помимо понятного и доступного описания материальной культуры в произведениях Лукьяненко существует явно выраженный этический вектор: стремление к лучшему как отдельных людей, так и всего человечества, довольно удачно выраженное словами:

«Человечество пытается быть красивым и хорошим, хотя никаких оснований к этому нет. Словно балерина в пачке и на пуантах пытается танцевать на снегу. А снег холодный, кое-где твердый, кое-где мягкий, а кое-где проваливается и режет ноги. Только все равно надо пытаться танцевать. Надо стараться быть лучше. Наперекор природе, наперекор всему. Иначе остается только лечь в снег и замерзнуть навсегда».

Авторская этическая позиция не только настраивает читателя на позитивное восприятие действительности несмотря на все ее житейские и бытовые трудности, но и существует в согласии с назначением самой жизни даже в термодинамическом плане: жизнь должна противостоять энтропии, снижая ее везде, где возможно, вплоть до культурной среды обитания, расширенной (пока в воображении) на астрономические расстояния.

Творчество Лукьяненко представляет собой пример того, каким должен быть вымышленный мир, чтобы стать успешным и продаваемым продуктом. Вымышленная вселенная должна восприниматься читателем как настоящий, реальный мир, населенный людьми, проблемы которых близки и вызывают сопереживание. Вымышленная вселенная должна быть *понятной*. В связи с этим простота вымышленного мира и словарного запаса для его описания становятся важным качеством проникновения НФ-дискурса в широкие массы читающей публики и усиления его роли как катализатора научно-технического прогресса.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

«КУЛЬТУРНАЯ ГРАМОТНОСТЬ» КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ КУЛЬТУРЫ ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О. К. Ансимова

Понятие «культурная грамотность», понимаемое как общие знания, запас сведений или коллективная память, которая обеспечивает адекватное понимание получаемой информации, может быть рассмотрено не только как инструмент эффективного общения в рамках монокультурного сообщества, но и как ключ к межкультурному взаимодействию.

Ключевые слова: культурная грамотность, культурный код, межкультурная коммуникация, лингвострановедческая компетенция, лингводидактика.

Расширение ресурсной базы культуры, с одной стороны, и социокультурное расслоение населения России - с другой, требуют необходимости формирования единого коммуникативного пространства, что связано, в первую очередь, с осознанным изучением родной культуры как общего для её носителей кода, знание которого во многом определяет эффективность коммуникативного акта.

В качестве ключа к культурному коду, позволяющему избежать культурной фрагментации, может служить так называемая «культурная грамотность», - понятие, предложенное американским специалистом в сфере образования и гуманитарных наук Эриком Дональдом Хиршем-младшим (Eric Donald Hirsch, Jr.), - «переменный объем информации, который культура сочла полезным, и поэтому его стоит сохранить» [7. С. 11]. Таким образом, «культурная грамотность» важна как общие знания, запас сведений или коллективная память, которая обеспечивает адекватное понимание воспринимаемой/ получаемой информации, тем самым позволяя людям общаться, работать и жить вместе.

Важно отметить, что «культурная грамотность» была предложена Э.Д. Хиршем и воспринята его последователями во всем мире как ха-

рактика носителя языка с точки зрения его собственной культуры. Но если наличие незначительного количества культурных лакун не препятствует коммуникантам, принадлежащим к одной культуре, так или иначе распознать её код в тексте [3. С. 215], то особое значение «культурная грамотность» приобретает при её рассмотрении в аспекте общения представителей различных культур, где участники коммуникативного акта не обладают общим для них культурным кодом, что в значительной степени затрудняет, а, зачастую, и препятствует коммуникации, тем самым существенно снижая эффективность функционирования индивида в чужой для него культуре.

В качестве подтверждения необходимости наличия общей «фоновой» информации для полноценного коммуникативного акта может быть рассмотрен эксперимент, описанный в журнале «*Scientific American*» (236, February 1977). Исследователь спрашивает у прохожих, как добраться до Центральной Площади, держа в руках а) местную газету, б) путеводитель по городу.

Результаты проведенного эксперимента позволяют сделать следующие выводы. Мы довольно быстро (в нескольких словах) показываем дорогу спросившему нас об этом человеку, если понимаем, что он местный (о чём сигнализирует наличие у него ежедневной газеты), поскольку он обладает общим с нами контекстом знаний, в данном случае, города, и достаточно долго (очень подробно) – человеку, по нашему мнению, не обладающему таким контекстом (в руках – путеводитель). Отсюда понятно, что знание общего культурного кода позволяет сделать коммуникацию краткой (без лексической избыточности) и эффективной, в то время как отсутствие этого кода делает коммуникативный акт довольно длинным, несколько примитивным и не всегда удачным [7. С. 3–4].

Другой эксперимент, выявляющий необходимость формирования национальных знаний для эффективной ориентации в чужой культуре, был проведён «Центром изучения чтения» (Университет Иллинойса): двум группам читателей, одинаковых по половому и возрастному признакам, по уровню образования и социальному статусу, но различных по национальной принадлежности (одни из Индии, другие – из Соединённых Штатов), предложили для прочтения по два сходных по длине, сложности и тематике (свадьба) текста. Но в одном тексте было описание индийской свадьбы, а в другом – американской. Результат показал значительную разницу в скорости и точности понимания текстов читателями двух групп: индийцы об-

наружили высокие навыки чтения текста об индийской свадьбе, но низкие – об американской, американцы же – наоборот [7. С. 17–18]. Отсюда понятна связь национальной принадлежности и, следовательно, наличия определённого «фонового» знания, а также способности индивида к интерпретации получаемой информации и её дальнейшего использования.

Таким образом, необходимость рассмотрения «культурной грамотности» как возможного подхода к расшифровке чужой культуры в аспекте межкультурной коммуникации представляется вполне оправданной. Для данной области исследований актуален вопрос о вспомогательных средствах, которые могут быть использованы, по мнению Э.Д. Хирша, для «открытия» других культур и их понимания [2. С. 17].

Так, Эдвард Т. Холл (Edward T. Hall), американский антрополог, автор книги «Безмолвный язык» («The Silent language»), которая считается основой научных исследований в области межкультурной коммуникации, рассматривая проблему выхода за пределы отдельных культур в международное коммуникативное пространство через преодоление скрытых ограничений культуры, видел это преодоление в знании другой культуры. И, по его мнению, это знание достигается путём систематического изучения, подобно изучению языка, десяти систем (**Primary Message Systems**), **основополагающих для любой культуры**: общение, ассоциация, самообеспечение, разделение полов, пространство, время, обучение, игра, оборона и ресурсы (их использование) [5. С. 37–38]. Думается, что данная теория – так называемая теория «культурной грамматики» – отражает в большей степени аффективные и поведенческие аспекты национальной специфики, которые, безусловно, важны для диалога культур. Но без выявления объёма знаний, которые вырабатывает человечество для адекватной интерпретации того, что говорят и делают люди, то есть, без «культурной грамотности» понимание культуры представляется ущербным.

Оговоримся, что концепция «культурной грамотности» предполагает обращение к национальной культуре, поскольку «американцы отличаются от немцев, которые в свою очередь отличаются от японцев, поскольку каждая нация обладает различными культурными знаниями» [7. С. 15–16], но при этом её внутренний принцип – международность. Иными словами, являясь «отличительной чертой национальной культуры», «культурная грамотность» в то же время отражает «содержание» культур многих стран мира [6. С. 11]. Отсю-

да понятно, что «культурная грамотность», преодолевая изолированность собственной культуры, в своём практическом применении может стать если не главным, то одним из основных средств в понимании других культур. Под практическим применением мы понимаем составление различного рода словарей «культурной грамотности», а также использование «культурной грамотности» в качестве методической концепции презентации лингвострановедческого материала.

Первый «Словарь культурной грамотности» (для внутринациональной коммуникации) был создан Э.Д. Хиршем и его коллегами сначала в виде словника (пять тысяч понятий), а впоследствии и в виде полноценного словаря (выдержавшего к настоящему моменту три издания и ставшего национальным бестселлером), включающего в себя около семи тысяч имён, фраз и событий из двадцати трёх областей знания. Существуют также немецкий, голландский, шведский и японский аналоги данного Словаря, адаптированные к соответствующему национальному языку и культуре.

Основой «Словаря культурной грамотности» является идея о том, что существует некий объём «фоновых» знаний, который может быть выявлен и определён. Важно, что именно исчисляемость такого объёма способна сделать культуру общедоступной. При этом не должно возникнуть фрагментарности культурного знания, а напротив, образуется целостная картина. Для того чтобы показать связь между различными понятиями, в Словаре используется достаточное большое количество перекрёстных ссылок. Для иллюстрации сказанного приведём пример: словарная статья «Россия» из американского «Словаря культурной грамотности» (перекрёстные ссылки в тексте выделены подчёркиванием):

«Russia A vast nation that stretches from eastern Europe across the Eurasian land mass. It was the most powerful republic of the former Soviet Union; ethnic Russians composed about half of the population. It is the world's largest country. Its capital and largest city is Moscow.

♦ *Russia was ruled by czars of the Romanov family from the seventeenth to the twentieth centuries.* ♦ *Peter the Great, a czar who reigned in the late seventeenth and early eighteenth centuries, attempted to westernize Russian government and culture.* ♦ *During the Russian Revolution of 1917, the Bolsheviks, under Lenin, took control of the government; Communists governed from 1917 until 1991.* ♦ *Russia now occupies the seat on the Security Council of the United Nations formerly held by the Soviet Union» [6. С. 396].*

«Россия – огромная страна, которая простирается от Восточной Европы по всей евразийской суши. Она была самая мощной республикой бывшего Советского Союза; этнические русские составляют около половины населения. Это самая большая страна в мире. Ее столицей и крупнейшим городом является Москва.

♦ Россией правили цари семьи Романовых от семнадцатого до двадцатого века. ♦ Петр Великий, царь, который правил в конце семнадцатого и начале восемнадцатого века, пытался европеизировать русское правительство и культуру. ♦ Во время Русской Революции 1917 года большевики, при Ленине, взяли под контроль правительство; Коммунисты были у власти с 1917 до 1991 года. ♦ Россия сейчас занимает место в Совете Безопасности Объединённых Наций, которое ранее занимал Советский Союз».

Безусловно, с лексикографической точки зрения, данная словарная статья обладает определённой спецификой, но в данном случае для нас было важно обратить внимание на обилие перекрёстных ссылок, которые формируют гипертекст.

Данный тип словаря адресован массовому читателю, но, на наш взгляд, он приобретает особую ценность в качестве учебного пособия, являясь полезным инструментом в преодолении культурного барьера, что гораздо важнее преодоления барьера языкового [4. С. 34]. Заметим, что даже при наличии одного национального языка в нескольких странах (английский в Великобритании, Соединённых Штатах Америки, Австралии и нек. др. странах), знания, составляющие их «культурную грамотность», значительно отличаются. Конечно, существует некоторый объём знаний, общий для всех, например, англоязычных стран, в силу наличия у них общего (английского) языка, но большая часть фоновой информации в конкретной стране (в Англии, Америке, Австралии, некоторых южноафриканских государствах) различна и поэтому требует изучения [7. С. 17].

Таким образом, с позиции лингводидактики становится понятной необходимость формирования «культурной грамотности» у вторичной языковой личности. Обращение к обсуждаемому понятию в аспекте лингводидактики требует рассмотрения некоторых терминологических сложностей, неизбежно возникающих в случае привлечения новых терминов, к которым мы относим «культурную грамотность».

В методике преподавания неродного языка понятие «культурная грамотность» может соотноситься с понятием «лингвострановед-

ческая компетенция» неаутентичной языковой личности. На наш взгляд, данные понятия не могут выступать в качестве синонимов, во-первых, в связи с их различной природой: «культурная грамотность» – **знания (knowledge)**, **наличие которых обеспечивает определённые умения (skills)**; а лингвострановедческая компетенция – **способность (ability)**, которая делает своего обладателя компетентным в определенной области знания или деятельности. Подобный подход позволяет предполагать, что данные понятия находятся в привативной оппозиции: «культурная грамотность» как комплекс определенных знаний включается в лингвострановедческую компетенцию как результат их (знаний) применения.

В свою очередь, «культурная грамотность» как широкий массив информации может включать в себя содержание лингвострановедческой компетенции в виде перечня/списка традиций, норм и правил поведения, описания специфики эмоционального склада и национально-специфических особенностей мышления народа. Вне зависимости от названных подходов взаимодействие данных понятий не должно приводить к их подмене.

Не совсем удачным кажется нам и синонимичное употребление некоторыми исследователями [1. С. 132] терминов «литературная грамотность» и «культурная грамотность». Возможно, подобное употребление объясняется тем, что Э.Д. Хирш связывает «культурную грамотность» со способностью к чтению, так как именно оно (чтение), по мнению исследователя, является основой обучения и залогом успешной трудовой деятельности. Однако «культурная грамотность» – «это не только умение читать, правильно говорить, но и владеть неким знанием – концептом всей цивилизации ...» [1. С. 133].

Итак, необходимый элемент эффективной межкультурной коммуникации – адекватная интерпретация чужой культуры, которая достигается во многом благодаря ознакомлению (в том числе и через словарь) с некоторым объёмом знаний, «типичных для данного национального сообщества», т.е. овладению «культурной грамотностью». Конечно, такое ознакомление и овладение предполагает поиск ответов на множество вопросов методологического и методического характера, и данная статья – это, скорее, только постановка проблемы, но в связи с активным вхождением России в мировое сообщество направление исследования «культурной грамотности» в аспекте межкультурной коммуникации видится необходимым и перспективным.

Список литературы

1. Митрофанова, О. Д. Методика преподавания русского языка как иностранного. М. : Русский язык, 1990.
2. Рот, Ю. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг: учебно-методическое пособие, М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2006.
3. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа русской культуры, 1996.
4. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Изд-во МГУ, 2004.
5. Edward, T. Hall. The Silent language. N. Y. : Anchor Books, Random House, 1990.
6. Hirsch, E. D., Jr. The New Dictionary of Cultural Literacy. 3 ed. Boston, N. Y. : Houghton Mifflin Company, 2002.
7. Hirsch, E. D., Jr. Cultural literacy. What every American needs know. N. Y. : Random House, 1988.

List of literature

1. Mitrofanova, O. D. Metodika преподаvaniya russkogo yazyka kak inostrannogo. M. : Russkiy yazyk, 1990.
2. Rot, Yu. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Teoriya i trening: uchebno-metodicheskoe posobie, M. : YuNITI-DANA, 2006.
3. Teliya, V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. M. : Shkola russkoy kul'tury, 1996.
4. Ter-Minasova, S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M. : Izd-vo MGU, 2004.
5. Edward, T. Hall. The Silent language. N. Y. : Anchor Books, Random House, 1990.
6. Hirsch, E. D., Jr. The New Dictionary of Cultural Literacy. 3 ed. Boston, N. Y. : Houghton Mifflin Company, 2002.
7. Hirsch, E. D., Jr. Cultural literacy. What every American needs know. N. Y. : Random House, 1988.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ Г. ЧЕЛЯБИНСКА

О. Н. Марфунцева

Статья посвящена анализу лингвокультурного образа г. Челябинска на материале ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов филологического факультета ЧелГУ.

Ключевые слова: лингвокультурный образ, наивная картина мира, ассоциативный эксперимент.

На уровне понятийного мышления образы (под «образом» понимается ментальная единица сознания, обобщенное представление некоторого объекта или класса объектов)[3]) вербализуются и находят свое выражение в концептах, которые «сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику»[4]. Как известно, «наивная картина мира», отражающаяся в языке, характеризуется «прагматическим эгоцентризмом», то есть «складывается как ответ на <...> практические потребности человека, как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру»[5]. При этом важно учитывать ее «пофрагментарное воспроизведение в лексических единицах языка»[2]. Именно поэтому в целях изучения сложившегося в обыденном языковом сознании горожан образа Челябинска как города-миллионника и последующего моделирования его позитивного имиджа Вузовской лабораторией межкультурных коммуникаций были проведены опросы жителей, проанализированы развернутые отзывы о Челябинске и впечатления гостей города.

Согласно официальному обоснованию символики герба[7], Челябинск может быть охарактеризован как торговая и промышленная столица региона с уникальной природой и богатыми природными ресурсами (о чем свидетельствует символ верблюда, напоминающий о Великом шелковом пути). Именно верблюд и вызывает недоумение и иронию у гостей города (*на гербе Челябинска присутствует верблюд – ибо через сии места когда-то проходил Великий шелковый путь... И где он только не проходил...*[1]).

Червлёный цвет поля герба «созвучен труду металлургов, машиностроителей, литейному делу»[7], развитым здесь настолько, что формируют своеобразные представления о «суровом городе

Челябинске». Тяжелый труд на промышленных предприятиях, по ожиданиям гостей города, должен был сформировать «хитроватый и прижимистый склад характера» у жителей, а обрывки разговоров формируют представления о необязательности жителей в финансовых вопросах:

- операторы крупной авиакассы обсуждали некоего клиента, который никак не заплатит долг, а теперь его еще и никак не могут найти [обрывки разговоров];

- грузчики, звонившие бригадиру, сообщили ему, что они приехали в магазин, заказавший погрузку холодильника, раньше условленного часа, но директор магазина сказал, что он уже загрузил холодильник и в их услугах не нуждается. В ответ бригадир кричал в трубку: «Вернитесь и побейте ему витрины!». Алексей Иванов в цикле статей «Уральская матрица» отмечает: «По мышлению Урал прагматичен, как мясорубка, – иначе он дал бы миру не меньше культурных феноменов, чем, к примеру, Италия»[1].

Но при всем этом мегаполис приятно удивляет гостей города приветливостью и отзывчивостью челябинцев в маршрутных такси, а также неукоснительным исполнением водителями правил дорожного движения.

Челябинск нередко воспринимается в связи со своим географическим положением как город «пограничный», связывающий европейскую часть России с азиатской (о чем говорит частое соотнесение таких географических реалий, как *Россия (европейская, азиатская), Сибирь, Дальний Восток*, упоминания о железных дорогах (*пути, сибирские экспрессы*)).

При этом отзывы о нем насыщены глаголами с семантикой движения (*пролетают, проходят, прошло*), значению которых созвучны наречия (*мимо*), существительные (*пути, движение*).

Если обратиться к воспоминаниям А.М. Нечаевой[6], то о Челябинске можно судить, как о *городошке отвратительном*, где процветают воровство, кражи, грабежи, разбойничьи нападения, убийства. Город воспринимается как место уголовной ссылки преступников.

Ассоциативный эксперимент, проведенный при участии студентов филологического факультета ЧелГУ показал следующее. Студентами называются различные урбаноимы, связанные с их проживанием (*Металлургический, Ленинский районы, ЧТЗ, ЧМЗ и т.д.*), культурным отдыхом (*Кировка/ Арбат, Пл. Революции, Парк им.*

Пашкина, Парк им. Гагарина). Город также ассоциируется с персоналиями, в основном, это политики (Сумин, Тарасов, Юревич).

О стереотипном образе Челябинска как промышленного города свидетельствуют такие слова-реакции, как *промышленность, машиностроение, металлургия, тракторостроение, металлургия*. О негативных сторонах мегаполиса говорят ассоциации *грязь, загазованность, дым, смог*. С негативной коннотацией выступает слово *холод*. Положительные ассоциации связаны с *семьей, домом, друзьями*, а также различными развлекательными комплексами и местами отдыха («*Мегаполис*», *зоопарк*, «*Юность*»).

Результаты анализа развернутых отзывов жителей о своем городе показали, что синонимами Челябинска выступают лексемы *город, город-миллионник, мегаполис, столица*. При этом наиболее частотными определениями (в отношении города, районов, других отдельных топосов) выступают *новый, современный, спортивный*, («*красивый и современный спортивный город*», «*одна из спортивных столиц мира*», «*новой изюминкой Челябинска станет...*», «*новая территория любви*»).

Город связан у многих с воспоминаниями о детстве и юности, семье («*родные районы*», «*здесь родился...*», «*там живут мои родители*», «*это прежде всего родной город*», «*любимый, родной*»), отсюда частотны притяжательные местоимения («*лучше нашего Челябинска нет*», «*у каждого из нас свой Челябинск, свои достопримечательности*», «*Челябинск наш общий дом*»), подчеркивание коренного происхождения («*я коренной челябинец*»), замечания: «*Родился здесь, здесь рос, учился и работаю*», «*в Челябинске я родился и вырос*».

Очень четко образ города глазами своих жителей реализует две антитезы – временную и пространственную. Временная антитеза выявляется на основании противопоставления прошлого настоящему и будущему (в ориентации как на факты личной биографии жителей, так и развитие всего города в целом). Реалии прошлого, маркированные лексемами *тридцать лет назад, раньше, пять - шесть лет назад, воспоминания прошлых лет*, предстают в двух аспектах: либо негативно воспринимаются по сравнению с настоящим (*в последнее время, сегодня, настоящее время, современный Челябинск, сейчас*) и будущим (*в следующем году, будущее, футурологический прогноз, новый век, в ближайшее время, уверенность в будущем*), либо оказываются тесно взаимосвязанными с последующими временными отрезками как элементы причинно-следственной связи («*стало доброй*

традицией...», «традиция», «дань истории и памяти», «связующая нить между поколениями», «крепнут год от года наши традиции»).

Если сегодня челябинцы смело говорят о преобразении родного города (**«Тридцать лет назад на выезде из города на улице Братьев Кашириных стоял неказистый указатель в направлении небольшого леса..., сегодня эту улицу можно смело назвать одним из центральных проспектов района.»**, **«Раньше ЗАГС Курчатовского района был худшим в городе...уже сегодня неиссякаемый поток новобрачных стремится подать заявление на регистрацию в отреставрированном ЗАГСе.»**, **«он круто изменил свой суровый облик промышленного центра – никаких серых красок...»**), то еще в конце девяностых все обстояло иначе: настоящее города воспринималось отнюдь не позитивно и связывалось с трудностями, неоправданными ожиданиями (**«И все-таки мы строим...дело это всегда было нелегким...ругаем время, клянем себя»**, **«сложное, нестабильное время»**).

Итак, прошлое города для его жителей неотделимо от воспоминаний о их детстве и взрослении, часто связано с упоминаниями о спорте, отдыхе, учебе и, как следствие, соответствующих топосах. Город здесь предстает преобразившимся по сравнению с детскими воспоминаниями:

1. **«Появляются новые спортивные площадки, которых нам катастрофически не хватало в детстве. У юных челябинцев сегодня столько возможностей заниматься спортом!», «Мое самое любимое место в городе – парк Победы...когда занимался легкой атлетикой, тренировался в парке с друзьями», «еще в детстве я занимался в спортивной школе «Трактор»... поэтому ледовый дворец «Юность» назову среди любимых мест в Челябинске»**

2. **«...окончил Южно-Уральский государственный университет. Годы учебы - чудесные годы. Может быть, поэтому район университета до сих пор мое самое любимое место в Челябинске. Проспект Ленина от Алого поля до памятника Курчатову, стадион, учебные корпуса, парк имени Гагарина...».**

Сегодняшний Челябинск, кстати, претендует на звание одной из спортивных столиц мира (хотя бы в связи с постройкой в 2004 году крытого конькобежного стадиона).

Пространственно из описаний города явствует противопоставление центра окраинам, Центрального района другим районам, индустриальным (**«Металлурги и ленинцы, собираясь ехать в центр Челябинска, говорят: «Еду в город»», «...чтобы не только центр**

сверкал огнями уличного освещения», «Причем удивительные уголки, современные архитектурные ансамбли появились не только в центре города, но и в других районах...»). При этом лексема «город» может иметь узкое значение «центр» («Еду в город» в значении «в центр города»), а значение «центра» в свою очередь может сужаться до здания городской администрации.

Быстрыми темпами развивающийся район Северо-Запада предстает в виде линейного, направленно движущегося пространства («Северо-Западное направление», «... на выезде из города на улице Братьев Кашириных», «одним из центральных проспектов района», «улица Солнечная», «Тополиная аллея») и связывается с определенными новостройками и лесными массивами (ЧелГУ, ледовый дворец, плавательный бассейн, зеленая зона.).

Словами жителей город позиционирует себя как динамично развивающийся, о чем свидетельствуют лексемы с соответствующей семантикой:

«...продолжает расти вишь и ввысь», «вырастают», «стремимся создать все условия», «стремительно растет и развивается», «растет и хорошеет мой город», «активно строят», «делается много хорошего», «дороги ремонтируются, расширяются, освещаются»; «особенно активно»; «становится краше и краше», «стал намного светлей и чище».

Довольно часто употребляются лексемы с корнями -строј- (новостроек, жилищное строительство, стройка, «моими руками и руками товарищей-строителей поднимался город»), -раб- (работаю, комфортно работать),

Город традиционно определяется как промышленный центр («заводы», «фабрики и предприятия, образующие промышленный комплекс», «набирал индустриальную силу», «продукция черной и цветной металлургии», «машиностроительные предприятия», «промышленные зоны»), при этом имея негативную коннотацию («суровый облик промышленного центра»). Изменение внешнего вида города в сторону отхода от этого стереотипа воспринимается жителями как положительная динамика: «никаких серых красок», «все сверкает витринами многочисленных магазинов», «Челябинск – это не только заводы, фабрики..., но и город, в котором должно быть удобно, комфортно и радостно жить».

Таким образом, были исследованы различные лексемы, формирующие лингвокультурный образ Челябинска: урбаноимы, собствен-

ные имена, слова и выражения, составляющие основу как позитивного, так и негативного образа города. Анализ обыденного языкового сознания населения показал, что и жителями города, и его гостями Челябинск воспринимается как город промышленный, с чем связывается его загрязненность. Характеристики «промышленный», «пограничный», «город-миллионник» являются ядром лингвокультурного поля Челябинска, а на периферии оказываются топосы: места отдыха, учебы, работы жителей города.

Список литературы

1. URL : www.livejournal.com и www.bookchel.ru
2. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
3. Залесова, М. Н. Формирование и восприятие образа джентльмена в языке и культуре США: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009 23 с.
4. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : ФФМГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 90.
5. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001. 208 с.
6. Нечаева, А. М. Челябинские впечатления // Исторический вестник. 1909. Июль. С. 236–269.
7. Официальные символы Челябинской области и муниципальных образований / сост.: К. Ф. Моченов, Г. А. Туник. М. ; Челябинск, 2004. 295 с.

List of literature

1. URL : www.livejournal.com и www.bookchel.ru
2. Vorkachev, S. G. Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii // Filologicheskie nauki. 2001. № 1. S. 64–72.
3. Zalesova, M. N. Formirovanie i vosprijatie obraza dzhentl'mena v jazyke i kul'ture SShA: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M., 2009 23 s.
4. Kubrjakova, E. S. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. M. : FFMGU im. M. V. Lomonosova, 1996. S. 90.
5. Maslova, V. A. Lingvokul'turologija : uceb. posobie dlja stud. vyssh. uceb. zavedenij. M., 2001. 208 s.
6. Nechaeva, A. M. Cheljabinskie vpechatlenija // Istoricheskij vestnik. 1909. Ijul'. S. 236–269.
7. Oficial'nyesimvoljCheljabinskoj oblasti i municipal'nyh obrazovanij / sost.: K. F. Mochenov, G. A. Tunik. M. ; Cheljabinsk, 2004. 295 s.

**ЭЛЕМЕНТЫ СТРАТЕГИИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ**

Э. Ш. Никифорова, Ю. В. Надобко

В данной статье рассматриваются стратегии построения современного рекламного текста. Учитывая тот факт, что основной целью создания рекламного текста является оказание воздействия на потенциального реципиента, особое внимание уделяется вторичному дискурсу рекламного текста, то есть, подчёркивается необходимость учёта гендерных, социальных и культурных стереотипов при его построении.

Ключевые слова: имидж, фактор престижа, фактор экзотизма, фактор доверия, экологичность, социальная роль, социальный статус, гендер, первичный дискурс, вторичный дискурс, полоролевой стереотип.

Эффективность воздействия рекламных текстов имеет первостепенное значение. При этом эффективность воздействия, как ни странно, не зависит от того, насколько приводимые аргументы соответствуют реальной сути самого товара. Автора рекламного текста интересует не столько сам предмет, сколько психология, интересы, кругозор, устремления потенциального покупателя, социально и психологически значимые отношения. Так создаются различные «имиджи», вводятся в игру дополнительные психологические ценности. Например, фактор престижа, фактор доверия, фактор юмора, «культ» молодости, новизны, успеха, красоты, экзотизма и т.д. Акцент при этом делается на символических ценностях, которые позволяют показать определенный социальный статус, принадлежность к престижной социальной группе, создают видимость успеха, счастья, радости. При составлении рекламного текста необходимо учитывать различные социальные роли человека, поскольку социальные роли оказывают самое непосредственное влияние на «коммуникационные навыки и привычки». Можно привести в качестве примера практику одного американского агентства, которое меняет объявления в Нью-Йоркских пригородных поездах несколько раз в день. Утром рекла-

ма предназначается мужчинам, едущим на работу, немного позднее – домохозяйкам, отправляющимся в город за покупками, а вечером тем, кто возвращается из кинотеатров, гостей и т.д.

Приведем еще ряд примеров, иллюстрирующих вышеизложенные положения. Одна из американских компаний по продаже шелка нашла оригинальное рекламное решение. Шелк преподносят представительницам различных женских групп по-разному: членам женских клубов – как воплощение моды, посетительницам музеев – как произведение искусства, художественным клубам – как воплощение цвета и творчества.

Особенно популярна в рекламе ориентация на женщину – мать, в этих рекламных текстах, как правило, акцентируется полезность, экологичность, развивающий характер товаров для детей.

Кроме того, необходимо учитывать и индивидуальные: психологические и физиологические особенности потенциальных покупателей. Так, например, для того, чтобы привлечь, а вернее не оттолкнуть покупательниц больших размеров, владельцы и директора магазинов на западе проявляют большую изобретательность в придумывании приятных, комплиментарных, привлекательных вывесок: **BIB** – сокращение от **Big is Beautiful** (Большое – значит красивое), **Renoir Collection** (ренуаровская коллекция) (все хорошо продумано: ренуаровские женщины розовые, нежные, приятно округлые).

Стиральные же порошки продаются в трех упаковках: **small** (маленькая), **medium** (средняя), но вместо пугающего **large** (большая) используется гораздо более “корректное” и приятное слово **family** (семейная) или **jumbo** (по имени мультипликационного слоненка).

Даже зубные щетки продаются очень деликатно: **for small teeth** (для маленьких зубов), **for standard teeth** (для стандартных зубов), а больших зубов у покупателей быть не может, поскольку это не соответствует представлениям о красоте лица, поэтому следующий, последний размер щеток называется **for regular teeth** (для обычных зубов). И сигарет не бывает ни **big**, ни **large** – это было бы слишком прямолинейно; сигареты бывают **king size** – королевского размера [1. С. 175].

Язык объявлений и вывесок отражает и такую весьма характерную черту западной культуры, как забота об охране окружающей среды. Любовь к животным, забота о них – весьма характерная черта общественной жизни в англоязычных странах. Обращение к людям от имени животных в рекламных текстах – это уже не сухое и строгое обращение к разуму, это одновременно и эмоциональный при-

зывает. Тексты такого типа подчеркивают равенство всего живого на нашей планете.

Адресатами рекламы могут быть и гендеры – мужчина и женщина. Согласно психологическим исследованиям женщины, в силу своей эмоциональной природы более доверчивы и внимательны к рекламным материалам. Но здесь следует отметить, что возрастные особенности также играют важную роль: современные девушки, в отличие от женщин старшего возраста, более открыты в общении, коммуникабельны и готовы к сотрудничеству, что способствует их эмоциональной открытости к восприятию рекламного материала, доверию к нему в отличие от сверстников – юношей.

Следует отметить, что женщины предпочитают рекламу, презентуемую известными людьми (например, Вера Алентова предлагает женщинам сохранить молодость и красоту при помощи кремов серии “Черный жемчуг”, а Дмитрий Маликов уверяет, что всем шампуням следует предпочесть “Head and Shoulders”). Известный актер, певец, знаменитость производят хорошее впечатление. Ему доверяют, хотят подражать, он покоряет своей уверенностью, психологической защищенностью. Кроме того, реклама парфюмерии, косметики, алкогольных напитков построена на том, что рекламируется не только товар, но и определенное качество или образ жизни.

Согласно результатам исследований А.В. Кирилиной, Л.С. Школьника, присутствие красивой женщины в рекламе придает ей большую притягательную силу и оказывает сильное воздействие как на мужчин, так и на женщин. Л.С. Школьник в своей работе «Уроки рекламных королей» приводит следующие статистические данные: для 70% рекламных объявлений характерно использование архетипов женщины, семьи, ребенка, учителя – мудреца или героической личности, а также животного. При этом первое место по количеству предъявлений занимает архетип женщины: в 51% - это изображение женского лица, в 10% -изображение полуобнаженного женского тела [2. С. 18].

Необходимо учитывать и тот факт, что по сравнению с сильным полом на рынке покупателей современная женщина занимает более активную позицию, чем ее супруг; конотативный аспект установки к рекламе у женщины выше, чем у мужчины: она больше времени проводит дома и чаще пользуется услугами рекламодателя.

Итак, в прагматическом смысле, рекламный текст рассматривается в двух планах: как «первичный дискурс» – собственно предложения о товарах и услугах и как «вторичный дискурс», где заложены

конструкты об обществе, взаимоотношениях в нем, то есть существующих социальных, гендерных или полоролевых стереотипах. Так, в первичном дискурсе речь идет о том, насколько чисто стирает тот или иной порошок или как компьютер помогает принимать правильные решения. А вторичный дискурс информирует о том, кто стирает (должен стирать) этим порошком, кто принимает (должен принимать) правильные решения с помощью компьютера и т. д., чтобы преуспеть в жизни.

Иными словами, реклама – это не только определенная система представления объектов, программирующая потребителя на приобретение того или иного товара, на то или иное поведение, на те или иные взаимоотношения, но и своеобразный идеологический конструкт, код, выстраивающий систему символических ценностей: социальных, моральных, семейных, гендерных.

Список литературы

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
2. Школьник, Л. С. Уроки рекламных королей. М., 1998.

List of literature

1. Ter-Minasova, S. G. Yazyk i mezhhkul'turnaya kommunikatsiya. M., 2000.
2. Shkol'nik, L. S. Uroki reklamnyh koroley. M., 1998.

ФОРМАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ЦИРКУМФИКСАЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л. А. Савелова

В статье рассматриваются наречия с циркумфиксами по-...-и, по-...-ому/-ему, по-...-о. Эти наречия образуются по разным формальным и семантическим моделям, основные из которых описаны в статье. Важная роль в анализе семантики и словообразования наречий принадлежит характеристике семантических и лексико-грамматических признаков базовых слов. Циркумфиксальные наречия представляют собой обширный лексический класс, единицы которого распределяются по нескольким семантическим микрополям.

Ключевые слова: циркумфикс, семантика наречий, словообразование наречий.

В системе русского наречия транспозитивное на протяжении длительного времени высоко продуктивным остается образование адвербиальных единиц по моделям *по-...-и, по-...-ому/-ему*. Изучение их деривационных и семантических связей способствует решению задач описания парадигматической репрезентации знания о мире в языке.

Ядро данной подсистемы адвербатов составляют единицы, образованные от относительных прилагательных, мотивированных существительными. Благодаря этому относительные адъективы активно включаются в производство характеристикатора признака, действия или состояния. Прагмасемантическая и стилистическая специфика циркумфиксальных наречий определяется тем, что они нерасчлененно передают атрибутивное (качественное) и обстоятельственное значение.

На более ранних этапах развития русского языка сфера функционирования производных такого типа ограничивалась просторечием, в художественных текстах XIX в. они использовались как средство стилизации и экспрессивизации речи [3. С. 188, 195]. В настоящее время данный тип наречий в целом не может считаться функционально и стилистически ограниченным. Характеристика по признаку стилевой принадлежности становится индивидуальной, поскольку среди такого рода адвербиальной лексики есть и разговорные слова (*по-всякому, по-дурному, по-ученому*), и нейтральные (*по-братски, по-девичьи, по-*

морскому, по-прежнему). О книжных элементах в рамках данного типа следует говорить с особой осторожностью, поскольку специфическое прагматилистическое значение таких единиц задается производящими словами, а не возникает в процессе словопроизводства, например, слова *по-никониански, по-сибаритски* относятся к книжной лексике, как и мотивирующие их прилагательные. Не вполне обоснованным в связи с этим считаем отнесение к сфере книжной лексики образований *политературному, по-книжному*, принятое А. Sitarski [7. С. 50].

Высокая продуктивность словообразовательных моделей и регулярная соотносимость с прилагательными обуславливают неполную и не всегда последовательную лексикографическую фиксацию данных наречий. Так, в «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова вошли слова *по-абиссински, по-азербайджански, по-абхазски, по-болгарски, по-богатырски, по-боевому, по-воровски, по-воловы, по-животному, по-луораветлански* и др. (всего 530 единиц) [5], но не отмечены слова *по-бандитски, по-беличьи, по-бразильски, по-восточному, по-доброму, по-дачному, по-лисьи* и др. Многие из циркумфиксальных производных отсутствуют и в «Словаре наречий и служебных слов русского языка» [4], и в орфографических словарях.

Циркумфиксы *по-...-ому/-ему, по-...-и, по-...-о* выступают как синкретичные морфемы, служащие одновременно носителями грамматического и словообразовательного значений. Данные аффиксы выражают общую для них грамему – ‘обстоятельственный признак признака, действия, состояния или предмета’ – и различные модификации дериватемы ‘подобно тому / в соответствии с тем, что названо производящей основой’. Циркумфиксный статус указанных морфем подтверждается и семантическими, и формальными критериями. Во-первых, компоненты аффикса эксплицируют единое словообразовательное значение, а не совокупность дериватем. Во-вторых, конечные компоненты сложных аффиксов – *-ому/-ему* и *-о* не выступают в качестве самостоятельного словообразовательного средства. Аффикс *-и*, напротив, обладает статусом деривационного элемента, в русском языке существуют и префиксальные, и бесприставочные производные, в том числе параллельные, образованные от одних и тех же основ: *братски* и *по-братски, дурачки* и *по-дурачки, мецански* и *по-мецански*. Однако изофункциональность аффиксов *по-...-и, по-...-ому/-ему, по-...-о* и общность их деривационного значения служат обоснованию циркумфиксной природы морфемы *по-...-и*.

Посходству формальных признаков и общности словообразовательно-грамматической семантики все наречия, в структуре которых выделя-

ются дериваторы *по-...-ому* / *-ему*, *по-...-(ск)и*, *по-...-(j)и*, *по-...-ø*, объединяются в особый лексико-словообразовательный класс. Некоторые сложности вызывает квалификация данного класса с точки зрения принадлежности к комплексным единицам словообразования. Определить его как словообразовательный тип в строгом понимании термина не позволяет наличие материальных различий в «суффиксальном» компоненте форманта. С учетом этих различий рассматриваемые циркумфиксальные производные следовало бы подвести под единую словообразовательную категорию. Однако специфика данных наречий состоит в том, что их дериваторы частично совпадают (по начальному элементу *по-*). Кроме того, значительное количество единиц включено в отношения формальной вариативности: *по-бабы* / *по-бабьему*, *по-мирски* / *по-мирскому*; ср. также в просторечии и территориальных диалектах: *по-его* / *по евонному* / *по-егонному*; *по-ее* / *по-еенному* / *по-ейному*; *по-их* / *по-ихнему* / *по-ихому*. В современном русском языке формальная вариативность разномоделных наречий на *-ому/-ему* и на *-и* носит спорадический, нерегулярный характер. В большей степени она проявлена в области производных от *j*-основ, которые преобладают в зономинациях: *по-птичьи* / *по птичьему*; *по-петушьи* / *по-петушину*. В диахронии, в том числе и ближайшей, такой параллелизм моделей был развит сильнее и затрагивал *ск*-основы. На это, в частности, обращал внимание Ф.И. Буслаев: «в старинном и народном языке такие наречия полагаются и в дат. падеже по требованию предлога *по-*; напр. <...> “выучи меня *по-французскому*”, “*по-русскому* не умѣю, а все понѣмецки”» [2. С. 156].

Приведенные факты, как представляется, могут расцениваться в пользу единства словообразовательного типа. Соответственно, несмотря на материальные различия в конечном компоненте дериватора, все производные рассматриваемого наречного класса могут быть подведены под один словообразовательный тип – «наречия, образованные от имен прилагательных с помощью циркумфиксального форманта *по-...-s* с транспозиционным значением ‘таким образом, который соответствует признаку, названному производящей основой’». Компонент форманта, занимающий позицию суффикса и условно обозначенный в схеме-семантизации деривационного типа с помощью переменной *-s*, материализуется посредством вариативной морфемы *-ому/-ему* или аффиксальным элементом *-и* (*-ски*, *-овски*, *-ji*). В трех наречиях, образованных от неизменяемых притяжательных местоимений, он материально не выражен: *по-его*, *по-ее*, *по-их*.

В рамках типа объединяются несколько формальных и семантических моделей. Вариативность формальных моделей внутри типа обусловлена способом материализации суффиксального компонента морфемы. Кроме того, формальные отличия моделей определяются лексико-грамматической природой производящей основы. В качестве мотивирующих могут выступать (1) относительные прилагательные; (2) местоименные прилагательные; (3) качественные прилагательные. В русистике представлена также точка зрения, согласно которой производящей базой рассматриваемых наречий выступают существительные, поскольку их словообразовательное значение формулируется с опорой именно на соответствующее существительное, а не на прилагательное [7. С. 152]. В результате основы наречий типа *по-докторски*, *по-вагнеровски* подвергаются переразложению, а лексемы квалифицируются как производные более низкой ступени с суффиксами *-ски*, *-овски*. Однако факт регулярного параллелизма каждого из таких наречий с прилагательным позволяет исходить из признания асимметричности формальной и семантической мотивации у производных данного типа: на уровне плана выражения они мотивированы адъективными лексемами, содержательно же – существительными.

Частнокатегориальная семантика рассматриваемых наречий не имеет жесткой зависимости от лексико-грамматической природы производящего слова. В определенной степени семантика наречий детерминирована предметно-тематической отнесенностью производящей базы, но не совпадает с ней.

Основными носителями сравнительно-уподобительного значения выступают наречия, формально мотивированные прилагательными, семантически – существительными, в значении которых выделяются следующие семы:

1) 'лицо': а) по национально-этническому признаку: *по-американски*, *по-грузински*, *по-русски*, *по-цыгански*, *по-японски*; б) по месту постоянного или временного проживания, нахождения (указание на населенный пункт, край, часть света): *по-европейски*, *по-заморски*, *по-одесски*, *по-уральски*; в) по социальному статусу: *по-барски*, *по-вдовьи*, *по-генеральски*, *по-господски*, *по-мещански*, *по-крестьянски*; г) по роду занятий: *по-боксерски*, *по-воровски*, *по-кустарному*, *по-матросски*, *по-пиратски*; д) по убеждениям, гражданской позиции: *по-домостроевски*, *по-евангельски*, *по-католически*, *по-обывательски*, *по-советски*, *по-философски*; е) по особенностям характера и поведения: *по-деловому*, *по-джентльменски*, *по-дружески*, *по-зверски*, *по-приятельски*, *по-*

хулигански; ж) по половозрастному признаку: *по-взрослому, по-детски, по-мальчишески, по-мужски, по-стариковски, по-юношески*; з) по родственным отношениям: *по-братски, по-матерински, по-отцовски, по-родственному*; и) по индивидуальным качествам (образуются от антропонимов): *по-маниловски, по-наполеоновски, по-пушкински, по-стахановски, по-хлестаковски*;

2) 'животное': *по-бычьи, по-вороньи, по-гусиному, по-змеиному, по-звериному, по-козьи, по-паучьи*;

3) 'сфера локализации признака' ('как где'): *по-армейски, по-деревенски, по-домашнему, по-дачному, по-уличному*;

4) 'время локализации признака' ('как когда'): *по-августовски, по-будничному, по-былому, по-летнему, по-утреннему*.

В большинстве выделенных семантических классов практически не ограничен круг основ для производства наречий. Прежде всего это касается слов с указанием в значении на национально-этнический признак, место проживания/нахождения, социальный статус и род занятий человека, а также зоонимов.

В группе номинаций родственных отношений продуктивность типа ослаблена по сравнению с другими. Далеко не от всех имен возможно образование наречий, хотя сравнение поведения того или иного человека с поведением, типичным, допустим, для свекрови, мачехи и других родственников, вполне приемлемо. В активное словопроизводство включаются только обозначения некоторых близких родственников.

Характер ограничения образований от имен собственных (антропонимов) иной. Потенциально возможно производство наречия от любого личного имени и фамилии. Но статус общеупотребительных, системно закрепленных единиц приобретают те, которые образованы от номинаций известных людей – прецедентных имен. Значение остальных наречий будет контекстуально (или ситуативно) обусловлено. Чтобы понять смысл, передаваемый наречиями *по-зойкиному, по-лапински*, нужно знать, о какой Зойке или о каких Лапиных идет речь. Это знание имеет корпоративный характер. Напротив, образования типа *по-донкихотски, по-есенински, по-пушкински* понятны большому кругу лиц, знакомых с творчеством, деятельностью, жизнью, характером того лица, чье имя положено в основу номинации. Например *по-есенински легко, по-есенински жить* в первом приближении можно истолковать так: 'как Есенин, внутренне свободно, то с эмоциональным надрывом, то в гармонии с миром'. Такие наречия могут выступать именами общерусских концептов, поскольку несут определенный квант информации

о мире – в чем-то общий для значительной части носителей языка, в чем-то варьируемый.

Наречия, мотивированные зоонимами, объективируют результат метафоризации значения номинаций животных, и это их свойство отличается регулярностью. Данные наречия используются для характеристики особенностей поведения человека и удовлетворяют назначению метафор, которые «призваны, большей частью, вскрыть внутреннюю сущность человека, проявляющуюся в его поведении и жизненной позиции» [1. С. 21]. Лексемы *по-животному*, *по-звериному*, *по-скотски* не представляют собой гиперонимов по отношению к остальным производным от зоономинаций (*по-лисы*, *по-змеиному*, *по-телячьи*), поскольку семантически связаны не с прямыми, а с переносными значениями исходных существительных *животное*, *зверь*, *скот*, выступающих в качестве отрицательно-оценочных номинаций лица (оценочное значение развивается и у прилагательных *животный*, *звериный*, *скотский*). Ни существительные, ни прилагательные не являются в этом случае родовыми наименованиями по отношению к метафорически переосмысленным лексемам *гусь*, *медведь*, *корова* и т.п. (а также *гусиный*, *медвежий*, *коровий*), именующим человека и его признаки. Механизм метафоризации значения в системе «наречие ← (прилагательное) ← существительное» варьируется. Однозначно говорить о соотносительности производных наречий только с переносными значениями исходных имен, по всей видимости, нельзя. Например, в случае *изгибаться по-змеиному* семантическим мотиватором наречия является прямая номинация животного (*змея*), а в случае *она норовила уколоть побольнее, ужалить по-змеиному* мотиватором наречия выступает экспрессивно-оценочная номинация человека. В целом наречия такого рода редко соотносятся с прямым значением исходного слова, не подвергаясь метафоризации, причем только в одном из своих типовых употреблений: *он умеет крякать по-утиному*, но ср. метафорическое: *шла вразвалку, по-утиному*.

Наречные производные от местоимений в рамках рассматриваемого словообразовательного типа немногочисленны. Среди них на основании признака дифференцированности vs. недифференцированности по указанию на лицо противопоставляются две группы слов: 1) указывающие на лицо: *по-моему*, *по-твоему*, *по-нашему*, *по-вашему*, *по-ее*, *по-его*, *по-их*, *по-своему* и просторечные *по-ихнему*, *по-евонному* – производные от притяжательных местоимений; 2) недифференцированно указывающие на предмет, в том числе на лицо: *по-всякому*, *по-другому*, *по-иному*, *по-любому*, *по-разному* – производные от определительных местоимений.

Слова первой группы морфологически соотносятся с местоименными прилагательными, семантически же – с местоимениями-субстантивами: *по-нашему* ‘как мы’. Это свойственно словообразовательному типу в целом, ср.: *по-барски* ‘как барин’, *по-джентльменски* ‘как джентльмен’, *по-мартовски* ‘как в марте’. Слова типа *по-моему* функционируют в качестве модальных и в качестве обстоятельственных элементов высказывания, при этом они всегда выступают маркерами лица (группы лиц): *По-моему, мы опаздываем – Сделайте по-моему*. Слова второй группы выступают только как обстоятельственные (сирконстантные) компоненты высказывания: *Попробуйте взглянуть на это по-другому*. В их семантике сравнительно-уподобительный компонент ‘как, подобно кому/чему-либо’ не является центральным. Эти наречия обладают фиксированной сферой действия в семантической структуре высказывания, которая предполагает его «жесткую связь с определенным семантическим компонентом (переменной, параметром) в структуре предиката» [6. С. 88]. Таким семантическим параметром для наречий типа *по-другому* выступает способ осуществления действия или реализации состояния.

По общности корневых морфем к отместоименным наречиям примыкают производные второй ступени, мотивированные прилагательными, такие как *по-нашенски, по-нашенскому, по-свойски*. Они передают характер межличностных отношений, сохраняя значение простоты поведения человека и разговорно-просторечную окраску, присущие производящим словам.

Особую группу циркумфиксальных наречий составляют производные от качественных имен прилагательных со значением ‘в соответствии с тем признаком, который назван производящей основой’: *по-доброму, по-особенному, по-плохому, по-хорошему*. В основном эти наречия образуются с помощью циркумфикса *по-...-ому/-ему*, но возможно оформление по модели *по-...-и (по-дурацки)*. Кроме того, среди данных единиц преобладают такие, которые имеют бесприставочные соответствия на *-о*, более употребительные, чем циркумфиксальные наречия, или равнофункциональные им (*по-праздничному – празднично, по-просто – просто, по-хитрому – хитро*). Употребление лишь некоторых из такого рода производных предпочитается наречиям на *-о (по-доброму, по-настоящему, по-новому, по-старому, по-черному)*.

Все анализируемые слова относятся к разряду определительных наречий, гетерогенному с точки зрения категориально-семантических свойств составляющих его единиц. Наречия типа *по-...-s* используются прежде всего для характеристики человека (его действий, поведения,

внешнего вида, внутреннего мира, образа мыслей и жизни), реже – объектов природы и конкретных предметов. Соответственно, они образуют наречные микрополя:

(1) ‘особенности / манера поведения человека’: *обнялись по-родственному, по-медвежьи неуклюже, по-маниловски слащав, по-хулигански вести себя, веселиться по-ребячьи;*

(2) ‘особенности внешнего вида человека’: *одет по-европейски, причесан по-модному, шуруется по-шакальи, по-богатырски статен;*

(3) ‘образ действия’: *переполз по-пластунски, плавает по-лягушачьи, закричал по-петушиному;*

(4) ‘способность говорить на определенном языке’: *по-английски, по-итальянски, по-русски;*

(5) ‘особенности ценностного видения мира человека’: *по-философски относиться к жизни, по-диссидентски вызывающе, по-рабски пресмыкаться;*

(6) ‘особенности внутреннего мира человека’: *по-детски наивен, позаячьи труслив, любить по-отечески;*

(7) ‘аксиологическая оценка признака, действия, состояния’: *по-умному построил дом, по-хорошему поступил;*

(8) ‘субъективная оценка признака, действия, состояния’: *по-провинциальному суетлив, по-дилетантски рассуждает, угостить по-царски;*

(9) ‘мера, степень проявления признака’: *платит по-божески, по-истовому верить, по-настоящему добрый, работать по-стахановски;*

(10) ‘характер признаков и свойств природных объектов и явлений’: *по-зимнему свежий воздух, по-июльски жарко греет солнце, по-ночному напряженная тишина;*

(11) ‘видовой признак предмета’: *кофе по-восточному, макароны по-флотски, мясо по-французски, баня по-черному.*

Частнокатегориальная семантика наречий контекстуально обусловлена, поэтому одно и то же слово может включаться в разные микрополя, ср.: *по-хорошему* – ‘степень проявления признака’ (*по-хорошему протереть стекло*) и ‘аксиологическая оценка’ (*договорились по-хорошему*). В редких случаях возникает омонимия в результате семантического размежевания производных. Например, наречие *по-черному* может служить индексом несоотносимых понятий: *баня по-черному* (актуализируется признак цвета) и *пить по-черному* (актуализируется признак интенсивности).

Циркумфиксальные наречия образуют обширный и открытый класс в рамках адвербиальной лексики русского языка, они объединяются

на основе общности формальной структуры, словообразовательного значения, синтаксической семантики, обуславливающей сходство их валентностных свойств. В то же время рассматриваемый тип наречий характеризует вариативность формальных и семантических моделей словообразования, имеющих разную степень продуктивности в современном русском языке.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Алогичность метафорических полей. Между мифом и метафорой // Русский язык сегодня: сб. ст. Вып. 2. / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова; отв. ред. Л.П. Крысин. М. : Азбуковник, 2003. С. 20–38.
2. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М. : Учпедгиз, 1959.
3. Ермакова, О. П. Изменения в системе словообразования наречий // Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века / под ред. В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1964. С. 186–224.
4. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева. М. : Рус. яз., 2005.
5. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.
6. Филиппенко, М. В. Семантика наречий и адverbиальных выражений. М. : Азбуковник, 2003.
7. Sitarski, A. Структура и функционирование наречий в русском языке новейшего времени. Poznan : WydawniŃstwo naukowe UAM, 2001.

List of literature

1. Arutyunova, N. D. Alogichnost' metaforicheskikh poley. Mezhdumifom i metaforoy // Russkiy yazyk segodnya: sb. st. Vyp. 2. / RAN. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova; otv. red. L.P. Krysin. M. : Azbukovnik, 2003. S. 20–38.
2. Buslaev, F. I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. M. : Uchpedgiz, 1959.
3. Ermakova, O. P. Izmeneniya v sisteme slovoobrazovaniya narechiy // Glagol, narechie, predlogi i soyuzy v russkom literaturnom yazyke XIX veka / pod red. V.V. Vinogradova i N.Yu. Shvedovoy. M. : Nauka, 1964. S. 186–224.
4. Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka / sost. V.V. Burtseva. M. : Rus. yaz., 2005.
5. Tihonov, A. N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka: V 2 t. M., 1985.
6. Filippenko, M. V. Semantika narechiy i adverbial'nykh vyrazheniy. M. : Azbukovnik, 2003.
7. Sitarski, A. Strukturа i funktsionirovaniye narechiy v russkom yazyke noveyshogo vremeni. Poznan : WydawniŃstwo naukowe UAM, 2001.

**К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО
КОМПОНЕНТА В ЗНАЧЕНИИ ПОЛУАФФИКСОВ**

Е. В. Сачкова

Данная статья посвящена вопросу исследования прагматического компонента в значении полуаффиксов, обосновывается правомерность его выделения в значении полуаффиксов, описываются типы прагматических сем и проводится анализ прагматики полусуффикса –head.

Ключевые слова: прагматика, прагматический компонент, прагматическая сема, полуаффикс, полусуффикс, оценка/оценочность, эмотивность, стратификация возрастная/половая

Основной единицей прагматического исследования является высказывание. Однако в лингвистике уже давно доказана возможность изучения прагматики функционирования единиц других уровней языка. Как справедливо указывает Г.Г. Почепцов, прагмалингвистика оперирует с единицами разных уровней языка: от фонем до предложения [6. С. 142–150]. При этом общей задачей прагматического исследования является изучение эффекта употребления языковых единиц различных уровней.

Прагматика понимается как одно из свойств знака, как часть его содержательной субстанции, обращенная к пользователю. В этом смысле можно говорить и о прагматике полуаффикса.

При этом необходимо уточнить, что в прагматике выделяются два типа: внешняя прагматика и внутренняя. Внешняя прагматика соотносится с широким контекстом употребления знака и теми дополнительными смыслами, которые возникают спонтанно в момент употребления языковых единиц в конкретных ситуациях общения. При этом внешняя прагматика может переходить во внутреннюю прагматику или прагмасемантику, при этом параметры контекстов употребления языковой единицы кодируются на уровне системы в ее значении. Таким образом, вполне логично выделять в значении языковой единицы семантический и прагматический компонент. В настоящее время большинство англо-английских словарей приводит в словарных статьях прагматические характеристики слова: оценка, социальный статус, профессия и этническая принадлежность, возраст, пол, тональность ситуации общения (официальная/неофициальная), эмоционально-оценочная сема, стили-

стические пометы, компонент модальности, и кроме того у новых слов выделяется компонент моды. Подробное описание исследования прагматики слова дают в своих работах Э.С. Азнаурова, Ю.Д. Апресян, В.И. Заботкина [1; 2; 4].

Прагматический компонент в значении аффиксов исследует в своей работе С.Ш. Нуруллова [5]. Среди типов смысловой информации, таких как прагматические факторы, – мотива, коннотации, образности, интенсификации и т.д. и типов прагматической информации, таких как эмотивная оценочность, стилистические тональности, анализируются те, которые создаются в результате словообразовательного процесса. В значении аффиксов выделяются следующие семы: интенсивность со значением избыточность или недостаточность, эмотивность, несущая в себе эмоциональную оценку, оценочность и стилевая отнесенность языковой единицы.

Принимая положение, что полуаффикс является словообразовательным элементом, который сохраняется в употреблении как самостоятельное слово, но встречается чрезвычайно часто в словосложении, подвергаясь при этом частичной десемантизации и выполняет фактически роль аффикса, вполне логично предположить, что в его значении будут в той или иной мере будут проявляться прагматические семы характерные для слов либо для аффиксов.

Для проведения более подробного анализа возьмем полуаффикс **-head** как наиболее приближенный к истинным аффиксам словообразовательный компонент.

Элемент **-head** обладает достаточно интересным спектром прагматической информации в своем значении. Первое, что необходимо отметить при анализе слов, содержащих компонент **-head** – это изменения, которые произошли в последнее время в семантической структуре самостоятельного слова “head”, развившего три новых ЛСВ: 1) **a person who has broken away from conventional society**; 2) **a drug-addict (наркоман)**; 3) **a devotee or enthusiast (фанат, поклонник)**. Таким образом, сема негативной оценки, присущая самостоятельному слову, сохранилась и в полуаффиксе.

Следующий важный момент заключается в том, что в качестве полуаффикса **-head** обладает агентивным значением и близок к подлинному аффиксу **-ie/y**: **cookie/ cokey – cokehead, clunky –clunkhead, nettie – neth-ead**. Суффикс **-y/ie**, как зарегистрировано в словаре Барнхарта, имеет уничижительное, ироническое значение, которое распространяется и на полусуффикс **-head**, с которым они разделяют область функционирования [10].

В словообразовательном ряду компонента **-head**, который насчитывает более 100 единиц, только зафиксированных в словарях, легко выделяются группы, по своей семантике соответствующие этим трем ЛСВ. Однако наиболее многочисленной является группа со значением «дурак, олух»: *wether-head*, *thickhead*, *stupehead*, *smeg-head*, *rubblehead*. Первым и наиболее заметным прагматическим компонентом семантики этих слов выступает отрицательная оценка. Причем можно утверждать, что данный прагматический компонент значения заложен в полуаффиксе *-head*, так как в большинстве случаев самостоятельное слово в препозиции, с которым сочетается этот элемент, является нейтральным: *air – airhead*, *aquarium – aquariumhead*, *block – blockhead*, *bone – bonehead*, *broom – broomhead*, ***bubble – bubblehead***, ***chicken – chickenhead***, *pudding – puddinghead*, *pumpkin – pumpkinhead*, *putty – puttyhead*, *rubble – rubblehead*. Однако прагматическая сема отрицательной оценки не является единственной в значении полуаффикса. В словах с компонентом **-head** кроме отрицательной оценки заложен такой прагматический компонент как неофициальная тональность ситуации общения, более точно, использование данных слов характерно для ситуаций бранного характера и чаще всего симметричные ролевые отношения или асимметричные, где ролевое положение говорящего выше. Что касается присутствия сем возраста, пола, или социального статуса, то, как показал опрос информантов в основном употребление этих слов характерно для молодежной среды. Здесь хотелось бы отметить, что ***airhead***, ***chickenhead*** – глупая, легкомысленная, но красивая девушка, используются только для характеристики девушек и имеют ярко выраженную сему пола. Большинство из вышеперечисленных слов в словарях снабжено эмоционально-стилистическими пометами «уничижительный, унижительный, принижающий, грубый, вульгарный, сленг», т.е. несут в себе сему эмотивности. При этом, принимая во внимание, что такая прагматическая сема как отрицательная оценка, и семы социального статуса, возраста и пола локализируются в значении полуаффикса *-head*, логично предположить, что сема стилистической отнесенности к разговорному стилю (чаще всего “low colloquial”) также находится здесь и также обусловлена характером элемента *-head*.

Следующий словообразовательный ряд объединен значением “drug addict”, при этом первый элемент, как правило, обозначает тип наркотика: *acidhead*, *dopehead*, *methhead*, *crackhead*, *pillhead*. Видно из примеров элемент *-head* сохраняет прагматическую сему отрицательной оценки.

Слова также имеют пометы «уничижительный, грубый, вульгарный, сленг», и соответственно, полусуффикс сохраняет сему эмотивности. Несмотря на то, что данные слова ограничены в употреблении субкультурой наркоманов, они становятся общеизвестными в связи с широким освещением борьбы с наркоманией средствами массовой информации, и в связи с этим утрачивают такие семы как неофициальная тональность ситуации общения, ассиметричные ролевые отношения, стилевая отнесенность к разговорному стилю. Однако если рассматривать эти слова в рамках социолекта наркоманов и наркоторговцев, то все прагматические семы сохраняются, также как и указание на низкий социальный статус говорящего.

Далее нам предстоит рассмотреть еще две группы слов с компонентом *-head*, меньшие по своему количественному составу, однако важные для определения спектра прагматической информации, заложенной в его значении.

Так третья группа включает слова, объединенные значением *-head* – “a devotee or enthusiast”: *nethead* от *net*: Internet – человек, поглощенный компьютерами; *propellerhead* – человек, увлеченный техникой и особенно компьютерами; *mudhead* от *mud* акроним *Multi-User Dungeon* или *Multi-User Dimension* – человек, одержимый виртуальными компьютерными играми в Интернете; *radiohead* от *radio* – человек, увлекающийся радиотехникой; *technohead* от *technic* – обобщающее название для человека, одержимого любой техникой; *webhead* – человек, много и профессионально пользующийся Интернетом; *wirehead* от *wire* – провод – хакер или специалист по локальным компьютерным сетям; *zipperhead* от *to zip* – сжимать, архивировать информацию (о программисте с узким кругозором).

Семантика этих слов включает характерную для полусуффикса *-head* прагматическую сему отрицательной оценки, а также, обусловленные ею прагматические семы: социального статуса (средний класс), образования (наличие среднего или высшего образования), возраста (молодежь и люди среднего возраста), неофициальности ситуации общения, равные ролевые отношения, ироническая коннотация. Интересно значение оценки – с позиции «вне группы» оно чаще отрицательное, соответственно, несет эмотивную сему неодобрения, с позиции «в группе» оно положительно и несет эмотивную сему шутливости. В этих словах также присутствуют такие эмотивные семы как «иронический, презрительный уничижительный, шутливый». В данных словах появляется новая прагматическая сема профессии (чаще среда компьютерщиков).

К следующей группе принадлежат слова, обозначающие представителей других (не белых) рас: **raghead**, **towelhead** – человек, носящий тюрбан, араб или мусульманин; **arabhead** – араб; **coconuthead** – негр или цветной, следующий нормам поведения культуры белых, значение основано на метафоре: коричневая скорлупа и белая мякоть кокосового ореха; **velcrohead** – негр, значение основано на сходстве материала с торговой маркой «Velcro» и волосами негра. Эти слова кроме прагматических сем отрицательной оценки, неофициальной тональности ситуации общения, асимметричных ролевых отношений (ролевое положение говорящего выше ролевого положение адресата), эмотивных сем – очень грубый, унижительный, презрительный, несут компонент этнической принадлежности, что ограничивает их употребление белыми людьми по отношению к цветным. Но необходимо отметить, что слово **coconuthead** употребляется только в субкультуре негров и цветных по отношению к тем, кто эту культуру предал, т.е. ограничено по линии стратификационной вариативности рамками сообщества негров или цветных и несет сему презрения к тем, кто принял культуру белых – «из наших, но не с нами». Однако данная сема этнической принадлежности обусловлена значением первого компонента и актуализируется благодаря наличию прагматической семы оценки у полусуффикса **-head**.

Для подтверждения наших выводов был проведен опрос информантов –носителей языка разного возраста, пола и социального статуса. Опрос подтвердил приведенные выше выводы, а также позволил выделить еще одну прагматическую сему – возрастная стратификация. Большинство слов с компонентом **-head** либо **незнакомо**, либо **не употребляется** людьми старшего и среднего возраста, что можно объяснить, тем, что ЛСВ слова “**head**”, **послужившие базой для образования полусуффикса**, являются новыми в языке и большинство слов с этим элементом сформировались в языке недавно, несут в себе элемент языковой моды и быстрее и легче входят в употребление в молодежной среде.

Подводя итог проведенному выше анализу прагматики полусуффикса **-head**, в его значении мы можем выделить следующие прагматические компоненты: 1) оценки, чаще всего отрицательной, и связанные с нею семы; 2) неофициальной тональности ситуации, 3) симметричных ролевых отношений или асимметричных в пользу более высокого ролевого положения говорящего, 4) возраста (в основном молодежь), 5) наличие эмотивных сем (в основном уничижительный, презрительный, ироничный), 6) отнесенность к сленгу или разговорному стилю.

Список литературы

1. Азнаурова, Э. С. Прагматика художественного слова. Ташкент : Фан, 1988. 368 с.
2. Апресян, Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М. : АН СССР, 1988. С. 7–44.
3. Гак, В. Г. К типологии лингвистической номинации // Языковая номинация: общие вопросы. М. : Наука, 1977. С.33–44.
4. Заботкина, В. И. Семантики и прагматика нового слова. М., 1991. 350 с.
5. Нуруллова, С. Ш. Прагматические аспекты функционирования словообразовательных аффиксов английского языка. М., 1991. 156 с.
6. Почепцов, Г. Г. О месте прагматического элемента в лингвистическом описании// Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Калинин, 1985. С. 26–38.
7. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М. : Изд-во лит-ры на ин. языках, 1953. 376с.
8. Сусов, И. П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986. С. 7–13.
9. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 143 с.
10. Barnhart, C. L. A Dictionary of New English(1963-1973). Lnd. : Longman, 1973. 510 p.

List of literature

1. Aznaurova, E. S. Pragmatika hudozhestvennogo slova. Tashkent : Fan, 1988. 368 s.
2. Apresyan, Yu. D. Pragmaticheskaya informatsiya dlya tolkovogo slovarya // Pragmatika i problemy intensional'nosti. M. : AN SSSR, 1988. S. 7–44.
3. Gak, V. G. K tipologii lingvisticheskoy nominatsii // Yazykovaya nominatsiya: obshchie voprosy. M. : Nauka, 1977. S.33–44.
4. Zabotkina, V. I. Semantiki i pragmatika novogo slova. M., 1991. 350 s.
5. Nurullova, S. Sh. Pragmaticheskie aspekty funktsionirovaniya slovoobrazovatel'nyh affiksov angliyskogo yazyka. M., 1991. 156 s.
6. Pocheptsov, G. G. O meste pragmaticheskogo elementa v lingvisticheskom opisani// Pragmaticheskie i semanticheskie aspekty sintaksisa. Kalinin, 1985. S. 26–38.
7. Stepanova, M. D. Slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka. M. : Izd-vo lit-ry na in. yazykah, 1953. 376s.
8. Susov, I. P. Pragmaticheskaya struktura vyskazyvaniya // Yazykovoe obschenie i ego edinitsy. Kalinin, 1986. S. 7–13.
9. Teliya, V. N. Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinits. M. : Nauka, 1986. 143 s.
10. Barnhart, C. L. A Dictionary of New English(1963-1973). Lnd. : Longman, 1973. 510 p.

ПОНЯТИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ И ЕЁ ОСНОВНАЯ СПЕЦИФИКА

О. С. Фоменко

Эта статья посвящена глобальной рекламе: ее определению, основным ценностям и реализации этих ценностей в текстах мировых брэндов. В ходе исследования мы изучили мировую рекламу с социальной, экономической и лингвистической точек зрения, что помогло нам сформулировать точное определение «глобальной рекламы». Основательное исследование основных характеристик, типичных для глобальной рекламы, приводит нас к определению трех основных ценностей такой рекламы, которые отражены как на паралингвистическом, так и на лингвистическом уровнях.

Ключевые слова: *глобальная реклама, глобализация, прагмалингвистика, социолингвистика.*

Одним из результатов процесса глобализации является распространение глобальной (транснациональной, транскультурной) рекламы. Для определения глобальной рекламы мы сопоставили близкие понятия «глобальный», «транснациональный», «транскультурный», а также противоположные понятия «локальный», «субнациональный».

В ходе исследования нами была рассмотрена концепция глобализации американских авторов А. Гидденса [2] и Р. Робертсона [10], немецкого автора У. Бека [1], а также ряда российских авторов (В.Н. Иванова, Т.В. Каиновой, М.А. Тульновой) [3; 4; 8].

Подведя итог анализу данных понятий, мы сделали вывод о том, что соотношение глобального (транснационального, транскультурного) и локального (регионального) в рекламном творчестве, их взаимопроникновение и взаимодействие – спорная тема современных философов, культурологов, социологов и лингвистов. Изученные точки зрения позволили нам рассматривать транснациональное (транскультурное) пространство и глобальное пространство как синонимичные понятия, по ряду параметров противопоставленные локальному пространству. Соответственно транснациональная (транскультурная) реклама и глобальная реклама – это также синонимичные понятия.

В данной статье под глобальной рекламой мы будем понимать такой вид рекламной деятельности, при котором происходит стандартизация рекламных идей применительно к различным лингвокультурам, ассимиляция в них с целью оказания определенного воздействия на глобального потребителя. Такой потребитель обладает универсальными общечеловеческими знаниями, иначе говоря, «транснациональной культурной грамотностью» [10. Р. 75].

Проанализированный материал позволил нам выделить три различных тенденций, присущих глобальной рекламе: во-первых, она ориентируется на систему общечеловеческих ценностей, во-вторых, нацелена на отражение социокультурных характеристик страны-производителя и ценностей данного социума и, в-третьих, подвергается лингвокультурной адаптации в зависимости от целевого рынка.

Проиллюстрируем данное положение несколькими характерными примерами. Так, компания «Danone», являющаяся первой в мире в области свежих молочных продуктов и сладкого печенья, а также второй в мире по производству минеральной воды в бутылках, пропагандирует такую общечеловеческую ценность, как здоровье.

Основной принцип «Danone» как глобальной корпорации в мире состоит в уважении индивидуальности и различий мировых культур, основа всей работы компании – в принятии основных фундаментальных ценностей. Группа «Danone» – глобальная корпорация, соблюдающая собственные принципы и этику работы, и, тем не менее, очень внимательно относящаяся к специфике национальной культуры каждой страны, в которой она начинает работать [6]. Основная миссия «Danone» заключается в том, чтобы заставить потребителей задумываться о своём здоровье ежедневно: вести активный образ жизни, тщательно следить за своим питанием, употребляя в пищу свежие фрукты, злаковые, кисломолочные продукты и очищенную минеральную воду. Слоганы продукции «Danone» как раз подтверждают основной принцип компании. Например, слоган пребиотического питьевого йогурта *Actimel* от «Danone» гласит: *A little every day goes a long, long way* (*Ежедневное употребление Actimel от «Danone» в небольшом количестве позволит вам совершить очень долгий путь, т.е. позволит повысить выносливость вашего организма*) (перевод наш – О.Ф.); или слоган другого питьевого йогурта *Activia* – *Actively good* (*Activia – деятельно хороший йогурт*) (перевод наш – О.Ф.).

Кроме того, идея компании «Danone» – забота о человеческом здоровье в глобальном масштабе усиливается за счет использования

паралингвистических средств – изображения пяти человек разных этносов на фоне голубого неба, в центре которого находится маленькая модель земного шара. На наш взгляд, цвет и расположение неба символизирует здоровую «чистоту» и «лёгкость» продукции компании «Danone», количество людей – количество континентов, на которых представлены товары от «Danone», а «разноликость» этих людей и земной шар – ориентир на глобальные культуры и индивидуальный подход к каждой из них одновременно.

Однако не все тексты глобальной рекламы ориентированы на общечеловеческие ценности, глобальная реклама может отражать ценности отдельной страны-производителя (преимущественно это США).

Как отмечает О.А. Леонтович, одной из ведущих характеристик американцев является индивидуализм. «Само слово «индивидуализм» (individualism), представляющее собой ядро соответствующего концепта, в американской культуре имеет положительную коннотацию. Оно обозначает веру в первостепенную значимость индивидуума, установку на самодостаточность и личную свободу, ответственность за самого себя и право на личный выбор» [5. С. 198].

Важным является замечание автора о том, что американское «я» составляет основу общества США и объединяется с «я» других индивидуумов, но при этом никогда не растворяется в этом единении [5. С. 198].

Яркой иллюстрацией этой концепции может служить рекламная кампания продукции «Coca-Cola», в основе которой лежит пропаганда американской культуры и американского образа жизни, несмотря на то, что сама компания-производитель уже давно стала многонациональной. Данная мысль подтверждается слоганом компании в 1986 году: «Coca-Cola» – *America's Real Choice* («Coca-Cola» – истинный выбор Америки) (перевод наш – О.Ф.). Т.В. Каинова утверждает, что огромная роль в рекламной кампании продукции «Coca-Cola» отводится эмоциям реципиента, именно ощущение эмоционального подъема, так называемое «**feel good**», ассоциируется с рекламируемым продуктом, например, в слогане 2001 года: «Coca-Cola» – *Life tastes good* («Coca-Cola» – жизнь хороша на вкус) (перевод наш – О.Ф.) [4. С. 18]. В рекламе «Coca-Cola» делается акцент на американский образ жизни, который представляет идеальную модель мира, где всё становится возможным, если у тебя есть мечта, что подтверждается следующими слоганами: *Coca-Cola <...> makes good things taste better* (C Coca-Cola хорошие вещи становятся лучше на вкус) (перевод наш – О.Ф.).

Следующей важной особенностью глобальной рекламы является её адаптация, как лингвистическая/паралингвистическая, так и социокультурная, в зависимости от целевого рынка.

Например, американские фирмы, продвигая свои бренды, начинают понимать, что система ценностей, присущая американской культуре, не может быть полностью перенесена на другие страны. «*Pringles*» – один из продуктов компании «*Procter & Gamble*» (часть акций которой принадлежит крупнейшей банковской группе в мире «*HSBC*») использует в разных странах различные вкусовые добавки, при этом рекламные решения привязаны к местным культурным традициям.

Кроме того, происходит адаптация за счёт реноминации или, другими словами, ребрендинга. В экономической терминологии ребрендинг (от англ. «rebranding») означает – изменение названия, логотипа, визуального оформления бренда с изменением позиционирования, а также изменение целостной идеологии бренда, позволяющее компании выйти на новый уровень развития, таким образом, привлечь внимание новых клиентов и увеличить лояльность существующих [7].

Известным является тот факт, что даже самые сильные глобальные бренды вынуждены адаптировать стратегию, столкнувшись с местной культурой.

Компания «*Unilever*», (часть акций которой принадлежит крупнейшей банковской группе в мире «*HSBC*»), является зонтичным брендом, т.е., владельцем множества мировых потребительских брендов в сфере продуктов питания и напитков, моющих средств и товаров личной гигиены. Она демонстрирует собой яркий пример того, что названия брендов компании подвергаются транскультурной адаптации за счёт изменения названия, в зависимости от страны, для которой они производятся. Закономерно, что такие товары нуждаются в повышенном внимании рекламистов.

Например, название молодёжного дезодоранта «*Axe*», распространённого в США и Европе, было заменено на «*Lynx*» в странах с традиционным пониманием английского языка (Австралия, Новая Зеландия, Ирландия и Великобритания). По нашему мнению, данная реноминация произошла из-за возможности ложной интерпретации названия англоязычным потребителем, потому что «*Axe*», в дословном переводе означает «*топор*».

Ещё одним показательным примером реноминации является зубная паста «*Crest*», принадлежащая компании «*P&G*», которая

также является зонтичным брендом. Для вхождения на российский рынок американская компания не могла оставить название «Crest», поскольку данная номинация вызывает нежелательные ассоциации с русским словом «крест», поэтому предложила такой аналог как «Blend-A-Med». А кондиционер для белья «Downy» (в пер. с англ. «пушистый, мягкий»), чтобы избежать нежелательных ассоциаций со словом «даун», был переименован в «Lenor».

Таким образом, вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что для глобальной рекламы характерны три основных направления. Во-первых, она пропагандирует общечеловеческие ценности, такие как: любовь, дружба, здоровье, мир и т.д.; а во-вторых, она подвергается культурной и языковой адаптации в зависимости от страны, на которую нацелен тот или иной продукт; в-третьих, глобальная реклама отражает социокультурные характеристики страны-производителя и ценности, специфичные только для данной лингвокультуры.

Дальнейшее применение полученных результатов представляется перспективным при исследовании функционирования глобальных брендов в публицистике и повседневной речевой практике, что, на наш взгляд, имеет междисциплинарное значение и представляет интерес для таких направлений языкознания, как прагмалингвистика, социолингвистика и лингвокультурология.

Список литературы

1. Бек, У. Общество риска: на пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004. 116 с.
3. Иванов, Д. В. Эволюция концепции глобализация. URL: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/ivanov_3.shtml.
4. Каинова, Т. В. Дискурсивно-семиотический подход к адаптации транснациональной рекламы: автореф. канд. дис. ... филол. наук. Тверь, 2002. 23 с.

List of literature

1. Bek, U. Obschestvo riska: na puti k drugomu modernu. M. : Progress-Traditsiya, 2000. 384 s.
2. Giddens, E. Uskol'zayuschiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'. M. : Ves' mir, 2004. 116 s.
3. Ivanov, D. V. Evolyutsiya kontseptsii globalizatsiya. URL: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/ivanov_3.shtml.
4. Kainova, T. V. Diskursivno-semioticheskiy podhod k adaptatsii transnatsional'noy reklamy: avtoref. kand. dis. ... filol. nauk. Tver', 2002. 23 s.

5. Леонтович, О. А. Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. Волгоград : Перемена, 2003. 399 с.
6. Сайт компании «Danone». URL: <http://www.danone.ru>.
7. Словарь маркетинговых терминов. URL: <http://www.glossostav.ru/word/1294>.
8. Тульнова, М. А. Влияние глобализации на восприятие пространства и времени // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире. 2: сб. ст. / отв. ред. Г. Г. Слышкин. Волгоград : Изд-во ФГОУ ВПО «ВАГС», 2008. Т. 1. С. 24–27.
9. Hirsch, E.D., Jr. Cultural literacy. N. Y. : First Vintage Books Edition, 1988. 253 p.
10. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992. P. 8.
5. Leontovich, O. A. Rossiya i SShA: vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu: ucheb. posobie. Volgograd : Peremena, 2003. 399 s.
6. Sayt kompanii «Danone». URL: <http://www.danone.ru>.
7. Slovar' marketingovyh terminov. URL: <http://www.glossostav.ru/word/1294>.
8. Tul'nova, M. A. Vliyanie globalizatsii na vospriyatie prostranstva i vremeni // Menyayuschayasya kommunikatsiya v menyayuschem-sya mire. 2: sb. st. / otv. red. G. G. Slyshkin. Volgograd : Izd-vo FGOU VPO «VAGS», 2008. T. 1. S. 24–27.
9. Hirsch, E.D., Jr. Cultural literacy. N. Y. : First Vintage Books Edition, 1988. 253 p.
10. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992. P. 8.

**СООТНОШЕНИЕ КОНЦЕПТОВ 'СВЕТЛЫЙ' – 'СВЯТОЙ'
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Н. В. Шестеркина

В статье отмечается, что концептуальное содержание номинации СВЯТОЙ в русском народном православии существенно изменилось и расширилось за счет появления у этикетного признака «святой» оценочных признаков. Прослеживается также связь концепта 'святой' с концептом 'светлый'.

Ключевые слова: свет, святость, этимологическая образность, этикетное определение, расширение сочетаемости, оценочный признак

Л. В. Савельева отмечает, что, рассматривая концепт «святой», мы понимаем его как ключевую категорию национальной речемысли, воплощенную в исходной этимологической образности слова (предыстория концепта) и в речевых формулах культуры – устно-поэтической и книжно-письменной [6. С. 133–139]. Однако если в наше время кроме чисто терминологического значения слова «святой», «подвижник», «мученик», «чудотворец», «чудо», «мощи», «видение» и т. п. приобрели оценочный оттенок, то в древнерусской письменности они являлись, прежде всего, этикетными определениями, носящими терминологический характер. Проблема этикетности термина действительно важна, поскольку под одним и тем же словом в разное время могли понимать различную сумму признаков. В. В. Колесов отмечает, что «на первый взгляд трудно составить себе образ святости в том виде, как воспринимали ее в Древней Руси» [3. С. 596].

Некоторые лингвисты, например, В. Н. Топоров [9], Е. А. Мухина [4] и др. пишут о близости прилагательных *светлый* (от *свет*) и *святой*. В. В. Колесов отмечает, что термин *светлые князья* и *великие бояре* в договорах русских с греками в X веке вряд ли выражает славянское представление о величии вождя, скорее, это перевод формулы византийского протокола (Рыбаков 1982: 173, 275, 359). Но выбор слова *светлый* вряд ли случаен. Материальность света проявляется хотя и в торжественном, но все же в земном воплощении света. Князь – не божество. Почитание света было обычным для славян. «В

народном понимании существуют отдельно солнце и белый свет, как освещенное небо» [5. С. 246, 368]; воскресенье как «день света» [5. С. 36], возможно, более позднее по происхождению праздничное явление [2. С. 220].

По мнению В. Н. Топорова, в славянских, балтийских и иранских языках слово «святой» (праслав. **svęnt*) происходит от и.-е. “*k'uent-*” – ‘возрастать’, ‘увеличиваться’, ‘цвести’ – в прямом и переносном смысле, ‘плодоносить’ [9. С. 441-443]. М. Фасмер усматривает родство концепта с лит. *švėntas*, др.-прусск. *swenta*, др.-инд. вед. *ṣvāntas* ‘процветающий’, с лтш. *svinēt* ‘праздновать’ [10. С. 3, 585]. Т. о., этимологический образ слова *святой* – возрастание, цветение, плодоношение.

В. В. Колесов анализирует тексты, принадлежащие Кириллу Туровско-му, писателю второй половины XII в. Его **интересует** распределение прилагательного *святой* по тем именам, которые они характеризуют, это:

И с т о ч н и к святости, преисполненный святости, всесовершенство – Бог, Святой Дух, Троица, связанные с воплощением божества в символических формах (святое лицо Его, святая кровь Его, святое тело, имя святое Твое); п р о в о д н и к святости, непорочно чистые по определению субъекты поклонения: Богородица, ангелы, апостолы, предтечи, пророки и «всех святых чинов»; в о п л о щ е н и е святости, предметы и ритуалы (т. е. не *святые*, а – *освященные*) – церковь, жертвенник, трапеза, праздник и пр.; с в и д е т е л ь с т в а святости (т. е., строго говоря, не *святые*, а *священные*) – молитва, Евангелие, книги и пр.; ведущий к святости п у т ь (строго говоря – *освящающий*) всегда уточняется отношением к воплощению или свидетельству святости, т. е. опять-таки является косвенным, а не прямым указанием на личную святость. Это подчеркивается и употреблением прилагательного в форме мн. числа: *святые мужи* (или *люди*), *епископы*, *лицы* или *отъци* [3. С. 597].

По В. В. Колесову, подобные формулы представляют собой кальку с греческих сочетаний, т. к. в независимом предложении субстантивированное прилагательное *святой* также используется лишь в форме множественного числа и встречается только в тексте «молитв», приписываемых Кириллу: «Бог о святых своих», «паче всех святых твоих», «со святыми» и пр. Что имеется в виду именно д в и ж е н и е к святости как к идеалу, показывают почти все контексты. Автор исследования замечает, что в текстах, посвященных Борису и Глебу,

они именуются «златозарными», но не «светоносными». Признаком высшей святости, приближающей к Богу, является «светоносность», а не «вторичное по существу “отсвечивание” от сверхприродного Света». Кирилл понимает святость как источник животворной светлой (духовной) силы. Никакой связи с праведниками, достигшими «святости» посредством личного подвига, еще нет в этих обозначениях. Во всех случаях важен подлинный источник духовной силы (= света), а также материализованные посредники между источником и «миром» – божественный, а не священный [3. С. 598–599].

Представление о святом в современном смысле возникает только после XII века, «семантически сгущаясь из неопределенной (собирательной) множественности» как очень редкое для древнерусского языка субстантивированное имя прилагательное. В. В. Колесов также задается вопросом, «не связано ли переосмысление святости как хранилища божественного света (вечной) жизни с изменениями в отношении к <...> первоначальному христианству славян» [3. С. 599–600], и делает вывод, что исторические изменения представлений святости, перенесение этого признака с природы на человека через образ Христа, на идеальный Дух вместо материально-физического его воплощения свойственны средневековью. В. В. Колесов согласен с тем, что представление о святости семантически мотивировано как «свет» [8. С. 246]. «Стать наравне с Богом» не мог человек XII в., так как развитие духовности – сложный процесс включения в культуру ключевых понятий «совесть», «жизнь», «правда» и пр., еще не завершивших цикл своего семантического развития [3. С. 600–601]. «Непреклонность Духа, уверенность в силе Божьей, убежденность в жизни вечной – таково основное содержание понятия, постепенно выяснявшегося за словом *святой*. Многие переносные и опосредованно возникавшие значения слов *свет* и *свят* развивались постепенно из этого, символического по существу, смысла славянского слова, под напором христианской культуры изменявшего функции слова от этикетности до термина» [3. С. 601].

Первоначально *белый свет* – только Русь, место, где происходит действие сказки. *Тридцатое царство, иное царство, подземный мир* – это все не *белый свет*, а *нижний свет*. В. И. Даль приводит старое образование: «*свѣторусье* – русский мир, земля; белый, вольный свет на Руси; говорят и *святорусье*» (т. 4; 159). Слово *свѣторусье* по составу морфем – народное образование, а похожее по произношению *святорусье* явно вторично; это выдает и суффикс:

церковнославянская форма была бы *святорусие*. Азовские казаки XVII в. знают только «светорусских богатырей», и даже святых, покровителей казачества, именуют они «свѣт» («на вас мы, свѣтов, надѣмся»); в поздних редакциях текста «светлые» становятся «святыми» («святорусские богатыри»), а «пресвѣтлой здешний свѣт» оборачивается отныне навсегда «святой Русью» [2. С. 223–224].

Позднее для обозначения пространства появляется слово *мир*. В. В. Колесов [2. С. 226] отмечает, что корень в нем тот же, что и в слове *милый*, т. е. «любимый, чем-то особенно дорогой; он выражает приязнь и доброжелательство». Следовательно, и мир – то, что мило, а милы прежде всего спокойствие, тишина, покой и согласие между людьми и племенами. Свет проясняет для чувств человека контуры внешнего мира, делает этот мир явным, телесным, понятным. Но также и мир как отношение, спокойное или успокоенное, проявляет себя только в миру, на людях. <...> «И “свет” и “мир” – всегда совокупность и множество лиц, проходящих перед глазами человека. <...> Однако <...> свет – движение, мир – покой. Свет резко, без тени, очерчивает фигуру, которая находится вне: кого-то, кто выше, весь в сиянии света; это – пугающе «чужое», к чему надлежит отнестись с недоверием. Мир же всегда предстает в полутонах, он понятен и близок, это “свое”» [2. С. 227].

Христианская литература, особенно переводная, способствовала становлению значения «мир» у слова *свет*. Выражение «въ мирѣ семь» – общее место многих поучений и слов. «Сей мирѣ» противопоставлен «оному свѣту», так что исходная противоположность близкого и своего (сего) мира беспредельно далекому и таинственному (оному) свету поддерживалось и идеологическими противоположностями. По-видимому, сочетание *весь мир* должно было снять исконную противоположность, существующую между представлением о свете и о мире, объединить их в общем понятии, слить свое и чужое в общности надчас-тных интересов мира. Однако сознанию средневекового человека этот синтез еще не был свойствен [2. С. 231–232].

Сохранению противоположности способствовала двойственность средневекового мира. Все, что связано с признаком «свет», мало-помалу сосредоточилось в церковном варианте иерархии и покрылось ореолом святости. «Свѣт» ведь «свят». Напротив, «человѣк простой – истецъ мирянинѣ». Но вместе с тем мирское и светское одинаково противопоставлены духовному как воплощение з е м н о г о в жизни [2. С. 232].

Е. А. Мухина отмечает, что в христианской книжно-письменной культуре наблюдается расширение и умножение синтагматики слова «святой», ставшего ярко оценочным. БАС дает значения слова: «1. По религиозным представлениям – исполненный святости; божественный. 2. Связанный с религиозными представлениями. 3. Относящийся к пасхе, имеющий место в пасху, происходящий на пасху. 4. В христианской религии – проведший жизнь в служении богу, признанный церковью после смерти покровителем верующих. 5. *Перен.* Высоконравственный, безупречный в своей жизни, поведении и т. п. 6. Глубоко чтимый, дорогой, заветный. 7. Нерушимый, незабываемый. 8. Чрезмерно важный, высокий почетный» [7. С. 467–471].

Являясь текстовой единицей, лексема *святой* вступает в синтагматические отношения с большим количеством существительных: *святые небеса, святая церковь, святое Евангелие, святой крест, святые мощи* и т. д. Святыми являются сакральные сущности духовного стиха: *Святая Богородица, Святой Дух, Святой Глас*. Печатью святости отмечено все связанное с Иисусом Христом: *святое лицо, святое тело, святая кровь, святые ребра, святые уста, святое колени* и т. д. Большинство событий духовного стиха происходит на *Святой Руси*, представленной как некая данность, которая была, есть и будет. Упоминание *Святой Руси* связано скорее не с географией, а со священной топографией. Святость – главная черта защитников и подвижников Руси, что отражено в номинации героев. Так, Егорий Храбрый называется *светохрабрым, святым светом Егорием Храбрым, светом, святым Егорием-светом Храбрым*, Алексей называется *святым, светом, Алексеем-светом* [4. С. 115].

Отмечается, что народная этимология сближает слова *святой* и *свет* [1], поэтому в устно-поэтической речи допускается их синонимическая замена. Это характерно не только при употреблении имен собственных, но и нарицательных: рай называется то святым, то светлым.

Итак, мы можем говорить как о связи концептов ‘*свет*’ и ‘*святой*’, так и об изменении концептуального содержания слова *святой* в народном православии: святой отличается не только высокой нравственностью, но и заключает в себе внутренний свет, выделяющий его из окружения мирян, делающий его избранным.

Список литературы

1. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 2001.

List of literature

1. D'yachenko, G. Polnyj tserkovno-slavyanski slovar'. M., 2001.

2. Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л. : ЛГУ, 1986.
3. Колесов, В. В. Древнерусский святой // Колесов В. В. Слово и дело: из истории русских слов. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. С. 596–601.
4. Мухина, Е. А. 2009 Концепт «святой» в русской народно-речевой культуре // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты. Ростов н/Д : НМЦ «Логос», 2009. С. 114–115.
5. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.
6. Савельева, Л. В. Лирическое слово А. Пушкина как концепт русского этно-исторического мировидения // Русский язык от Пушкина до наших дней. Псков, 1999. С. 133–139.
7. Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. Т. 13. М. ; Л., 1963.
8. Топоров, В. Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре – *svět- // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
9. Топоров, В. Н. Святость и святыне в русской культуре: в 3 т. Т. 1. М. : Гнозис : Языки русской культуры, 1995. С. 441–443.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М., 1971.
2. Kolesov, V. V. Mir cheloveka v slove Drevney Rusi. L. : LGU, 1986.
3. Kolesov, V. V. Drevnerusskiy svyatoj // Kolesov V. V. Slovo i delo: iz istorii russkih slov. SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. S. 596–601.
4. Muhina, E. A. 2009 Kontsept «svyatoj» v russkoy narodno-rechevoy kul'ture // Slovo i tekst: kommunikativnyj, lingvokul'turnyj i istoricheskiy aspekty. Rostov n/D : NMTs «Logos», 2009. S. 114–115.
5. Rybakov, B. A. Yazychestvo drevnih slavyan. M., 1981.
6. Savel'eva, L. V. Liricheskoe slovo A. Pushkina kak kontsept russkogo etno-istoricheskogo mirovideniya // Russkiy yazyk ot Pushkina do nashih dney. Pskov, 1999. S. 133–139.
7. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 tt. T. 13. M. ; L., 1963.
8. Toporov, V. N. Ob odnom arhaichnom indoeuropeyskom elemente v drevnerusskoy duhovnoy kul'ture – *svět- // Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti. M., 1987.
9. Toporov, V. N. Svyatost' i svyatyne v russkoy kul'ture: v 3 t. T. 1. M. : Gnozis : Yazyki russkoy kul'tury, 1995. S. 441–443.
10. Fasmer, M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 3. M., 1971.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ДИСКУРС: СУЩНОСТЬ

О. А. Евтушенко

В центре данного лингвистического исследования находится институциональный дискурс. Существует много видов институционального дискурса, среди них - административный. Статья приводит определение административного дискурса и показывает черты, общие для всего институционального дискурса и специфические для административного. В статье также рассматриваются стратегии и жанры, функции и цели, участники и основные понятия административного дискурса.

Ключевые слова: дискурс, информация, коммуникация, цель дискурса, стратегии дискурса, жанры дискурса.

XXI век – век информации и коммуникации, поэтому в межкультурном пространстве дискурс играет очень важную роль в жизни современного общества. Дискурс является не только методом и средством общения, но и образом жизни, открывая перспективы изучения человека в языке.

К концу XX века язык как знаковая система перестает быть в центре исследовательских интересов. Лингвистика вновь тяготеет к соединению с психологией и социологией. «Теория дискурса отказывается от естественнонаучной модели знания, отдает приоритет качественному анализу и помещает лингвистику в междисциплинарную науку – человековедение, – объектом которой является человек. Таким образом, лингвистика вновь теряет суверенность. В новом междисциплинарном синтезе «чистым лингвистам», ориентированным на язык «как таковой», разрешается «традиционная точка зрения», но в целом большие надежды возлагаются «на выход науки о языке из изоляции и рост ее общественной значимости в ближайшем будущем...» [3. С. 12].

Именно, поэтому, изучение административного дискурса и построение его модели представляется нам весьма важным и актуальным не только для современной лингвистики, но также и для психологии и социологии.

Применительно к современному обществу, лингвисты выделяют следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, спортивный, научный, сценический, медицинский, деловой, рекламный и массово-информационный. Этот список не является строгим или закрепленным, его можно изменить или расширить. В центре внимания нашей работы находится административный дискурс. Мы относим административный дискурс к институциональной форме общения, соответственно ему будут присущи все общие признаки институциональности. Как отмечается в современных работах по коммуникативной лингвистике, институциональный дискурс – это общение в рамках статусно-ролевых отношений, т.е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом.

Моделируя институциональный дискурс, можно выделить четыре группы признаков:

1. Конститутивные признаки дискурса.
2. Признаки институциональности.
3. Признаки типа институционального дискурса.
4. Нейтральные признаки.

Во многих работах по социолингвистике и прагмалингвистике (Hymes, 1974; Fishman, 1976; Brown, Fraser, 1979; Белл, 1980; Богданов, 1990; Карасик, 1992; Макаров, 1998) освещаются конститутивные признаки дискурса. К данным признакам относятся участники, условия, организация, способы и материал общения, сфера общения и коммуникативная среда, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, стиль и жанр общения, и, наконец, тексты и/или невербальные знаки) Признаки институциональности фиксируют ролевые характеристики агентов и клиентов институтов, типичные хронотопы, символические действия, трафаретные жанры и речевые клише. Институциональное общение обладает определенной трафаретностью общения, что принципиально отличает институциональный дискурс от персонального. Специфика институционального дискурса раскрывается в его типе, т.е. в типе общественного института, который в коллективном языковом сознании обозначен особым именем, обобщен в ключевом концепте этого института (политический дискурс - власть, педагогический - обучение, религиозный - вера, юридический - закон, медицинский – здоровье, административный – управление), связывается с определенными функциями людей,

сооружениями, построенными для выполнения данных функций, общественными ритуалами и поведенческими стереотипами, мифологемами, а также текстами, производимыми в этом социальном образовании. Нейтральные признаки институционального дискурса включают общедискурсивные характеристики, типичные для любого общения, личностно-ориентированные признаки, а также признаки других типов дискурса, проявляющиеся «на чужой территории», т.е. транспонированные признаки (например, элементы проповеди как части религиозного дискурса в политическом, рекламы – в медицинском, научной дискуссии – в педагогическом, в административном – элементы делового общения) [2].

Для описания конкретного типа институционального дискурса, в нашем случае административного, целесообразно рассмотреть его следующие компоненты:

1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, ценности (в том числе и ключевой концепт), 4) стратегии, 5) материал (тематика), 6) разновидности и жанры, 7) прецедентные (культурогенные) тексты, 8) дискурсивные формулы.

Участниками административного дискурса являются руководитель и подчиненный как представители определенного института. Характерной особенностью данного дискурса является статусное неравенство участников общения. Данное общение, как правило, происходит в кабинете начальника.

Целью административного дискурса является управление и организация человеческих ресурсов для достижения определенной цели института, к которому они принадлежат.

Традиционно административное общение соотносят с государственным общением или общением среди органов местного самоуправления, с чем мы не совсем согласны. Согласно трудовому законодательству, в любом субъекте управления или управляемом объекте работник должен подчиняться своим руководителям, соблюдая все правила трудового распорядка: выполнение распоряжение, указаний, приказов, в противном случае, работник может быть наказан [1. С. 156].

Таким образом, можно считать, что общение руководителя и подчиненного относительно организации трудового процесса, а также выполнения всех необходимых поручений для эффективного функционирования того или иного предприятия, организации, учреждения, института, является административным.

Как утверждают ученые, дискурс составляется из концептов и в любом виде дискурса существует его ключевой концепт (например, ключевой концепт политического дискурса – «власть»; юридического – «закон»; медицинского – «здоровье» и т.д.). Следовательно, концепт зависит от цели, стратегий, социального пространства дискурса. И поэтому анализ определенного дискурса должен открываться анализом его ключевых концептов. Ценности административного дискурса сосредоточены в его основных концептах, к которым мы относим управление, власть, контроль, и сводятся к тому, чтобы направить все усилия работников на достижение общей цели учреждения. Согласно разработанной Файолем административной модели организации, существует четыре основных принципа, на которых она базируется: 1) функциональное разделение труда 2) скалярная цепь команд 3) единство распорядительства 4) диапазон контроля [5. С. 27]. Исходя из этого, можно выделить основные функции административного дискурса:

А) распорядительная – выдача распорядительной информации: приказы, указания, распоряжения, рекомендации, советы, наставления и т.д.

Б) контрольная – получение обратной информации (обратная связь): отчеты (письменные и устные), доклады, рапорты и т.д.

В) оценочная – оценка выполнения задания подчиненными: похвала, вознаграждение, порицание, выговор и т.д.

Жанры административного дискурса выделяются на основании уже существующих форм общения в рамках данного учреждения или организации, их существует множество: летучки, пятиминутки, оперативки, краткосрочные обсуждения актуальных и контрольных вопросов, совещания и собрания, заседания, советы, брифинги, «круглые столы», беседа руководителя и его подчиненного и т.д.

Говоря о тональности дискурса, имеются в виду такие параметры, как серьезность/несерьезность, обиходность/ритуальность, стремление к конфликту/бесконфликтность, увеличению/сокращению дистанции общения, открытость/завуалированность интенции высказывания, информативность/фатичность общения, при этом все данные параметры тесно перекликаются друг с другом [4]. Применительно к рассматриваемому дискурсу, можно говорить о достаточно высокой серьезности административного общения и ритуальности, так как оно предполагает строгое соблюдение правил речевого общения, стереотипное употребление речевых клише и шаблонных выражений

и коммуникативный приоритет лица с более высоким социальным статусом. Административный дискурс направлен на информативное общение: получение, осмысление, передача управленческой информации. Говоря об открытости/завуалированности интенции высказывания, заметим, что административный дискурс тяготеет к открытым интенциям, так как это определяет успешность данного дискурса, чем яснее и точнее будет изложена информация и поставлена цель, тем вероятнее ее достижение. Хотя мы не можем утверждать, что завуалированность отсутствует, манипуляции, к которым прибегает руководитель, вносят определенную степень завуалированности.

Стратегии административного дискурса определяются его частными целями: 1) познание управляемых объектов 2) получение и систематизация управленческой информации 3) осмысление и хранение данной информации 4) выдача управленческой информации с целью управляющего воздействия 5) выработка и принятие управленческих решений 6) практическое исполнение управленческих решений 7) контроль и оценка исполнения данных решений 8) взыскание или поощрение [1. С. 147].

Таким образом, мы можем, резюмируя, сказать, что административный дискурс это разновидность институционального дискурса, с присущими для него институциональными характеристиками. Как и всякий институциональный дискурс, он обладает собственным подязыком (лексикой), для участников административного дискурса (руководитель/подчиненный) типичны статусно-ориентированные отношения, но в то же время данному типу дискурса присущи специфические черты: управление и управленческое общение находятся в центре административного дискурса, а соответственно, все те черты, которые свойственны управленческому общению будут определяющими для административного дискурса.

Список литературы

1. Атаманчук, Г. В. Управление: сущность, ценность, эффективность: учебное пособие для вузов. М. : Академический Проект, 2006. 544 с.
2. Карасик, В. И. Язык социального статуса. М. : Ин-т языкознания РАН, 1992. 330 с.

List of literature

1. Atamanchuk, G. V. Upravlenie: suschnost', tsennost', effektivnost': uchebnoe posobie dlya vuzov. M. : Akademicheskij Proekt, 2006. 544 s.
2. Karasik, V. I. Yazyk sotsial'nogo statusa. M. : In-t yazykoznaniya RAN, 1992. 330 s.

3. Ревзина, О. Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 11–20.
4. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. 220 с.
5. Фомичев, А. Н. Административный менеджмент: учебное пособие. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2003. 228 с.
3. Revzina, O. G. Lingvistika XXI veka: na putyah k tselostnosti teorii yazyka // Kritika i semiotika. 2004. № 7. S. 11–20.
4. Sternin, I. A. Vvedenie v rechevye vozdeystvie. Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 2001. 220 s.
5. Fomichev, A. N. Administrativnyj menedzhment: uchebnoe posobie. M. : Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K», 2003. 228 s.

ЯЗЫК СМИ

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ В СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Д. А. МЕДВЕДЕВА ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ И АМЕРИКАНСКИМИ СМИ)

Т. П. Глазачева, А. А. Шабанова

В данной статье рассматривается периферия концепта «власть» в лингвокультурологическом аспекте на материале русских и зарубежных СМИ. Круг исследования сужен до изучения изображения одного объекта, а именно Президента России Д.А. Медведева. Проводится анализ коммуникативного поведения СМИ в России и Соединенных штатах Америки для обнаружения современных тенденций в репрезентации вышеупомянутого концепта, что служит вкладом в разработку общей теории концептов, а в частности в изучение ее диахронического аспекта.

Ключевые слова: Концепт, власть, СМИ, Президент, лингвокультурология.

Решение современных научных задач нам видится оптимальным только при междисциплинарных исследованиях, поэтому для наиболее полной картины, раскрывающей концепт «власть», мы выбрали изучение культурологического аспекта данного концепта на материале средств массовой информации. Поскольку лингвокультурология призвана объединить две наиболее интересных для нас научных ветви этнолингвистики (лингвистику и культурологию), а наиболее важным вопросом для данной дисциплины является изучение вербальных средств и способов хранения культурной информации (стереотипов, концептов, мифологем и т.д.), то изучение концепта «власть» с данной позиции видится нам обоснованным и актуальным.

Известно, что данный концепт входит в число наиболее социально важных и социально зависимых. Таким образом, логично было бы предположить, что содержание, а соответственно и экспликация концепта, в различных культурах будет различна. Так как средства массовой информации являются одним из самых сильнодействующих из

существующих сегодня путей формирования общественного мнения, то, видимо, именно в них, на наш взгляд, следует искать наиболее важные средства изображения власти. Разумеется, говоря о «четвертой власти», нельзя не отметить ее политической зависимости, однако, по нашему мнению, должны существовать схожие принципы и черты изображения власти не только у адептов различных политических партий и режимов, но и у представителей разных культур.

Вышеназванные техники изображения власти (репрезентации концепта «власть») предполагается рассмотреть на материале печатных отечественных и американских СМИ. Причем чтобы наиболее полно представить результаты, мы намеренно сузим круг исследования до изучения изображения одного объекта, а именно президента РФ Д. А. Медведева.

Как отмечалось выше, власть является неотъемлемой частью не только современного и цивилизованного, но и любого когда-либо существовавшего человеческого общества, причем зачастую образ любой страны присутствует в нашем сознании в стереотипизированном виде правительства или даже одного человека, который представляет данную страну на международной политической арене.

Исторически сложилось, что для России характерна оценка собственного руководства как единоличной власти: длительный период царского самодержавия, относительно короткий, но яркий период тоталитарного режима и, наконец, современная якобы демократия (по мнению политологов, Россия считается суперпрезидентской республикой). Хотя официально и имела место смена главы государства, все же ни у кого не осталось сомнений, что власть осталась в руках бывшего президента. Данная ситуация очевидна как для России, так и для других стран, в частности для Америки – мирового лидера борьбы за демократию, однако большинство ее официальных изданий с осторожностью описывают данную ситуацию: «*The population of Russia now sees him as a legitimate successor to Putin, as a legitimate leader, as someone who is respected, [although] perhaps not yet as mature a politician as Putin himself*» (*Radio Liberty*, 09.05.2009г.). Как видно в данном примере, автор будто сомневается в законности власти Медведева, однако пытается убедить и себя и читателей в обратном путем неоднократного повторения «*legitimate*» и отсылкой на то, что «*the population of Russia*», т.е. сами россияне считают его узаконенным преемником, поэтому и у остального мирового сообщества, видимо, нет оснований думать иначе и вмешиваться во внутреннюю жизнь другой (демократической) страны.

Надо отметить, что заискивание чиновников низшего ранга перед чиновниками высшего ранга наблюдалось в русской культуре испокон веков. Ярким тому подтверждением служат такие произведения русской литературы как «Горе от ума» А.С. Грибоедова или «Толстый и тонкий» А.П. Чехова. В следующем примере прослеживаются признаки раболепия губернатора Кировской области Н. Белых: *«Белых раскраснелся и с безграничной благодарностью смотрел на президента» (Комсомольская Правда, 15.05.2009 г.)*. Глагол *«раскраснелся»* показывает высшую степень смущения и даже преданности главы области, что подтверждается дескриптивным оборотом *«с безграничной благодарностью»*, содержащим гиперболу *«безграничной»*, которая звучит иронично в данном контексте.

Нередко чиновники в своем стремлении услужить выходят за рамки разумного. Этот факт общеизвестен, поэтому многие журналисты насмешливо, а иногда даже и саркастично, описывают те попытки, которые предпринимаются органами местного самоуправления с целью произвести благоприятное впечатление на совершающего кратковременный визит Президента: *«Затем Медведев отправился в сияющий чистой Киров. Местные власти так старались не упасть в грязь лицом, что даже заасфальтировали в некоторых местах железнодорожные переезды. Теперь придется отколупывать обратно» (Комсомольская Правда, 15.05.2009 г.)*. Просвещенный читатель прессы, знакомый с классической литературой, легко может провести аналогию с «Потемкинскими деревнями», которые стали частью культуры российского общества, а само это выражение вошло в употребление в значении «показуха». Интересно отметить, что и менее образованный читатель заметит в данном примере сарказм, вспомнив известную всем русскую пословицу «Заставь дурака Богу молиться, он себе весь лоб расшибет».

Но не только образы чиновников, стоящих у власти, фигурируют в СМИ: *«Простые жители президенту тоже радовались. Вдоль улиц, по которым ехал Медведев, выстроились толпы зевак. Некоторые даже вынесли младенцев поглядеть на президента» (Комсомольская Правда, 15.05.2009 г.)*. Данная цитата напоминает строки А.С. Грибоедова из его комедии «Горе от ума»: «Кричали женщины ура и в воздух чепчики бросали». Эта литературная ремарка служит отправной точкой к размышлениям о статусе Президента. Издревле на Руси женщины выносили младенцев лишь в двух случаях: во-первых, во время торжественного шествия Царя-батюшки, во-вторых, во время Крестного хода, чтобы

священник окропил дитя святой водой. В данном примере современному читателю дается широкий простор для фантазии, с кем же журналист сравнивает нашего Президента, с Богом или с Царем.

Зарубежные источники отмечают благосклонное отношение СМИ к Медведеву: «*Mr Medvedev was the clear favourite from the start and enjoyed generous television coverage*» (BBC 3.10.2008г.). и «*From the West's standpoint, Medvedev is by far a more attractive leader to deal with*» (BBC, 4.10.2008г.). Причем это отношение, по всей видимости, досталось ему от предыдущего президента, о чем свидетельствует «*from the start*» в первом примере, так что Медведеву остается лишь благодарить СМИ за «*generous television coverage*», поскольку он «*clear favorite*» и «*a more attractive leader*» после В.В. Путина, по сравнению с другими российскими политиками, известными мировой общественности.

Необходимо также сказать о том, что американские СМИ публикуют различные мнения россиян о власти, в том числе негативные: «*With Medvedev coming we will live not in a democratic country*» (Irina Bereznikova, BBC, 03.05.2008 г.). Данный пример вновь подтверждает высказанную выше точку зрения о том, что не все россияне считают выборы в частности и государственный режим в целом в стране демократическими. Однако так как личность Д.А. Медведева в иностранных СМИ представлена с различных точек зрения, это может свидетельствовать о более объективной оценке.

Что касается представления личности президента американскими деятелями в русской прессе, преобладает тенденция негативного отношения к современному правительству: «*У меня нет сомнений в том, что хотя встречи будут происходить с человеком, называемым президентом, решения будут приниматься Путиным*», – заявила Клинтон, когда ведущий дебатов попросил обоих кандидатов назвать преемника Путина на посту президента» (Росбалт, 27.04.2008 г.). В данном примере четко видно, что Х. Клинтон даже не знает имени действующего президента России. «*Человек, называемый президентом*» – это явное пренебрежение всеми дипломатическими нормами. Данный факт, а также ее прямое и несколько грубое утверждение, что «*решения будут приниматься Путиным*», лишний раз доказывают нам малую значимость Медведева как политика в международных отношениях США и России и пренебрежение американских политиков к российскому президенту.

Подводя итог вышесказанному, а также опираясь на примеры, не вошедшие в данную статью, мы пришли к следующим выводам. Во-

первых, в российских и американских СМИ определенное внимание уделяется визуальному образу представителя власти, это могут быть черты лица, описание одежды и аксессуаров, осанка походка манера держаться и другие особенности внешнего проявления принадлежности к определенной культуре. Однако по причине сходства типов наших культур в ведении внешней политики, данные примеры не релевантны и не представляют особого интереса для общей типологии. Наряду с этим не последнее место занимает оценка интеллекта объекта, его лидерских качеств (или их отсутствия) и черт характера. Стоит отметить, что зачастую эта оценка субъективируется и предстает перед читателем пропущенной сквозь призму взглядов того или иного журналиста: *«Но если даже осторожный, интеллигентный Дмитрий Анатольевич признает, что «доверие граждан к судебной системе недостаточно высоко», знать, допекли» (Жизнь, 09.12.2008 г.)*.

Во-вторых, характеристика Д.А. Медведева как политического деятеля дается на основании репрезентации его речевых актов. Здесь возможны два варианта. Первый – это саморепрезентация от первого лица посредством цитирования прямой речи (например: *«Чудовищно медленно исполняются принятые решения... Это повод подумать об исполнительской дисциплине и использовать самые строгие методы» (Комсомольская Правда, 15.05.2009 г.)*. Использование гипербол в данном примере с одной стороны (*«чудовищно медленно»* и *«самые строгие»*) и эвфемизмов с другой (*«повод подумать»*) вносит неформальные нотки в официальный стиль, привнося вместе с этим элемент угрозы), второй – это описание речи при помощи глаголов говорения. Во втором случае американская пресса традиционно более официальна в отношении используемой лексики, направленной в адрес президента и в подавляющем большинстве случаев использует глаголы *«say»*, *«declare»*, *«propose»*, *«state»* и лишь в редких случаях возможны более экспрессивные варианты (например, *«In his inaugural address, Medvedev hit those notes again, looking into the future with optimism» (Radio Liberty 07.05.2009 г.)*. В русских СМИ лексика гораздо больше варьируется от использования стандартных глаголов *«заявил»*, *«отметил»* до глаголов с ярко выраженной эмоциональной окраской *«сострил»*, *«покаялся»*: *«Не будучи обманутым, – сострил президент» (Комсомольская Правда, 09.04.2009 г.)*.

В-третьих, особое место в характеристике российского президента занимает описание реакции простых жителей страны на его слова или действия. В частности, в русских СМИ ввиду особенностей

культуры России со времен сталинских репрессий практически полностью отсутствует ярко выраженное мнение россиян о президенте. Создается впечатление, что в стране с якобы развитой демократией и свободой слова люди опасаются открыто выразить свое мнение о власти, отзываясь о ней либо хорошо, либо никак. В иностранных же СМИ присутствуют в том числе и негативные цитаты высказываний россиян о власти, что свидетельствует о более развитой демократии и более объективной оценке.

В целом же думается, что коммуникативное поведение СМИ в обеих странах связывает власть в стране с определенными качествами отдельного человека, при этом в российских СМИ президент наделяется способностью к принуждению и принятию единоличного решения исходя из вековой традиции подчинения самодержавной власти, а в американских – стремлением к поведенческому взаимодействию не только с иностранными, но и с отечественными политическими деятелями. При этом интересен тот факт, что российские СМИ зачастую используют обтекаемые фразы для выражения негативного мнения и в то же время позволяют себе явный сарказм при описании власти, в то время как американские СМИ стараются публиковать лишь факты либо мнения, высказанные от первого лица. Данный факт может свидетельствовать о сложившихся американских традициях в официальном освещении событий, связанный по большей части с демократическим строем, и о продолжающемся процессе формирования традиций российской прессы.

В целом, данное исследование помогло нам выявить качественный состав периферии концепта «власть» и способствовало обнаружению современных тенденций в репрезентации данного концепта, что послужило значительным вкладом в разработку общей теории концептов, в частности в изучение ее диахронического аспекта.

Список литературы

1. Фундаментальные проблемы культурологии. В 4-х тт. Т. 2: Историческая культурология. СПб. : Алетейя, 2008. 360 с.
2. Сергеева, А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М. : Флинта ; Наука, 2008. 230 с.

List of literature

1. Fundamental'nye problemy kul'turologii. V 4-h tt. T. 2: Istoričeskaya kul'turologiya. SPb. : Aleteyya, 2008. 360 s.
2. Sergeeva, A. V. Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'. M. : Flinta ; Nauka, 2008. 230s.

**НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ
КОГНИТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ**

М. С. Некрасова

Статья посвящена проблеме нарушения норм русского литературного языка авторами текстов современных российских СМИ. По мнению автора, именно когнитивный анализ фактов употребления некодифицированных единиц представляет собой перспективное направление исследования природы проблемы.

Ключевые слова: тексты СМИ, нарушение литературной нормы, когнитивный аспект исследования.

Тексты современных российских газет изобилуют стилистическими ошибками, о чем с тревогой говорят в своих работах разные исследователи. «В современном русском литературном языке получают распространение факты, идущие из некодифицированных языковых сфер – главным образом, из просторечия и жаргонов <...> жаргонные слова беспредел и тусовка мелькают в речи тех, кого общество привыкло считать образцовыми носителями языка...» [4. С. 54]. Между тем, трудно не согласиться с актуальным и в наши дни замечанием В. В. Одинцова: «Массовая коммуникация приобрела в последнее время особое значение <...> Если в XIX веке критерием и показателем нормативности был язык художественной литературы, то сейчас для определения нормы, для выяснения (доказательства) степени употребительности и стилистической характерности лексических и синтаксических единиц исследователи обращаются к текстам газеты, радио, лекционным материалам и т. п.» [6. С. 41].

Сложность подхода к решению очевидной не только для отечественной филологической науки, но и для всего российского общества проблемы усугубляется отсутствием четких определений сразу целого ряда фундаментальных понятий. Кого сегодня следует называть образцовым носителем языка? Где провести границы, разделяющие один от другого функциональные стили русской речи? Эти и другие вопросы встают на пути исследователя газетного текста как одного из проявлений русской речи – одного из наиболее ярких и противоречивых, пластичных и динамичных, столь же скованных

рамками жанрового стандарта, сколь и чутко реагирующих на любые признаки развития языка.

Газетные тексты – богатейший исследовательский материал, дающий возможность наблюдать, систематизировать и анализировать факты языкового употребления с целью изучения различных аспектов развития русской речи, несмотря на остро стоящую сегодня проблему низкой речевой культуры журналистов: «...даже в хаосе можно найти положительные стороны, поскольку в нем ярко реализуются творческие возможности языка, не сдерживаемые строгими нормами» [3. С. 7]. Составной и достаточно объемной частью «хаоса», о котором упоминает в своей книге Максим Кронгауз, по всей видимости, следует назвать неоправданное присутствие в текстах СМИ стилистически окрашенной – сниженной лексики. В частности, многочисленные факты немотивированного присутствия в газетных публикациях разговорных слов.

Но и здесь исследователя неминуемо встретит проблема отсутствия четкости определений. Какие слова следует однозначно относить, например, к группе разговорной лексики? Современные исследователи предлагают разные точки зрения на определение таких пластов языка, как просторечие или разговорная речь (например, Е.В. Соломина в своей статье приводит такие определения просторечия, данные разными лингвистами: «ненормированная, социальная речь горожан, находящаяся за пределами литературного языка», «устная некодифицированная речь для повседневного общения городского населения, не владеющего нормами литературного языка»; и указывает на проблемы размытости понятия, находящей отражение даже в словарях, где одно слово может иметь различные пометы – «разг.» или «прост.») [9. С. 375].

Однако разговорный язык – самый подвижный, живой пласт языка, за счет которого наиболее интенсивно происходит его развитие. Вспомним слова Л. В. Щербы об изменениях в русском языке, которые «куются и накаплиются в кузнице разговорной речи» [11. С. 116]. А что, если не развитие вернее всего ведет к сохранению и жизнеспособности языка как части национальной культуры? «Многие словесные новшества, прежде чем получить всеобщее распространение, возникают и апробируются именно в языке СМИ» [8. С. 4]. Фигурируя в газетных текстах, разговорная лексика становится уникальным исследовательским материалом не только для лингвистов, но и для психологов, культурологов, социологов, других специалистов.

С нашей точки зрения, рациональным и эффективным в непростой сложившейся ситуации представляется путь изучения фактов употребления в текстах СМИ некодифицированных языковых единиц, отнесенных по своей стилистической окраске к любой разновидности сниженной лексики. «Словообразовательный «взрыв», характерный для языка современной прозы, – это тоже в некоторой мере соотношения ошибки и нормы» [1. С. 40]. Когнитивные методы исследования в таком направлении предпринимаются пока чрезвычайно редко. Хотя в последнее время данное направление лингвистики, в том числе и в области изучения языка СМИ, все чаще признается специалистами одним из наиболее перспективных, «...когнитивной составляющей принадлежит ведущее место как в организации дискурсивной деятельности СМИ, так и в ее анализе» [5. С. 128]. Вероятно, можно говорить не только об изучении специфики дискурса СМИ. Поиск ответа на вопрос: почему в текстах газетных статей то и дело встречаются именно эти, а не иные некодифицированные лексические единицы, по нашему мнению, может привести к неожиданным и интересным результатам. Поэтому попытка рассмотреть определенные группы ненормативных лексических единиц в аспекте когнитивного исследования представляется вполне оправданной и актуальной.

В качестве иллюстрации одного из способов такого изучения приведем краткое описание небольшого эксперимента, проведенного нами с участием китайских студентов старших курсов и аспирантов факультета русского языка, на материале фрагментов текстов современных русских СМИ.

Следующий читательский отзыв был взят нами на форуме сайта «Литературной газеты» (выпуск № 23 за 2003 год):

«Родители не хотят грузить ни своих детей, ни самих себя. Мне кажется, что и проблема низкой рождаемости и социального сиротства – звенья той же цепи: взрослые не хотят париться, ведь, как известно, если у вас нет ребёнка, в школу не вызовут вас. Нежелание грузиться, париться, напрягаться есть, в конечном счёте, нежелание страдать: любить, рожать, воспитывать».

Иностранным учащимся было предложено перевести на родной язык данный текст. Диапазон предложенных студентами вариантов интерпретации текста оказался широким: от версии «родители не хотят отдавать в школу детей» (вероятно, такому пониманию способствовала ассоциация с семантикой глагола «грузить (выгрузить)»), до «родители не хотят вести здоровый образ жизни» (вероятно, поня-

тие о здоровом образе жизни студенты связали с традицией париться в бане). Никто из студентов с заданием не справился, а трудности в правильном понимании содержания текста были вызваны невозможностью соотнести указанные в словарях лексические значения употребленных здесь глаголов грузить(ся), парить(ся), напрягать(ся) с контекстом. И это неудивительно, ведь толковые словари русского языка не содержат описания лексических значений этих глаголов, понятных, по всей видимости, носителям современного русского языка, к которым, бесспорно, можно отнести читателей сайта «Литературной газеты».

Толковый словарь Ожегова-Шведовой не содержит словарной статьи «напрягать», а грузить и парить объясняет следующим образом:

«ПАРИТЬСЯ, -рюсь, -ришься; несов. 1. (1 и 2 л. не употр.). Приготовляться, прогреваться в закрытом сосуде на пару. Парятся овощи. 2. Находиться в очень теплом, жарком помещении или быть слишком тепло одетым (разг.). П. в шубе. 3. перен., над чем. То же, что потеть (в 3 знач.) (прост.). П. над задачей. 4. Находиться в бане, обдавая тело паром. П. В парном отделении (в парилке). П. на полке. П. березовым веником. || сов. попариться, -рюсь, -ришься (ко 2,3 и 4 знач.)».

«ГРУЗИТЬСЯ, грузюсь, грузишься и грузишься; несов. Отправляясь в путь, помещать в транспортное средство свой груз, багаж (обычно о многих). Г. на теплоход. || сов. погрузиться, -ужусь, -узишься и -узишься. Н сущ. погрузка, -и, ж.» [7].

В соответствии с этим факт употребления в тексте глаголов напрягать, парить, грузить можно классифицировать как нарушение лексической нормы.

Вероятно, данный фрагмент текста иллюстрирует и пример нарушения стилистической нормы литературного языка. Так, «немотивированным употреблением нелитературной лексики: просторечных слов, диалектизмов» называют М. Н. Кожина и ее коллеги типичную ошибку в сочинении школьника: «Кабаниха всячески страшила Катерину» [2. С. 165].

Тем не менее следует заметить, что перечисленные слова активно употребляются в текстах современных российских газет. Несколько примеров:

«Сегодня, загипнотизированные вольными сынами эфира, мы порой сами не замечаем, как наше сознание подспудно загружается пропагандой – то прокоммунистической, то проправительственной,

то чисто демагогической. И по-прежнему трудно сохранять свой собственный, критический подход к жизни» («Литературная газета» № 38 (5804) от 20 сентября 2000 года).

«Закон жизни прост: хочешь большего – напрягайся, не хочешь напрягаться – довольствуйся тем, что есть. Оба варианта приемлемы, просто надо сделать свой выбор» («Литературная газета» №22 (5879) от 29 мая 2002 года).

«К тому же у нас свободные отношения, любовь – собственническое чувство, и не надо париться...» («Литературная газета» №13 (5918) от 2 апреля 2003 года).

«А Дмитрий Медведев, перейдя на понятный для молодежи язык, посоветовал комиссарам по поводу предстоящих президентских выборов вообще “не париться, не заморачиваться и не дергаться» («Российская газета» от 23 июля 2007).

«Иностранцы грузят Россию» («Российская бизнес-газета» № 665 от 5 августа 2008).

Как видно из приведенных фрагментов газетных текстов, глаголы напрягать (кого-то), грузить (кого-то), а также возвратные их формы грузиться, париться, напрягаться входят в активный словарь журналистов уже не первый год.

Употребление же названных слов в их некодифицированных значениях в текстах гороскопов, очевидно, указывает на известность этих значений массовому читателю. Несколько примеров употребления глагола напрягать(ся) в текстах гороскопов «Российской газеты»: «А вот после обеда, вероятно, придется напрягаться и преодолевать возникающие препятствия» (от 9 апреля 2007); «Рыбы, не напрягайте начальство своими просьбами!» (от 19 июня 2007); «Стоит ли так напрягаться?» («Российская газета» от 28 февраля 2008).

Таким образом, можно говорить о существовании у названных слов новых значений, не описанных в словарях, но достаточно активно употребляемых носителями современного русского языка не только в разговорной речи, но и в текстах СМИ.

Вернемся к описанию эксперимента. Его участникам было предложено составить на русском языке простые предложения с данными словами. После объяснения новых лексических значений слов, репрезентируемых авторами различных текстов русских газет, иностранные студенты составили предложения, пытаясь передать новый смысл глаголов, ранее известных им в других значениях. В целом, учащиеся хорошо справились с полученным заданием.

Во второй части эксперимента участвовала другая группа аспирантов и студентов того же факультета. Составленные учащимися первой группы простые предложения с использованием, кроме интересующих нас, стилистически нейтральных, широко распространенных в русской речи слов, были переданы для перевода с китайского языка на русский учащимся второй группы. Студенты легко справились с заданием, однако понятия, репрезентируемые некодифицированными глаголами напрягать(ся), парить(ся), грузить(ся), а впоследствии переданные найденными иностранцами эквивалентами на китайском языке, были «переведены обратно» с помощью других глаголов русского языка. Так, вместо глагола париться иностранные студенты употребили глаголы утомляться и потеть («Он потел над задачей»); вместо глагола напрягаться – страдать и тревожиться («Не тревожься!»); вместо глагола грузиться – задуматься или переживать («Я задумался над проблемой»).

Такой исход второй части эксперимента, разумеется, был предсказуемым. Однако нас интересовал вопрос, какими глаголами заменят иностранцы некодифицированные русские слова. Из последующего сопоставительного анализа работ участников эксперимента обеих групп стало ясно, что исходные и полученные в ходе перевода репрезентируемые понятия исследуемых глаголов существенно отличаются друг от друга.

Рассмотрим для примера результаты сопоставительного анализа репрезентируемых понятий, переданных в первой части эксперимента глаголом напрягаться, а во второй, – предложенным большинством иностранцев его эквиваленте тревожиться.

Объем репрезентируемого понятия фразы «Стоит ли так напрягаться?» отличается от объема интенционных составляющих фразы «Стоит ли так тревожиться?» Глагол напрягаться в данном контексте имеет более развернутый когнитивный сценарий, чем глагол тревожиться. Общая для обоих слов концептуальная составляющая «негативное состояние от воздействия извне» в первом случае дополнена другой – «осознание необходимости принятия того или иного действия (противодействия)». Общий вектор концептуальной направленности (отрицательный) в первом случае в ходе когнитивного сценария репрезентируемого понятия меняет направление на противоположное (стремление поменять отрицательное состояние на положительное). Подобным образом соотносятся и другие пары сопоставляемых лексических единиц и репрезентируемых с их по-

мощью действий (состояний). Следовательно, можно говорить о несопоставимости некодифицированных лексических единиц (первая группа слов) и их кодифицированных эквивалентов, предложенных иностранцами (вторая группа слов).

Семантическое несоответствие ненормативных глаголов и их кодифицированных эквивалентов проявляется и в невозможности замены одной лексической единицей на другую в большинстве контекстов. Например, приведенную выше цитату «Иностранцы грузят Россию» невозможно воспроизвести, заменив глагол грузить на предложенные иностранными учащимися синонимы задумать(ся) и переживать.

В процессе эксперимента мы опирались именно на когнитивные методы исследования понятий. «В когнитивной семантике в отличие от структурной лингвистики не ставится задача выработать строгую методику выделения и дифференциации фреймов и слотов в составе модели. В конечном итоге выделение общих закономерностей гораздо важнее, чем описание отдельных деталей» [10. С. 178].

Главное различие в когнитивном сценарии сопоставляемых понятий условно можно определить как более сложное для глаголов первой группы и более простое для глаголов второй группы.

Когнитивный сценарий некодифицированных глаголов париться, напрягаться, загружаться содержит общие составляющие: «наличие внешней причины», «состояние вследствие воздействия этой причины» (негативное), «его оценка (или сопоставление с нормой)», «осознание необходимости изменить состояние к лучшему» (позитивная направленность). Таким образом, каждая из названных ненормативных языковых единиц газетного дискурса репрезентирует довольно развернутый когнитивный сценарий, в ходе реализации которого вектор концептуальной направленности меняется с отрицательного на противоположный.

Оценка фактов употребления ненормированной лексики не являлась целью данной статьи. Задачей проведенного эксперимента ставилась попытка выявления того ментального компонента (тех компонентов) или когнитивных механизмов, заложенных в языковом сознании россиян, которые обуславливают необходимость употребления некодифицированных слов носителями современного русского языка.

Итоги проведенного эксперимента позволяют говорить о тенденции изменения специфики дискурса русских СМИ в сторону

экономности средств выражения. Авторы современных газетных текстов, предположительно, употребляют некодифицированные глаголы стилистически сниженной группы, стремясь репрезентировать более объемные по сумме имплицитных составляющих понятия, которые невозможно передать посредством имеющихся в русском языке кодифицированных лексических единиц (в данном случае - глаголов). Вероятно, именно стремление к экономности средств выражения, в большой степени влечет за собой активное употребление некодифицированной лексики носителями современного русского языка. Предположительно, ментальные компоненты национального сознания, передаваемые в разговорной русской речи с помощью ряда глаголов состояния, тяготеют к структурному и содержательно-усложнению.

Разумеется, было бы преждевременным делать сколько-нибудь серьезные выводы, основываясь на итогах лишь одного небольшого исследования. Однако полученные выводы и предположения подтверждают возможность и перспективность выбранного направления, предмета и методологии исследования. Не менее актуально и то, что итоги работы могут быть интересны для дальнейшего изучения проблемы, в том числе, и в аспекте исследования ментальной сферы языкового сознания современных россиян.

Список литературы

1. Ахметова, Г. Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX-XXI вв.). Новосибирск : «Наука», 2008.
2. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка: учебник. 2-е изд. М. : Флинта : Наука, 2008.
3. Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва. 2-е изд. М. : Знак, 2009.
4. Крысин, Л. П. Литературная норма и речевая практика газет // Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. 3-е изд. М. : Флинта : Наука, 2008.

List of literature

1. Ahmetova, G. D. Yazykovye protsessy v sovremennoy russkoy proze (na rubezhe XX-XXI vv.). Novosibirsk : «Nauka», 2008.
2. Kozhina, M. N. Stilistika russkogo yazyka: uchebnik. 2-e izd. M. : Flinta : Nauka, 2008.
3. Krongauz, M. Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva. 2-e izd. M. : Znak, 2009.
4. Krysin, L. P. Literaturnaya norma i rechevaya praktika gazet // Yazyk sovremennoy publitsistiki: sb. statey / sost. G. Ya. Solganik. 3-e izd. M. : Flinta : Nauka, 2008.

5. Кубрякова, Е. С. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации: учеб. пособие по специализации. Ч. 2. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004.
6. Одинцов, В. В. Стилистика текста. 4 изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. М. : «Азъ», 1992.
8. Солганик, Г. Я. Язык современной публицистики (предисловие к сборнику статей). 3 изд. М. : Флинта: Наука, 2008.
9. Соломина, Е. В. Разграничение литературного языка и городского просторечия в обыденном сознании носителей русского литературного языка. Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы международной научн. конф. (Чита, ЗабГГПУ, 30-31 октября 2009 г.) // Забайкальский гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2009.
10. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) : моногр. Екатеринбург, 2001.
11. Щерба, Л. В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М., 1967.
5. Kubryakova, E. S. Verbal'naya deyatel'nost' SMI kak osobyj vid diskursivnoy deyatel'nosti // Yazyk sredstv massovoy informatsii: ucheb. posobie po spetsializatsii. Ch. 2. M. : Izd-vo Mosk.un-ta, 2004.
6. Odintsov, V. V. Stilistika teksta. 4 izd. M. : Izd-vo LKI, 2007.
7. Ozhegov, S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. M. : «Az'», 1992.
8. Solganik, G. Ya. Yazyk sovremennoy publitsistiki (predislovie k sborniku stately). 3 izd. M. : Flinta: Nauka, 2008.
9. Solomina, E. V. Razgranichenie literaturnogo yazyka i gorodskogo prostorechiya v obydennom soznanii nositeley russkogo literaturnogo yazyka. Interpretatsiya teksta: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty: materialy mezhdunarodnoy nauchn. konf. (Chita, ZabGPU, 30-31 oktyabrya 2009 g.) // Zabaykal'skiy gos. gum.-ped.un-t. Chita, 2009.
10. Chudinov, A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000) : monogr. Ekaterinburg, 2001.
11. Scherba, L. V. Sovremennyj russkiy literaturnyj yazyk // Izbrannye raboty po russkomu yazyku. M., 1967.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

НЕОЛОГИЗМЫ И ЗАИМСТВОВАНИЯ В СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКЕ НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЕЖИ

С. Ф. Булычева

В этой статье исследуются пути обогащения словарного запаса немецкой разговорной речи в молодежной среде. Статья содержит много примеров. Особое внимание уделяется проблемам заимствованиям и новообразованиям молодежного сленга. Работа представляет интерес, прежде всего, для преподавателей немецкого языка.

Ключевые слова: неологизмы, заимствования, молодежный сленг, сниженная лексика, жаргонная лексика.

Пополнение любого языка происходит за счет заимствования из других языков. Причиной тому являются многочисленные контакты, усилившиеся в связи с распространением сети Интернета, контакты, связанные с миграцией, с развитием науки и техники, проблемы психологического характера пользователей сниженной лексики и пр.

Заимствования остаются основным источником пополнения регистра сниженной лексики. Лидирующие позиции здесь занимают заимствования из английского языка: *Joint* ‘сигарета (с марихуаной)’, *konnecten* ‘соединять/ся (с помощью электронных средств связи)’, *faxen* ‘совершать глупости’, *Hunk* ‘проблемный субъект’, *harryenden* ‘хорошо заканчивать/ся’, *Antibabypille* ‘противозачаточные средства’, *Nandy* ‘сотовый телефон’ и т.д.

Почти полностью потеряли свою актуальность итальянский и французский язык. Практически все лексемы французского и итальянского происхождения, используемые на сегодняшний день в молодежном сленге, были заимствованы в конце девятнадцатого – в начале двадцатого века: *der Louis* ‘сутенер’, *busirieren* ‘содомировать’, *die Razzia* ‘облава’, *Vambino* ‘детка’ – и относятся уже к «высокому слогу» внесалонной лексики.

Традиционно активным источником пополнения регистра сниженной лексики остается идиш. На заимствованиях из идиш хоте-

лось бы остановиться подробнее в связи с многочисленностью этой лексической группы.

Известно, что язык идиш, на котором говорят еврей-ашкенази, во многом сформировался на основе немецкого и других европейских языков. В немецком языке (как, впрочем, и в английском, и во французском) некоторые термины тапаха вошли в употребление очень рано (тапах означает аскеза, жить тяжелую жизнь, но быть всегда в одном и том же расположении, в равновесии. Термин из йоги). Многие были заимствованы через труды церковных писателей. В большей степени, чем другие западноевропейские языки, не исключая английского, немецкий язык богат словами и выражениями, главным образом, в части арго, которые вошли в речь из языков идиш и *Juden-Deutsch* (западного идиш, разговорного языка немецких евреев).

С заимствованиями из других языков часто через криминальную и околокриминальную среду связана новая тенденция в языке современной немецкой молодежи, а именно появление языка *Kanakisch*. Слово 'Kанake' полинезийского происхождения и означает «человек». В Германии оно стало ругательством, применяемым в адрес иностранцев, особенно турецких эмигрантов, значительно повышающих криминогенную обстановку в ФРГ. Однако на сегодняшний день немецкие турки второго и третьего поколения не без гордости сами именуют себя подобным образом. *Kanakisch* (пестрая смесь турецкого и немецкого языков) превратился в новый молодежный язык Германии: он звучит на школьном дворе, по телевидению, в кафе, в кино и в литературе.

Немецко-турецкие выражения быстро расширяют сферу своего употребления. Нередко немецкие родители могут услышать от разгневанного чада подобную тираду:

“Was guckst – Bin isch Kino, oder was?”

«Чего уставилась? Я тебе что кино или как?!»

Словарь языка *Kanakisch* состоит примерно из 300 слов. Почти треть этих слов относится к выражениям, которые связаны с отпращиванием естественных потребностей и сексуальной сферой. Вторая треть относится к автомобильным маркам, их моделям и вариантам. Оставшаяся треть – к моделям сотовых телефонов и к словарному минимуму, необходимому для того, чтобы тебя поняли немцы [4].

Особой любовью носителей *Kanakisch* пользуется дательный падеж:

“Alder, dem is dem Problem, weisstu?” – «Старик, это проблема, понимаешь?»;

“Siehssu dem Tuss?” – «Телку видишь?»).

На Kanakisch говорят турки, русские и немцы, для которых, ввиду частую негативного отношения их родителей к эмигрантским кругам, использование языка «этих самых» – еще один способ выразить свой протест миру взрослых.

Вторым по значимости источником пополнения регистра разговорной лексики в молодежном сленге является словообразование. По мнению В.Д. Девкина, разговорное словообразование практически не располагает своим собственным арсеналом средств. Однако именно «неразборчивость в средствах» (вольное словообразование является отличительной чертой народного словотворчества, его фирменной маркой [1. С. 16]: Monnis < англ. money ‘деньги’, Workmänn < англ. workman ‘рабочий’, werken/wörken < англ. to work ‘работать’. Здесь налицо фонологизация по принципу: говори и пиши так, как слышишь ты сам.

Наряду с онемечиванием заимствованных лексем наблюдается и обратный процесс, связанный с таким средством словообразования как «словоискажение» или лексическая мутация: alleinsam ‘одинокий’ < allein ‘один’ и einsam ‘одинокий’; Randalo ‘скандалист(о)’ < randalieren ‘скандалничать’; radikalo ‘радикальный’ < radikal ‘радикальный’.

Все приведенные выше примеры наряду с лексической мутацией иллюстрируют и такую словообразовательную возможность как «творческая словоигра» (kreatives Wortspiel). В большей мере сюда относятся спонтанные фонологические уподобления, а иногда и ошибки-оговорки, ввиду своей неожиданной оригинальности, закрепившиеся в языке: labundig ‘живой’ < lebendig ‘живой’; hoppelidhopp ‘быстро, опа-оп’ < hoppel ‘прыгать, скакать’ и hopp ‘гоп’.

Во всех трех случаях мы можем говорить о неологизации, которая позволяет говорящему (изначально – автору) выделиться, показать свою оригинальность (der Aspekt der Credibility, по Г. Эманну [2. С. 11]).

Ряд неологизмов в современном молодежном сленге довольно широк: Halbbomber ‘полоумный’, fluffig ‘приятно мягкий, воздушный’, Heizkeks ‘заводи́ла, зажига́ла на вечеринке’, alken ‘нажраться, напиться’, Toffel ‘дурак’, Proggi ‘прога, программа’, Poli ‘полиция’.

Другой прием молодежного словообразования – вербализация имен существительных: festen ‘праздновать’ < Fest ‘праздник’; müllen ‘болтать чепуху’ < Müll ‘мусор/чепуха, хрень’.

Исследователи компьютерного жаргона подчеркивают, что постоянным пользователям Сети присуще своеобразное чувство

юмора, что отражается в экспрессии бытующих в Hackerese (язык хакеров) номинаций: Bagbiter – ‘программист, допустивший ошибки’, Two-Spot – ‘двоеточие’, Flatworm – ‘подчеркивание’, Hacker – ‘программист-фанатик’, kludgy – ‘сделанный наспех’, hackish – ‘искусный, хакерский’.

Каждый носитель того или иного жаргона неосознанно переносит жаргонную лексику на ту сферу общения, которая не связана с «ареалом бытования» переносимого жаргонизма. Новизна звучания, а, следовательно, и экспрессивная привлекательность закрепляют слово в молодежном сленге, где оно может поменять свое значение ввиду употребления носителями, незнакомыми с начальным значением или же имеющими о нем опосредованное/неверное представление.

Степенью своей экспрессии выделяются солдатский и криминальный жаргоны. Всеобщая воинская повинность и процессы криминализации современного немецкого общества вносят свою лепту в формирование молодежного сленга, пополняя его словарь милитаризмами и арготизмами:

Kanone (воен. жар.) ‘шишка, начальник’, einen Marsch machen (воен. жар.) ‘задать кому-либо взбучку’, j-m den Marsch blasen (воен. жар.) ‘поставить кого-либо на место’, der alte Marschierer (воен. жар.) ‘войка, солдафон’, Knasti (крим. жар.) ‘зек’, knasten (крим. жар.) ‘упечь, посадить’.

Новые слова появляются на основе изменения значений. По изменению значения лингвисты выделяют следующие варианты:

1) полное изменение значения (семантическая вариация): fundamental/fundi ‘супер, класс, клево’, Massage ‘драка, удар’, Tomate ‘башка, репа’, Melone ‘голова, башка’;

2) расширение значения (семантическая эддиция): fett ‘жирный, супер, очень хороший’, cool ‘спокойно, расслабленно, очень хорошо’, schorpen ‘делать покупки, употреблять алкоголь’;

3) сужение значения: Looser ‘ненадежный человек’, Mega-Deal ‘большая, хорошая вещь’;

4) возвращение начального значения (семантический парадокс): Massage ‘сообщение’, ätzend ‘едкий’, Korkenknaller ‘вялая шутка, скучное общение’.

Таким образом, можно сказать, что основными источниками пополнения регистра сниженной лексики в молодежном сленге являются:

- 1) заимствования из других языков (преимущественно из английского);
- 2) заимствования из жаргонов (криминальный, компьютерный);
- 3) заимствования из общелитературного языка с переосмыслением значения;
- 4) словообразование.

В заключение хочется отметить, что изучение сленга немецкой молодежи приобретает возрастающую актуальность в условиях расширяющихся международных контактов, помогает студентам лучше представить особенности и своеобразие национальной картины мира, понять национально-специфические особенности менталитета немецкой молодежи. Понимание и знание сленга приобщает обучающихся к естественной языковой среде, способствует развитию их коммуникативной компетенции.

Список литературы

1. Девкин, В. Д. Специфика словаря разговорной лексики // Немецко-русский словарь разговорной лексики. М. : Русский язык, 1994.
2. Ehmman, Hermann. Ein paar Facts voraus// Voll konkret. Das neuste Lexikon der Jugendsprache. Orig. Ausg. München: Beck, 2001.
3. "Is voll krass eh?" – Neue Trends in der Jugendsprache // Der Weg. Die Zeitschrift für Deutschlernende, № 40 (Februar - April 2003).

List of literature

1. Devkin, V. D. Spetsifika slovarya razgovornoy leksiki // Nemecko-russkiy slovar' razgovornoy leksiki. M. : Russkiy yazyk, 1994.
2. Ehmman, Hermann. Ein paar Facts voraus// Voll konkret. Das neuste Lexikon der Jugendsprache. Orig. Ausg. München: Beck, 2001.
3. "Is voll krass eh?" – Neue Trends in der Jugendsprache // Der Weg. Die Zeitschrift für Deutschlernende, № 40 (Februar - April 2003).

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КОНЦЕПТА “MAN”
(«МУЖЧИНА») В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Р. Д. Гиниятуллина

Статья посвящена анализу фразеологических единиц концепта “man” «мужчина», которые представляют широкий спектр тематик: профессии, национальности, имена собственные, религиозные термины.

Ключевые слова: фразеологические единицы, концепт, фразеологические синонимы, фразеологические антонимы.

Фразеологическими единицами (ФЕ) английского языка являются устойчивые сочетания слов, близкие по лексическому значению одному слову, словосочетанию и даже предложению. Так, фразеологизмы, которые можно заменить одним словом, менее выразительным: *As poor as Lasarus* в значении «бедный»; словосочетанием: *a man Friday* в значении «верный помощник»; целым предложением: *be a man after my own heart* в значении «человек, который любит, восхищается другим человеком, так как они оба имеют общие вкусы, взгляды».

Анализ показал, что приблизительно 270 ФЕ (при незакрытом списке) английского языка имеют значение качественной оценки действий, манеры поведения человека, мужчины. Мужчины играют огромную, важную роль в развитии и продолжении рода человеческого. Без мужчины ни одна женщина не чувствует себя счастливой, без примера взрослого мужчины мальчики не могут научиться мужественности. Ни один литературный жанр не обходится без героя – мужчины: будь то любовный или приключенческий роман, детектив или научная фантастика, детские сказки или сказки для взрослых. Мужчина может быть смелым или трусом, умным или дураком, богатым или нищим, уверенным в себе профессионалом или заискивающим, раболепствующим человеком.

Всевозможные качества мужчин можно пронаблюдать не только в литературных произведениях разных авторов, но и изучая отдельные фразеологизмы английского языка концепта “man” («мужчина»), лексический состав которых включает в себя различные тематики:

1. Профессии: *doctor, baker, butcher, candlestick-maker, busman, cop, advocate, teacher, master, pilot, shepherd, judge, guard, curator.* В

данной группе слов имеются как профессиональные названия (врач, булочник, адвокат, учитель, летчик, мастер, пастух, судья, охранник, хранитель музея или библиотеки, так и сленговое выражение “cop” – полицейский).

2. Военные чины: **general, colonel, captain, soldier** (генерал, полковник, капитан, солдат).

3. Национальности: Dutchman, Englishman, Irish, Turk, Arab, Trojan (датчанин, англичанин, ирландец, турок, араб, троянец).

4. Имена собственные: Aleck, Jack Robinson, Blimp, Bob, Darby and Joan, Dick, George, Jove, Mike, Hamlet, Larry, Harry, Hobson, Homer, Jekyll and Hyde, Job, Joe, Joe Bloggs, Jonah, Don Juan, Peter, Paul, Dic and Harry, Tom, Walter Mitty, Jack.

5. Имена собственные в религиозных учениях: Mohammad, Christ, Abraham, Adam, Cain, Thomas.

6. Личности, вошедшие в историю человечества: король Gordius (в выражении Gordian knot), Lazarus (из Библии), Croesus (правитель королевства Лидия в Азии в 6 в. до н.э.), Damocles (4 в. до н.э.), Solon (афинский деятель Солон в 638-558 гг. до н.э.), Casanova, Tom (Том из Ковентри – единственный наблюдатель леди Godiva, идущей по улице города обнаженной. Она сделала это для того, чтобы ее муж отменил налог, обременяющий людей).

7. Литературные персонажи: Lothario (“Fair Penitent” Николаса Ров), Don Quixote (Сервантеса), Romeo (“Romeo and Juliet” Шекспира), Scrooge (“Christmas Carol” Чарльза Диккенса), Tom (“Uncle Tom’s Cabin” Гарриеты Бичер Стоув).

8. Религиозные термины: God, Lord, devil, saint, bishop, soul, prophet (бог, дьявол, святой, епископ, душа, пророк).

9. Члены семьи: father, son (отец, сын).

Помимо различных лексических групп, в которые можно объединить ФЕ концепта “man” («мужчина»), широко используются прилагательные в качестве имен собственных, которые дают характеристику мужчине: *Mr. Clean* (мистер Чистота) – человек, которому доверяют, особенно используется в сравнении с другим человеком; *Mr. Big* (мистер Большой) – руководитель или важная персона в группе или организации; *Mr. Right* (мистер Правильный) – мужчина, выполняющий женские прихоти в качестве ее мужа.

Фразеологические средства языка, как и лексика, находят применение в различных функциональных стилях и, соответственно, имеют ту или иную стилистическую окраску.

Большую стилистическую группу составляет разговорная фразеология *Smart Aleck* в значении «человек высокого мнения о себе», *backroom boys* в значении «ученые и специалисты, работающие в секретных лабораториях, поэтому остающиеся неизвестными», *Mr. Big* в значении «руководитель или важная персона в организации, контролирующей ее деятельность, но остающийся неизвестным», она используется преимущественно в устной форме общения и в художественной речи. К разговорным ФЕ близка сленговая, используемая молодежью и иногда не совсем понятная культурному человеку: *a nancy boy* в значении «маменькин сынок», *jobs for the boys* в значении «система, в которой должность предоставляется избранным в связи с их дружбой и тесным связям с влиятельными людьми», *blue-eyed boy* в значении «тот, к кому относятся очень благосклонно, покровительствуют».

Отдельную группу образует литературная фразеология, которая употребляется в книжных стилях и преимущественно в письменной речи: *Adam's ale* в значении «вода», *be the captain of one's soul* (буквально «быть капитаном своей души») в значении «контролировать свою судьбу и будущее», *caviar to the general* в значении «то, что считается слишком хорошим, ценным для обыкновенного человека».

Можно выделить и общеупотребительные фразеологизмы, которые находят применение, как в книжной, так и в разговорной речи: *a fair-weather friend* (человек, на дружбу которого нельзя полагаться, он дружит только когда все идет хорошо для него самого), *see the hand of God in* (верить, что несчастный случай происходит по воле Бога), *Hobson's choice* (не иметь выбора вообще). В эмоционально-экспрессивном отношении все фразеологизмы можно подразделить на две группы: ФЕ с яркой эмоционально-экспрессивной окраской и ФЕ с возвышенным, торжественным звучанием. Большой стилистический пласт составляют ФЕ первой группы, который обусловлен образностью использования в них выразительных языковых средств. Так, фразеологизмы разговорного характера окрашены в фамильярные, шуточные, иронические, презрительные тона, например, *Joe Bloggs* (обыкновенный человек), *dead men* (буквально «мертвые люди (мужчины)» в значении «пустые бутылки из-под алкогольных напитков», *What did your last servant die of?* (буквально «От чего умер ваш последний слуга?») используется в ответе, когда вас просят что-либо сделать, а вы считаете, что не должны этого делать; книжным ФЕ присуще возвышенное, торжественное звучание: *a man of many*

parts (буквально «человек, состоящий из множества частей») в значении «очень умный человек, умеющий многое», *even Homer sometimes nods* (даже мастера своего дела, которым доверяют, не всегда выполняют работу на высоком уровне). В английском фразеологизме использовано имя собственное известного древнегреческого писателя Гомера, а высказывание основывается на точке зрения Ногаса в произведении “*Ars Poetica*”.

Кроме того, среди выражений данного концепта существует стилистическая группа, которую составляют фразеологизмы, лишённые эмоционально-экспрессивной окраски и употребление которых нежелательно, так как унижают, оскорбляют слушающего или к кому эти слова обращены: *like a spare prick at a wedding* (не подходящее для данного случая), *an Uncle Tom* (чёрный американец, которого считают предавшим ценности, интересы своего народа, так как много внимания уделяет мнению белых людей), *work like a nigger* (работать как раб, *nigger* – оскорбительное название негров).

ФЕ анализируемого концепта вступают в отношения синонимии и антонимии. По определению В. П. Жукова, «под фразеологическими синонимами понимаются фразеологизмы с предельно близким значением, как правило, соотносительные с одной и той же частью речи, обладающие частично совпадающей или (реже) одинаковой лексико-фразеологической сочетаемостью, но отличающиеся друг от друга оттенками значения, стилистической окраской, а иногда тем и другим одновременно» [Жуков, 1986].

Большинство фразеологизмов-синонимов имеют в своем составе две-четыре ФЕ: *Big man on campus, golden boy* в значении «популярный человек», *the daddy of them all, the mother and father of all* в значении «пример для чего-либо приятного или неприятного», *Smart Aleck, clever Dick, a little tin god* в значении «человек высокого мнения о себе», *a man Friday, someone's right-hand man* в значении «надежный помощник», *A Casanova, a Don Juan, a gay Lothario, Mr. Right* в значении «мужчина, который имеет любовные связи со многими женщинами», *A Colonel Blimp, the old guard, a Don Quixote* в значении «человек со старомодными взглядами и идеями».

Богатство лексических и фразеологических синонимов обуславливает огромные выразительные возможности английского языка. Фразеологические синонимы, подобно лексическим, могут отличаться друг от друга стилистической окраской: *The old boy network* –

общеупотребительное выражение, не официальное; *jobs for the boys* – разговорное, унижительное; полностью совпадают в значениях: *By God! By Christ! By George! By Jove!* или иметь небольшие смысловые отличия: *A whizz kid, a young Turk* – синонимичное значение для этих выражений «человек с современными взглядами, идеями», но *A whizz kid* человек, который энергично работает и достигает огромных успехов в работе, *a young Turk* – человек, который хочет изменить то, как данная система, компания организованы.

Синонимами следует считать и такие ФЕ, у которых повторяются отдельные компоненты: *As happy as a sand boy, as happy as the Larry* – повторяется конструкция *as... as*; *raise Cain, raise the devil* – повторяется глагол *raise*, после которого следует существительное. Фразеологизмы, частично совпадающие по составу, но имеющие в основе разные образы, носят синонимический характер *Joe Public, Joe Bloggs, Fred Bloggs*.

Антонимические отношения во фразеологии развиты значительно меньше, чем синонимические. Если в группе ФЕ концепта “man” мы нашли 21 группу лексических синонимов, то антонимических групп всего 10: *As sober as a judge* – совсем не пьян, *as drunk as a lord* – очень пьян; *A young Turk* – молодой человек имеющий прогрессивные идеи, *a Colonel Blimp, the old guard, a Don Quixote* – человек со старомодными взглядами и идеями; *Bosom friend/pal* – очень хороший друг, *a fair-weather friend* – человек, на дружбу которого нельзя полагаться; *enough to try patience of Job* – неограниченное терпение; *enough to make a Saint swear* – раздражающее даже самого терпеливого; *A Scrooge* – человек экономный, не принимающий участие в различных развлечениях, *a man about town* – человек, наслаждающийся общественной жизнью среди богатых, молодых людей.

Среди антонимических фразеологизмов можно выделить группу, в которой частично совпадает состав слов, но имеются компоненты, противопоставленные по значению: *A red sky at night is the shepherd's delight* (красный закат радует пастуха, так как предвещает хорошую погоду), *a red sky in the morning is the shepherd's warning* (красный восход беспокоит пастуха, так как предвещает плохую погоду). Компоненты, придающие таким ФЕ противоположное значение, часто являются лексическими антонимами: *day – night* (день-ночь), *delight – warning* (удовольствие - беспокойство).

Большинству фразеологизмов концепта “man” присуща однозначность: они имеют всегда одно и то же значение: *boys in blue* – люди в

голубой униформе (полицейские или моряки), *the big boys* – важные, влиятельные люди. Однако, встречаются фразеологизмы, имеющие несколько значений: *Lord/God/Christ knows!* Данная ФЕ имеет два значения: 1) только более властный, сильный, чем человек может знать и понять; 2) хорошо известный факт. Или ФЕ *the inner man* так же имеет два значения: 1) внутренний мир человека, его характер; 2) юмористический смысл – желудок человека, его голод.

Многозначность фразеологизмов чаще всего возникает в результате закрепления в языке их переносных значений. Относительно спокойно развивается многозначность у фразеологизмов, которые имеют неразложимое, целостное значение и по своей структуре соотносительны со словосочетаниями.

Таким образом, проанализировав ФЕ концепта “*man*” «*мужчина*», можно сказать, что данные ФЕ представляют широкий спектр тематик: профессии, национальности, имена собственные, религиозные термины. Среди данных фразеологизмов были выделены 21 группа лексических синонимов, 20 групп антонимов. Большая часть ФЕ однозначна (261), 6 ФЕ имеют по два значения.

Список литературы

1. Голуб, И. Б. Фразеологическая стилистика. URL : <http://www/hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/predmetnyi.htm#3081>.
2. Жуков, В. П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986.
3. Longman dictionary of English idioms. Prepared by Laurence Urdang Associates Ltd for Longman Group Ltd. Longman Group UK Limited, Harlow and London Associated companies, branches, and representatives throughout the world. Fourth impression 1992. P. 387.
4. Longman exams dictionary. Longman corpus network. British national corpus. Pearson Education Limited, 2006. 1834 p.

List of literature

1. Golub, I. B. Frazеologicheskaya stilistika. URL : <http://www/hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/predmetnyi.htm#3081>.
2. Zhukov, V. P. Russkaya frazeologiya. M.: Vysshaya shkola, 1986.
3. Longman dictionary of English idioms. Prepared by Laurence Urdang Associates Ltd for Longman Group Ltd. Longman Group UK Limited, Harlow and London Associated companies, branches, and representatives throughout the world. Fourth impression 1992. P. 387.
4. Longman exams dictionary. Longman corpus network. British national corpus. Pearson Education Limited, 2006. 1834 p.

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОГРАММЫ AUTOCAD
НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ВЕРСИЙ 2000–2009)**

Л. М. Рыльщикова, К. В. Худяков

В статье рассмотрены особенности перевода на русский язык компьютерной программы AutoCAD (на примере версий 2000–2009) и несоответствие перевода стандартизированным профессиональным терминам, принятым в черчении.

Ключевые слова: AutoCAD, перевод, стандарт.

В настоящее время в технических вузах и на факультетах технической направленности существенное значение имеет преподавание основ работы с системами автоматизированного проектирования (САПР). Это неизбежный и исторически обусловленный процесс, так как усложнение промышленных изделий не оставляет разработчикам выбора, кроме перехода на новые компьютеризированные системы обработки информации, проектирования и автоматизации.

Известны программы как отечественных, так и зарубежных разработчиков. Одна из самых известных разработок последних: система AutoCAD американской фирмы AutoDesk, существующая на рынке с 1984 года. Эта программа является стандартом де факто в области создания электронных чертежей и оказывает заметное влияние в области создания трехмерных изображений и визуализаций. В связи с широкой известностью и важностью для инженерного сообщества, AutoCAD изучается практически всеми будущими инженерами.

Однако вследствие того, что AutoCAD является не русскоязычной изначально компьютерной программой, возникали и возникают определенные нюансы ее использования, связанные с переводом используемых в англоязычной версии терминов.

Русификация программы AutoCAD производится достаточно давно, начиная с версий, работавших под операционной системой MS-DOS. В частности, наиболее удачная русификация наряду с пакетом расширений существовала для 10-й версии AutoCAD'a. В частности, пакет расширений позволял осуществлять важную для черчения операцию присвоения линиям толщины (до 15-й версии данная функция явным образом не поддерживалась).

В случае если происхождение компьютерной программы иностранное (т.е. она в подавляющем большинстве случаев англоязычная) возможны несколько вариантов использования ее: на языке оригинала; переведенная любительски; переведенная профессионально.

Несмотря на, казалось бы, безусловные преимущества профессионального перевода, возможна ситуация, когда перевод осуществлен лингвистически безупречно, но не учтена специфика задач, для которых была спроектирована компьютерная программа. В случае с программой AutoCAD **перевод терминов, задействованных в пользовательском графическом интерфейсе**, был произведен правильно с точки зрения использования англо-русского словаря, но выполнялся перевод людьми, которые, зная английский язык, не были знакомы с терминами, принятыми в техническом черчении и системе стандартов для него: единой системой конструкторской документации (ЕСКД).

Актуальность вопроса заключается в том, что расхождение терминов, принятых в ЕСКД, и устоявшихся переводов их англоязычных аналогов, осуществленных в программе AutoCAD, вызывает не вполне серьезное отношение к данной программе со стороны опытных конструкторов, вплоть до отторжения, а также путаницу и избыточные вопросы студентов при освоении как техники ручного черчения, так и автоматизированного, с помощью AutoCAD. Авторами работы была предпринята попытка систематизировать особенности перевода программы AutoCAD в части расхождения используемых в нем слов с принятыми в ЕСКД терминами, а также в реакции студентов на отдельные термины, которые воспринимались ими с некоторыми дополнительными ассоциациями, в силу воздействия окружения, социальной среды, массовой культуры и масс-медиа оказавшимися более устойчивыми и четко проявленными.

Исследование проводилось на нескольких лицензионных версиях программы AutoCAD, **установленных в разное время на рабочих станциях лабораторий компьютерной графики Волгоградского государственного технического университета**. Все рассмотренные версии использовались с 2000 по 2009 год в учебном процессе, являясь неотъемлемой частью дисциплины «Компьютерная графика». Авторами были подробно исследованы следующие версии программы AutoCAD: 2000; 2000i; 2002; 2004; 2006; 2007; 2009. Некоторые версии (2005 и 2008) были пропущены вследствие того, что образовательной лицензии на них не приобреталось и на рабочие станции

они не устанавливались. Однако работа с ознакомительными (LT) версиями подтверждала некоторые наблюдения, приведенные в данной статье. Объектами исследования были такие элементы пользовательского интерфейса, как названия меню, пунктов и подпунктов меню, диалоговых окон, закладок в диалоговых окнах, раскрывающихся списков, флажков (*checkboxes*), переключателей (*radio buttons*), кнопок, ползунков (*sliders*), заголовков окон, а также команд (в программе как существенный элемент диалога с пользователем используется командная строка). Была составлена карта переводов наиболее значимых элементов оконного интерфейса и команд с отслеживанием эволюции терминов от версии к версии. При этом были выделены следующие множества переведенных терминов:

1. Полностью совпадающие с терминами, принятыми в ЕСКД. Примеры таких команд: «прямоугольник», «многоугольник», «штриховка».

2. Не совпадающие с терминами, принятыми в ЕСКД, но на интуитивно-понятном уровне передающими смысл названия действия, объекта или команды. Примеры команд: «круг» (правильно «окружность»), «рисование» (программа все же, не вдаваясь в терминологические тонкости градаций САПР, чертежная).

3. Термины, не присутствующие в ЕСКД в силу специфики программы, но удачно вписывающиеся в контекст компьютеризированного черчения. Примеры: «полилиния», «мультилиния», «массив», «ортогональный режим».

4. Термины, перевод которых оказался определенно неудачным, но устойчиво закрепился и мигрировал от версии к версии AutoCAD. Пример: «вес». Если более подробно, то подразумевается «вес линии». В AutoCAD эта команда отвечает за отображение *толщины* линий: действие очень важное и необходимое. Практика показывает, что подавляющее большинство студентов не догадывались, что толщина управляется командой «вес». Требовалось пояснение преподавателя или обращение к специализированной литературе: руководствам пользователя, учебникам, кратким «шпаргалкам» и т.п. В настоящее время толщина линий в AutoCAD по-прежнему обозначается «весом».

Очень важная в AutoCAD функция управлением масштабом изображения, объединяющая несколько разных команд, переведена как «зумирование», что терминологически крайне неудачно, так как является калькой с английского термина *zoom*.

5. Термины, перевод которых оказался неудачным и которые менялись от версии к версии с целью найти более корректный вариант перевода. В версиях AutoCAD, вышедших во время широкого проникновения интернета в образование, появилась функция, поддерживающая то, что сейчас принято называть ссылкой. Изначально она называлась гиперсвязь, что приводило к непониманию назначения этой функции, а у пользователей, являющимися клиентами научно-фантастического дискурса, вызывало устойчивую ассоциацию с вымышленными видами связи, но не с адресом страницы в www, который предусматривает эта функция. Сейчас данная команда называется «гиперссылка», что является общепринятым термином и достаточно правильным переводом оригинального термина *hyperlink*.

Наибольшее культурное замешательство традиционно вызывает команда, смысл которой сводится к тому, что составной объект, обрабатываемый программой, раскладывается на простейшие (примитивы). В оригинале она обозначена как *explode*. Перевод «взорвать», в целом адекватный (особенно с учетом графического контекста, данный пункт меню сопровождается пиктограммой разлетающихся от центра осколков), неоднократно пересматривался и от версии к версии применялись как «взорвать», так и «расчленить». Последний вариант встречается среди студентов не вполне спокойную реакцию, порожденную устойчивой популярностью в массовой культуре фильмов ужасов и потому ассоциирующийся у обучаемых с понятием «расчлененка» и тому подобным.

Приведенные несоответствия являются частью общей картины, когда использование программы, являющейся стандартом де факто в черчении сталкивается с необходимостью дополнительного толкования терминов, а в контексте межкультурной коммуникации – с необходимостью постоянного обращения к англоязычной версии программы, в том числе в лекционных курсах. Описанные сложности в обращении с программой AutoCAD могли бы быть успешно решены при привлечении к переводу людей, которые знакомы не только с техническим английским, но и с отечественными терминами, принятыми в черчении.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ

Г. Ф. Коваленко

В статье анализируется подход к тексту как к коммуникативному событию. Главный акцент в обучении переводу необходимо делать на исследование языка в его когнитивной функции. Важную роль в этом отводится дискурс-анализу.

Ключевые слова: дискурс, когнитивный анализ, концепт, концептуальная метафора, прецедентный текст.

В обучении переводу необходимо сформировать готовность понимать текст как коммуникативное событие, «как универсальную форму коммуникации, благодаря которой «передается информация, выражаются чувства, осуществляются контакты между людьми; происходит воздействие; описываются реалии окружающего мира, сознания и языка» [1. С. 112–113].

Перевод – это социально значимое умение коммуникативной направленности, имеющее интегративный характер и опирающееся на базовые лингвистические навыки и умения: знания лексики и грамматики, умения аудирования, чтения, устной и письменной речи, знания родного языка и культуры народа. В процессе перевода происходит координирование систем социокультурных значений, интерпретаций, действий, создание дискурса [15. С. 102].

Дискурс есть «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Такое понимание дискурса дает представление о переводе текста как о переводе дискурса во всей сложности факторов, вовлеченных в речевое взаимодействие [15. С. 102].

Особое значение в формировании дискурсного подхода к переводу текста приобретает дискурс-анализ. Главная цель дискурс-анализа – исследование языка в его когнитивной функции, т.е. как средства организации, обработки и передачи информации, рассмотрение языка как когнитивной способности человека [2. С. 24]. Под

когнитивной способностью понимается знание и процесс получения этого знания, восприятие мира, наблюдение, категоризация, мышление, речь, воображение и другие психические процессы в их совокупности [11. С. 58].

Материалом данного исследования послужили статьи из политического еженедельника *Newsweek* за 2008г., т.е. «тексты с определенной социальной основой, социально-культурной аурой» [9. С. 56], тексты публицистического стиля, призванного «обслуживать политико-идеологическую сферу общественной деятельности» [6. С. 160]. Дискурс-анализ предполагает изучение текста, но сам текст начинает трактоваться как источник сведений, выходящих за пределы собственно языкового их содержания, источник данных об особых ментальных мирах. Для восприятия текста необходимо «погружение» в этот ментальный мир [8. С. 19–20].

Единицей «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека», является концепт [7. С. 90]. В процессе коммуникации концепт выступает как единица развития знания. В языке концепт репрезентируется готовыми лексемами, фразеологическими сочетаниями, структурными и позиционными схемами предложений, текстами, совокупностями текстов [13. С. 37].

Отсюда следует, что в обучении переводу необходимо формировать навыки концептуального анализа на уровне текста. Под концептуальным анализом будем понимать «метод исследования, предполагающий выявление концептов, моделирование их на основе концептуальной общности средств их лексической репрезентации в тексте и изучение концептов как единиц концептуальной картины мира» [1. С. 464]. Н.С. Болотнова предлагает выявлять концепт на основе моделирования текстовых ассоциативно-смысловых полей, организованных концептуально и стимулированных лексическими структурами разных типов [1. С. 466].

Рассмотрим в качестве примера процесс моделирования ассоциативно-смыслового поля концепта *'terrorism'* на первом этапе перевода – осмыслении текста статьи *"This Fire Needs to Be Put Out"* [*Newsweek 2008: December № 8*]. Тема статьи (террористический акт) задана названием, а концепт – повтором ключевых слов, под которыми понимаются «наиболее значимые в идейном и прагматическом отношении лексические единицы, намеренно актуализированные автором, являющиеся «узловыми звеньями» в ассоциативно-

смысловой сети текста» [1. С. 421]. К таким словам в анализируемом тексте следует отнести: *'attack'*, *'terrorists / terror'*, *'Muslims'*. Эти слова – стимулы дают разные слова-реакции, рождающие, в свою очередь, новые ассоциаты. Их анализ показывает, что ассоциативное развертывание происходит по следующим направлениям:

1) соотношение террористического акта в гостинице в Индии с трагедией в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года (*"The terror attack on Mumbai has been called India's 9/11". "For me there is another similarity; like 9/11, this attack hit close to home". "I knew people who worked in the World Center and some who died there. This time the tragedy is also personal". "My brother worked next door to the Twin Towers, at the World Financial Center, on 9/11"*);

2) связь террористов с мусульманами и с другими террористическими группировками (*"India also has a political problem with its Muslims. It remains unclear whether any Indian Muslims were involved with these attacks, but it is quite possible that the terrorists had some small pockets of support in the country". "The cancerous rise of fundamentalism and radicalism that had swept up Muslims everywhere has not spared India". "Muslims are everywhere a minority – which closes off the chance at political power". "The terrorists seem to have had foreign connections". "The Pakistan government has created, supported and trained Islamic jihadists dor decades"*);

3) террористический акт – трагедия, в результате которой гибнут невинные люди, ее жертвы (*"The victims will have died in vain, and there will be more victims and insecure neighborhood". The general manager of the hotel, a young man, lost his family" "The evil men who chose to deliberately kill innocent men, women and children, to burn young families to death"*);

4) террористический акт выявляет слабые стороны в политике, экономике страны (*"The initial response of the local authorities was slow, haphazard and incompetent". "These terror attacks have highlighted one of the key weakness of modern India. Its private sector is dynamic, efficient, responsive. Its public sector is not". "If this is India's 9/11, then it should be a spur to the country to finally get its house in order"*);

5) террористический акт выявляет лучшие стороны, героизм простых людей и спасателей (*"These kinds of events bring out the best in ordinary people. ...hotel employees taking pains to get guests out of harm's way, at risks to their own lives". "Some of the feed hostages have told stories of the bravery of the Indian armed forces"*).

Ассоциативное поле, смодулированное в результате концептуального анализа, состоит из ядерной зоны, к которой относятся слова-стимулы, имеющие наибольшую частотность: *attack* (10), *terror/terrorists* (3/3), *Muslims* (7). К переходной зоне, находящейся между ядром и периферией, судя по частотности, можно отнести слова-реакции: *India's 9/11*(4), *tragedy* (2), *Twin Towers/World Financial Center /World Trade Center* (3) *Qaeda* (2), *support* (2), *Pakistan* (5), *victims* (3). К периферии ассоциативного поля формально относятся единичные реакции: *people, died, lost family, risk to lives, enemies of modernity and democracy, insecure neighborhood, evil people, kill, innocent, burn families to death, response of local authorities, slow, hazardous, incompetent, weakness of modern India, dysfunctional, to face challenge, a spur to get house in order, fundamentalism, radicalism, a minority, foreign connections, counterterrorism policy.*

Приведенный пример показывает, что текстовое ассоциативно-смысловое поле стимулируется лексическими структурами разного типа, включая ключевые слова-стимулы, опорные слова и слова-маркеры ассоциатов. Н.С. Болотнова отмечает, что «ассоциативное развертывание текста, стимулированное прежде всего его лексической структурой, происходит в сознании адресата и является реакцией на текст» [1. С. 428]. Концептуальный анализ текста способствует постижению смысла текста, он предполагает восприятие языкового знака, который актуализирует «образно-понятийное, эмоциональное и ассоциативное содержание концепта» [12. С. 87]. На выявление смыслового пространства концепта и направлены усилия интерпретатора, обращающего внимание на смысловые признаки концепта и их структурирование в тексте [1. С. 467]. Отсюда следует, что обучение концептуальному анализу способствует развитию умения исследовать лексическую структуру текста и находить в ней отражение актуальных для автора смысловых признаков концепта.

Остановимся на когнитивном подходе в дискурс-анализе к процессам метафоризации в политическом дискурсе, в котором метафора используется как средство воздействия на общественное и индивидуальное сознание. Дискурс-анализ политических текстов рассматривает метафоризацию как способ концептуализации и категоризации объектов мира политики. По мнению В.И. Заботкиной, благодаря метафоре происходит концептуализация нового фрагмента действительности по аналогии с уже сложившейся системой понятий [4. С. 125].

В ходе проведенного анализа текста *“First Things First, Mr. President”* [Newsweek 2008: December №8] нами были выявлены концептуальные метафоры, входящие в концептосферу политического дискурса. В данной статье подвергаются резкой критике приоритеты политики вновь избранного президента Барака Обамы. Так, ставятся под сомнение планы президента в области экономики: *“Starting with his “economic stimulus” plan, will he focus mainly on reviving the economy and relieving the financial crisis; or will he use the economic crisis as a vehicle to advance a more ambitious agenda of economic and social reform?”*. Метафора *‘the economic crisis – a vehicle to advance ambitions’* имеет отрицательную коннотацию и характеризует отношение президента США к кризису как к возможности реализовать свои амбиции.

Рассмотрим еще один контекст: *“The idea that the present crisis atmosphere would make congressional passage, even with Democratic majorities, easy is fantasy”*. Надежды президента на то, что в атмосфере кризиса легче будет принять те или иные законодательные акты, названы фантазией (*‘fantasy’*), а идея о новых инвестициях – миражом (*‘mirage’*): *“The notion that “green” investments would be large <...> is mostly a mirage”*. Ряд других предложений Обамы названы ошибкой (*‘a mistake’*): *“<...> this would be a mistake; most of Obama’s broader proposals aren’t connected to the present crisis”*. Концептуальные метафоры: *idea – fantasy; notion – mirage; proposals – mistake*; вербализуют слот ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ фрейма концепта *‘presidency’*. Фрейм рассматривается нами как лингво-когнитивная модель представления знания, наилучшим образом приспособленная к структуризации дискурса, помогающая выявить значимые для сознания и, следовательно, для языкового воплощения ментальные «узлы» [9. С. 56]. Моделируя фрагмент информационной картины мира, фрейм принимает форму схематичной суммы представлений, а языковые репрезентации, в которые схема воплощается, объективируют эти представления. Концепт *‘presidency’* наряду с другими концептами структурируется во фрейм, поскольку является многоаспектной субстанцией. «Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации». Структура фрейма иерархична, представляет собой сеть, состоящую из узлов и связей между ними [10. С. 7]. Фреймы дают представление о социокультурных особенностях категоризации и концептуализации явлений окружающей действительности.

В данном анализе мы ограничиваемся слотом ДЕЙСТВИЕ фрейма концепта ‘presidency’. Ситуация в стране названа ‘web of contradictions’: “We – and – he are caught up in a web of contradictions”, а планы в области здравоохранения и энергетики названы аппетитом (‘appetite’), который необходимо уменьшить: “In the long run, we need to discipline our appetite for health care and energy”. Метафоры: ‘to discipline appetite’, ‘caught in a web’ подчеркивают, что США переживают не самые лучшие времена, а проекты президента названы ‘a miracle’, ‘a mirage’, ‘a mistake’, ‘an appetite’. Данные концептуальные метафоры свидетельствуют о тревожности за судьбу страны и призваны вызвать у читателя такое же отношение к передаваемой информации. Сущность метафоры состоит в осмыслении явлений одного рода в терминах явлений другого рода [16. С. 269].

Таким образом, метафора в политическом дискурсе не только выполняет роль экспрессивного средства, но и развивает новые смыслы (концепты) и отражает восприятие того или иного общественно-политического явления в национальном сознании. Функционирование метафоры неразрывно связано с реализацией прагматической установки, определяющей эффективность воздействия, а, следовательно, с концептом текста. Коммуникативные установки, свойственные политическому дискурсу, определяют стратегию построения текста и отбор языковых средств.

Дискурс–анализ текста направлен на обнаружение прагматико-смыслового ядра текста, обусловившего своеобразие его структурно-семантической организации. В результате восприятия прагматико-смыслового ядра текста, в процессе опознания его возможного подтекста, в сознании читателя создается «концепт текста», под которым мы понимаем некоторый общий смысл текста [3. С. 53]. Концепт текста – прагматический: его формирование всегда связано с реакцией на ситуацию [3. С. 53].

По мнению В.В.Красных, с одной стороны, концепт текста – отправной момент при порождении текста, своеобразная «точка взрыва», вызывающая текст к жизни, а с другой – конечная цель при его восприятии [5. С. 127].

Процесс восприятия текста во многом опирается на заголовок, который участвует в процессе текстообразования в политическом дискурсе. Броский, заинтриговывающий читателя заголовок играет роль экспрессемы. Например: “Obama Baby Boom?”; “Alas, There

Could Be a Backlash in Both Places"; *"Wanted: A New Grand Strategy"*; *"Why Barriers Don't Matter"*; *"First Things First, Mr. President"*.

В организации заголовков отражается национальный менталитет. Исследователи отмечают своеобразие заголовков в английском политическом дискурсе, в формировании которых велика роль фразеологизмов, умышленно измененных устойчивых выражений, аллюзий, игры слов, смысл которых является прозрачным лишь для тех, кто хорошо знает культуру англоязычных стран. Например: *"Has Ford backed Detroit into corner?"* (*back into corner* – загонять в угол) **головное предприятие** «Форд» находится в Детройте, США); *"To Save or Not to save?"* (перефраз их Шекспира *"To be or not to be"*); *"Suddenly Goldman is less golden"* (игра слов создается за счет сочетания названия компании и слова *golden* – 'золотой' в связи с критикой, которая обрушилась на компанию вследствие сомнительных операций) [14. С. 89].

Трудности перевода английских заголовков обусловлены их «социокультурной вписанностью» в контекст культуры. Тексты политического дискурса относятся к той категории текстов, в которых переплетаются многочисленные социальные контексты, образуя новый, еще более сложный. Переводчик погружается в текст оригинала в поисках смысла, извлекает его и передает на языке перевода. Как показывает практика, смысл перевода английских заголовков состоит не только в передаче смысла – а также его воздействия и взаимосвязей.

Дискурс-анализ изучает социокультурные, интерактивные стороны языкового общения, практически любой фрагмент языкового общения. В последние годы в политическом дискурсе широко используется включение так называемых *прецедентных* текстов, когда включаются имена, факты, отрывки или образы известных произведений, которые отсылают адресата к произведениям культуры, хорошо известным большинству носителей языка. Например, в статье *"Black Dog of Westminster"*, где речь идет о новой книге одного автора, употреблено имя *Diana* и словосочетание *a people's Princess: "Now the artful propagandist – who coined the term 'a people's princess' on the death of Diana – has returned on his fiction roots"*. Сферой-источником прецедентного текста явилось событие из жизни королевской семьи.

Приведем еще ряд примеров: *"In his first interview <...> Steinmeier sat down with Newsweek's Michael Levitin to discuss <...> Russia's recent aggression"* (в данном контексте сферой-источником прецедентного текста является историческое событие - война между Россией и

Грузией, которую в самом начале на Западе считали агрессивной со стороны России); *“For me there is another similarity; like 9 / 11, this attack hit close to home”* (здесь использован прецедентный текст из сферы «террористические акты», который отсылает читателя к событиям 2001 года, когда был совершен налет на башни-близнецы в Нью-Йорке); *“Who warns that letting Detroit die will trigger “economic Armageddon”* (данный контекст включает известный образ – *Armageddon*). Особое место в политическом дискурсе занимают имена политиков, которые используются, чтобы указать на сходство с ними.

Обилие прецедентных фактов в политическом дискурсе можно объяснить стратегией оказания манипулирующего воздействия. Переводчику нужны фоновые знания, чтобы адекватно воспринять информацию в тексте.

Таким образом, дискурс-анализ позволяет исследовать соотношение языка и мышления, способы выражения в языке определенных знаний о мире и способы организации языковой картины мира. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода текст рассматривается как результат дискурсивной (речемыслительной) деятельности ее участников, средство взаимодействия между ними, связанное с передачей и интерпретацией излагаемого в тексте содержания.

На наш взгляд, процесс формирования коммуникативных навыков и умений в процессе профессионально-ориентированного обучения переводу невозможен без создания определенной когнитивной базы у обучаемых в ходе дискурс-анализа.

Список литературы

1. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2007. 520с.
2. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1.
3. Бухарова, Г. Х. Концепт фольклорно-речевого дискурса «Урал-батыр» и его концептосфера // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №4.

Список литературы

1. Bolotnova, N. S. Filologicheskiy analiz teksta: ucheb. posobie. 3-e izd., ispr. i dop. M. : Flinta : Nauka, 2007. 520s.
2. Boldyrev, N. N. Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoy lingvistiki // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2004. №1.
3. Buharova, G. H. Kontsept fol'klorno-rechevogo diskursa «Ural-batyr» i ego kontseptosfera // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2008. №4.

4. Заботкина, В. И. Конвенциональность vs креативность в лексиконе (когнитивно-дискурсивный подход) // С любовью к языку: сб. науч. тр. М. ; Воронеж : ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т., 2002.
5. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : ИТДГК «Гнозис», 2003.
6. Крылова, О. А. Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн. 1. Теория: учеб. пособие. М. : Высшая школа, 2006. 319с.
7. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. Ред. Е. С. Кубряковой. М. : МГУ, 1996.
8. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров. М. : ИНИОН, 2000.
9. Минский, М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.
10. Меграбова, Э. Г. «Насилие» как субфрейм дискурсообразующего концепта 'власть': слот – субъект // Культурно-языковые контакты: сборник научн. трудов. Вып. 10 / Отв. Ред. З. Г. Прошина. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 256с.
11. Пименов, Е. А. Когнитивная лингвистика на современном этапе // Язык. Культура. Коммуникация: мат-лы междунар. науч. конф. Волгоград : Волгоградское научное изд-во, 2006.
4. Zabotkina, V. I. Konventsional'nost' vs kreativnost' v leksikone (kognitivno-diskursivnyj podhod) // S lyubov'yu k yazyku: sb. nauch. tr. M. ; Voronezh : IYa RAN, Voronezh. gos. un-t., 2002.
5. Krasnyh, V. V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? M. : ITDGK «Gnozis», 2003.
6. Krylova, O. A. Lingvisticheskaya stilistika. V 2 kn. Kn. 1. Teoriya: ucheb. posobie. M. : Vysshaya shkola, 2006. 319s.
7. Kubryakova, E. S. Kratkiy slovar' kognitivnyh terminov / Pod obsch. Red. E. S. Kubryakovoy. M. : MGU, 1996.
8. Kubryakova, E. S. O ponyatiyah diskursa i diskursivnogo analiza // Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty : sb. obzorov. M. : INION, 2000.
9. Minskiy, M. Freymy dlya predstavleniya znaniy. M., 1979.
10. Megrabova, E. G. «Nasilie» kak subfreyem diskursobrazuyuschego kontsepta 'vlast': slot – subekt // Kul'turno-yazykovye kontakty: sbornik nauchn. Trudov. Vyp. 10 / Otv. Red. Z. G. Proshina. Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2008. 256s.
11. Pimenov, E. A. Kognitivnaya lingvistika na sovremennom etape // Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: mat-ly mezhdunar. nauch. konf. Volgograd : Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, 2006.

12. Пищальникова, В. А. Основания лингвистической теории значения. Вместо предисловия // Когнитивная семантика: эволюционно-прагматический аспект. М. ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002.
13. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2003.
14. Слепович, В. С. Курс перевода (английский русский язык). Translation Course (English – Russian). 4 изд. Мн. : «ТетраСистемс». 2004. 320 с.
15. Урубкова, Л. М. Пути совершенствования переводу // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №4.
16. Чурилина, Л. Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб, 2003.
12. Pischal'nikova, V. A. Osnovaniya lingvisticheskoy teorii znacheniya. Vmesto predisloviya // Kognitivnaya semantika: evolyutsionno-pragmaticheskiy aspekt. M. ; Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002.
13. Popova, Z. D. Ocherki po kognitivnoy lingvistike. Voronezh, 2003.
14. Slepovich, V. S. Kurs perevoda (angliyskiy russkiy yazyk). Translation Course (English – Russian). 4 izd. Mn. : «TetraSistems». 2004. 320 s.
15. Urubkova, L. M. Puti sovershenstvovaniya perevodu // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2008. №4.
16. Churilina, L. N. Antropotsentrizm hudozhestvennogo teksta kak printsip organizatsii ego leksicheskoy struktury: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. SPb, 2003.

ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТРЕНИНГОВЫХ МЕТОДИК

Я. В. Левковская

*Рассматривая деятельность переводчика как во многом под-
сознательную, автор определяет наиболее эффективные методы
подготовки переводчиков, направленные на выработку автома-
тизма профессионально необходимых действий. Особое внимание
уделяется тренинговой методике. В статье описывается перевод-
ческий тренинг в лингафонном классе, разработанный автором и
совмещающий лингвистический и поведенческий компоненты. Опи-
сываются конкретные задания, используемые на различных этапах
представленного тренинга.*

Ключевые слова: подготовка переводчика, переводческий тре-
нинг, профессиональная компетентность, распределение внимания,
автоматизм действий.

В широком круге вопросов подготовки переводчиков все боль-
шее внимание уделяется наиболее эффективным способам формиро-
вания различных составляющих профессиональной компетентности
переводчика.

Учитывая тот факт, что деятельность переводчика тесно связана
с психофизиологическим состоянием организма, в своем исследова-
нии, наравне с когнитивной (знаниевой) составляющей профессио-
нальной компетентности переводчика, которая включает продуци-
рование текстов различной стилевой и содержательной направлен-
ности, переформулирование информации без потери и искажения
смысла, комфортную интонацию, высокую скорость речи, мы также
выделяем и регуляторную, включающую способность специали-
ста к саморегуляции своего психофизиологического состояния.

Деятельность переводчика в процессе выполнения им его про-
фессиональных функций должна подчиняться правилу ситуативного
поведения. Это правило предполагает полную адаптацию перевод-
чика к ситуации, в которой он оказался. Способность к комфортному
самочувствию в любых ситуациях требует гибкости, эмоциональной
стабильности и способности к саморегуляции, которая обеспечивает

высокую переключаемость с одного вида деятельности на другой; устойчивость к психоэмоциональным нагрузкам. Комбинация выделенных составляющих во многом обеспечивает всестороннюю готовность к профессиональной деятельности переводчика.

Может показаться, что опытные переводчики редко подвергают анализу текст и культурные представления. На самом деле, они делают это подсознательно и потому быстро. В большинстве случаев профессиональные переводчики не пользуются сознательно аналитическими приемами, поскольку эти приемы становятся для них второй натурой. Наша нервная система сконструирована таким образом, что часто повторяемые действия становятся автоматическими. Для сравнения можно вспомнить то, сколько внимания требует вождение машины, когда человек только учится, и насколько машинально это делается потом. Для этого уже не нужно сознательно управлять своим телом, весь комплексный анализ идет на подсознательном уровне.

Процесс перевода можно кратко описать следующим образом: переводчик начинает с интуитивного ощущения того, что значит то или иное слово или выражение в языке оригинала или перевода, как работает синтаксическая структура, какую манеру поведения следует избрать в той или иной профессиональной ситуации. С течением времени он сублимирует определенные решения для определенных практических проблем в привычку, которая помогает ему переводить быстрее и эффективнее, сокращая потребность в остановках ради решения проблем, и начинает ощущать себя профессионалом.

Для реализации подготовки, направленной на выработку автоматизма профессионально необходимых действий, и в то же время на всестороннее формирование профессиональной компетентности переводчика, мы предлагаем использовать методы *активного* вовлечения учащихся в учебный процесс. Это такие методы, которые требуют анализа совершаемых действий в виде рефлексии профессиональных ситуаций, генерирования всех имеющихся знаний и навыков для наиболее эффективного результата [2. С. 46].

Среди таких методик мы выделяем тренинговые методики.

Тренинг – особый метод получения знаний, который отличается от остальных форм занятий тем, что все его участники учатся на собственном опыте настоящего момента. В основе тренинга лежит постановка и максимально быстрое достижение целей путем мобилизации внутреннего потенциала, развитие и совершенствование необходимых способностей и навыков [3. С. 89].

В ходе тренинга любой навык или качество моделируются на конкретных шагах и немедленно анализируются и проверяются в учебной обстановке, максимально приближенной к действительности [4. С. 38]. Достоинства тренинга видятся в возможности приблизить языковую подготовку специалистов к условиям их профессиональной деятельности, т.е. реализовать контекстный подход. [2. С. 29].

Предлагаемый нами переводческий тренинг является технологией, в которой интегрированы: а) лингвистический компонент, обеспечивающий развитие собственно языковых знаний; б) поведенческий компонент, направленный на развитие регулятивной составляющей профессиональной компетентности.

Занятия проводятся в лингафонном классе, что позволяет учащимся работать обособленно, выполнять упражнения в полный голос, при этом, не мешая остальным. Микрофонная гарнитура, что очень важно, позволяет участникам тренинга слышать свой голос, замечать ошибки и неточности. Практика показывает, что такое динамичное вовлечение в процесс перевода, приближенный к реальному, мобилизует все необходимые умения учащихся и повышает мотивацию к достижению лучшего результата.

В рамках переводческого тренинга в лингафонном классе мы выделяем два этапа: предпереводческий и непосредственно переводческий. В качестве материала используются аутентичные записи (около 2 минут). Необходимо, чтобы у каждого студента были транскрипты прослушиваемых текстов.

Первый этап (предпереводческий) носит в основном имитационный характер. Задания, используемые на данном этапе:

- Повторение текста вместе с диктором с использованием транскрипта. Основной акцент делается на включенность внимания, имитацию произношения и интонации носителя языка.
- Повторение коротких отрывков (1 предложение) за диктором, допускается делать опорные записи, использовать УПС. Отрабатывается умение запоминать, концентрировать внимание и точно воспроизводить услышанное, выполнять сразу несколько действий (слушать и записывать). Это упражнение очень полезно даже при повторении отрывков на родном языке, особенно если тематика текста узкопрофессиональная, что заставляет учащихся проговаривать термины и выражения в определенной теме.
- Повторение текста вместе с диктором с отставанием в одно-два слова БЕЗ использования транскрипта. Отрабатывается умение

распределять внимание при одновременном выполнении двух действий: слушание и говорение.

- Воспроизведение содержания прослушанного отрывка на языке оригинала (отрабатывается навык говорения и использования новой лексики).

- Перевод с листа отдельных фраз, представляющих наибольшую трудность и обсуждение различных вариантов перевода.

Практика проведения нами переводческого тренинга в лингафонном классе показывает, что, несмотря на кажущуюся простоту выполняемых заданий, они зачастую вызывают трудность у студентов. В среднем, через 10 минут интенсивной работы внимание начинает рассеиваться, уровень концентрации падает. Большинство учащихся так и не могут собраться для дальнейшей эффективной работы. В формате переводческого тренинга студенты ясно осознают данные трудности и становятся более мотивированными к работе над «слабыми местами».

Второй этап тренинга является собственно переводческим и направлен на отработку умения переводить на слух, с листа, последовательно и синхронно. В качестве материала используются те же записи, что и на первом этапе. Очень важно постоянно побуждать студентов делать опорные записи в процессе перевода, использовать УПС. Задания, используемые на данном этапе:

- Последовательный перевод коротких отрывков на слух. При возникновении затруднений возможно выполнение упражнения с частичной опорой на транскрипт.

- Последовательный перевод законченного, более длинного отрывка записи с использованием УПС.

- Постепенный переход к синхронному переводу уже знакомого отрывка.

- Работа с транскриптами прослушанного текста в парах: один переводит с ИЯ на ЯП, другой переводит услышанное обратно на ИЯ.

- Письменный обратный перевод. Сначала выбранный в транскрипте отрывок переводится на ЯП, затем выполняется обратный перевод данного отрывка на ИЯ. Окончательный перевод сравнивается с исходным текстом, вносятся изменения.

На втором этапе тренинга очень важно добиться связного и логичного перевода. Для этого может потребоваться многократное выполнение одного и того же задания, перевода одного и того же от-

рывка. Главное, чтобы студенты поняли, что самого по себе знания переводческих соответствий недостаточно для успешной деятельности переводчика. Для этого требуется отрабатывать использование данных соответствий на практике многократно.

Таким образом, применение переводческого тренинга в процессе подготовки переводчиков обеспечивает достижение необходимых результатов. Во-первых, происходит усвоение произносительных норм, овладение определенным лексическим запасом, автоматизация лексических и грамматических навыков с сохранением комфортной интонации, высокой скорости речи, и др. Во-вторых, формируются автоматизированные навыки регулятивной составляющей деятельности переводчика (включенность внимания; способность к саморегуляции эмоциональных состояний; высокая переключаемость с одного вида деятельности на другой; устойчивость к психоэмоциональным нагрузкам и др).

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Тренинг речевой техники, памяти и переключения в устном переводе // Эффективное обучение переводу на современном этапе. Пакет информационных материалов. Межрегиональный семинар. СПб, ЦНТИ «Прогресс», 2003.
2. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М. : Высшая школа, 1991.
3. Петровская, Л. А. Теоретические и методологические вопросы социально-психологического тренинга. М., 1982.
4. Цыбина, Е. А. Коучинг в обучении студентов старших курсов английскому языку: учебное пособие. Ульяновск : УлГТУ, 2007. 75 с.

List of literature

1. Alekseeva, I. S. Trening rechevoy tehniki, pamyati i pereklyucheniya v ustnom perevode // Effektivnoe obuchenie perevodu na sovremenom etape. Paket informatsionnyh materialov. Mezhregional'nyj seminar. SPb, TsNTI «Progress», 2003.
2. Verbitskiy, A. A. Aktivnoe obuchenie v vysshey shkole: kontekstnyj podhod. M. : Vysshaya shkola, 1991.
3. Petrovskaya, L. A. Teoreticheskie i metodologicheskie voprosy sotsial'no-psihologicheskogo treninga. M., 1982.
4. Tsybina, E. A. Kouching v obuchenii studentov starshih kursov angliyskomu yazyku: uchebnoe posobie. Ul'yanovsk : UIGTU, 2007. 75 s.

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕЗЕНТАЦИОННЫХ УМЕНИЙ
СТАРШЕКЛАСНИКОВ
НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

Л. А. Милованова

Настоящая статья посвящается формированию презентационных умений старшеклассников на уроках английского языка. В профильной школе в рамках иноязычного обучения подлежат формированию и развитию следующие умения: поиск и отбор информации с использованием локальных и глобальных сетей, передача информации на иностранном языке в соответствии с целью презентации, отбор необходимого языкового и речевого материала, использование офисных и мультимедиа-технологий: Word, Excel, Power Point и т.д.

Ключевые слова: презентация, профильная школа, коммуникативные навыки и умения, проектная методика, подготовленная монологическая речь, диалогическая речь, поиск и передача информации, офисные технологии, мультимедиа-технологии.

На современном этапе развития общества важнейшей задачей для выпускников высших учебных заведений и, несомненно, средней школы, становится не только практическое овладение иностранным языком, но и приобретение тех коммуникативных навыков и умений, которые в дальнейшем помогут им эффективно использовать иностранный язык в сфере профессионального общения. К таким профессионально значимым коммуникативным навыкам и умениям относятся навыки и умения проведения презентации.

Современный словарь русского языка дает следующее определение презентации: «Презентация – (от латинского – представление, вручение) – общественное представление чего-либо нового, недавно появившегося, созданного» [6. С. 241].

Термин «презентация» встречается чаще всего в контексте профессионального обучения в высшей школе и определяется как публичное выступление человека перед аудиторией с целью убеждения или побуждения к каким-либо действиям. Но презентация это не просто выступление, это межличностное общение, успешность которого зависит от уровня сформированности ком-

муникативных навыков и умений и собственно умения проведения презентации.

Признание необходимости развития коммуникативно-успешного в личностной и деловой сфере человека обуславливает уже в школе обращение к таким видам работы, в которых упомянутые навыки и умения развиваются эффективнее всего.

Одной из практических задач преподавания иностранных языков в школе является развитие у учеников умения свободно и правильно говорить публично, поэтому необходимость формирования и развития презентационных умений в средней школе очевидна [7. С. 60].

Презентация – не самый распространенный прием работы на уроках иностранного языка в школе, но у него большой потенциал, особенно в профильных классах и элективных курсах, направленных на будущую профессиональную деятельность учащихся.

При проведении уроков иностранного языка учителя всё чаще прибегают к проектной методике, которая в полной мере даёт возможность развивать самостоятельность учащихся, их творческое мышление, умение анализировать полученную информацию, выбирая и используя то, что необходимо для достижения поставленной задачи. Презентация является итоговым этапом проекта, когда учащиеся представляют результаты своей исследовательской деятельности. В то время как промежуточным этапам проекта уделяется много внимания: развиваются умения аналитической деятельности, исследовательские умения, – презентационные умения остаются недооцененными и не становятся целью обучения. Не разработана методика использования презентации как средства развития навыков и умений говорения на уроках иностранного языка в школе. Более того, в работах методистов термин «презентация» как таковой не употребляется. Среди презентационных умений немаловажную роль играют личностные характеристики учеников, их артистизм, умение выступать на публике, отбирать соответствующие наглядные пособия и технические средства. Обучение презентации не должно сужаться до обучения исключительно монологической речи, это целый комплекс задач, направленных на общую цель.

В учебных целях презентация представляет собой относительно короткий речевой акт – представление учеником (группой учеников) результатов проделанной работы, будь то проектная деятельность, либо индивидуальная самостоятельная работа ученика. Презентации могут быть как устными, так и опосредованными аудиовизуальными

и другими техническими средствами. Презентация может быть коллективной и индивидуальной.

Особенность презентации на уроках иностранного языка состоит в том, что это преимущественно подготовленная речь ученика, сообщение, доклад, основанный на полученной или изученной самостоятельно информации. Помимо монологической речи важную роль играет умение учащихся задавать вопросы презентатору и, в свою очередь, умение на них отвечать, то есть умение вести дискуссию. Во время этой дискуссии подразумевается, что учащиеся приводят примеры в подтверждение своей точки зрения; они спорят, отстаивают своё мнение, выдвигают аргументы, соглашаются или же выражают несогласие с точкой зрения другого учащегося. Во время этого обсуждения в речи учащихся активизируются и закрепляются устойчивые словосочетания, речевые клише, грамматические конструкции.

Презентация на уроке иностранного языка может являться как целью обучения, так и средством для овладения и совершенствования умений и навыков говорения. Успешность презентации зависит от следующих факторов:

- достижение учениками определённого уровня сформированности умений и навыков как подготовленной, так и неподготовленной иноязычной монологической речи;
- овладение речевыми клише, необходимыми для осуществления коммуникативных намерений говорящего на разных стадиях презентации;
- знание структурных особенностей презентации и логической последовательности её компонентов.

В структуре презентации традиционно выделяются три основных компонента:

1. Введение (Introduction);
2. Основная часть (Main body);
3. Заключение (Conclusion).

Каждая часть презентации – вступление, основная часть и заключение – реализует соответствующие коммуникативные задачи презентатора и определяется с помощью речевых моделей.

Одним из важных этапов формирования презентационных навыков и умений является обучение логическому структурированию презентационной речи и использованию речевых моделей или формул, которые помогают выступающему добиться запланированной

цели. Схема работы учителя и учащихся при организации презентации может быть следующей [1]:

- *Выбор темы для презентации.* Если учитель не формулирует точно тему, то ученики должны для себя решить «О чем я (ученик) буду говорить?». Можно помочь с выбором, не называя конкретно тему, а вызывая интерес учащегося с помощью подсказок, вопросов: «Можешь написать о своём увлечении или о работе, о которой ты мечтаешь. Может, с тобой что-нибудь интересное приключилось на прошлой неделе?».

- *Временные рамки.* Уточнение, сколько по времени должна занимать готовая презентация. Это очень важный момент при подготовке учеников, он учит их выбирать только ту информацию, которая будет актуальна по данной выбранной теме и, соответственно, планировать своё речевое поведение.

- *Оборудование.* Ученики могут использовать различные наглядные пособия и технические средства.

- *Подготовка.* Выступление требует времени на подготовку – сбор информации, анализ, выбор языковых средств, подготовку оборудования.

- *Собственно презентация.* На данном этапе можно предложить помощь ученикам, разъяснив ключевые моменты по подготовке, использованию вспомогательных средств, аудиовизуальных устройств.

- *Ключевые слова и подсказки.* Следует показать ученикам целесообразность использования подсказок-записок и плана вместо цельного текста. При использовании подсказок речь ученика не прерывается в заученный текст, а звучит более естественно.

- *Вопросы.* Выступающий обычно уточняет, когда от аудитории ожидаются вопросы, от учителя требуется настроить ученика воспринимать даже негативные и провокационные вопросы положительно, видя в них интерес слушателей к выступлению.

- *Отзыв учителя.* Для оценки презентации можно пользоваться вопросами-подсказками, планом оценивания, позволяющими обратить внимание на важные моменты презентации.

- *Отзыв учеников, слушателей.* Важно поощрять желание учеников оценить презентации одноклассников, прокомментировать их. Это поможет лучше уяснить положительные и отрицательные моменты презентации, чтобы в дальнейшем избежать тех же ошибок.

- Как вариант, можно *записывать на видео* презентации учеников, чтобы они могли просмотреть своё выступление и проанализировать его сами или с учителем.

Презентация как вид работы наиболее актуальна для старших классов профильной школы в силу того, что уровень развития памяти, творческого мышления, навыков и умений иноязычного говорения у учеников этой возрастной группы может быть достаточно высоким. Активный словарь школьников также обширен, к тому же он постоянно пополняется новыми словами профильной предметной области, новыми значениями уже изученных слов и новыми выражениями с этими словами. И все эти навыки и умения активизируются и закрепляются при подготовке к выступлению и непосредственно во время самого выступления учеников. Для того чтобы работа была результативной, необходимо уделить внимание развитию умений, способствующих успешному публичному выступлению, в том числе умений планировать своё речевое и неречевое поведение. Помимо этого продолжается работа над усовершенствованием умений и навыков диалогической речи, а именно умений вести дискуссию, высказывать и аргументировать свою точку зрения, расспрашивать собеседника, уточняя информацию.

Обучение монологической речи направлено на овладение умением логически раскрыть мысль, выделить главное, сделать выводы или заключение, что способствует повышению культуры общения и вносит вклад в гуманитарное образование. Успешному развитию навыков и умений монологической речи способствуют задания, которые носят творческий, индивидуальный характер, требующие мотивированных высказываний учащихся.

Если же говорить о методе проектов, в котором презентация является этапом представления результатов работы (то есть заключительным), то помимо того, что дети учатся аргументировано излагать свои мысли, они с помощью таких презентаций учатся анализировать свою деятельность, предъявляя результаты рефлексии, анализа групповой и индивидуальной самостоятельной работы, вклада каждого участника проекта. Важно, чтобы ученики рассказали, как именно они работали над проектом. При этом демонстрируется и наглядный материал, изготовлению которого была посвящена значительная часть времени, показывается результат практической реализации и воплощения приобретенных знаний и умений.

Так, мы можем говорить о формировании таких навыков и умений, как [3; 4; 5]:

- умение кратко, достаточно полно и лаконично (укладываясь в 10–12 минут) рассказать о постановке и решении задачи проекта;
- демонстрировать понимание проблемы проекта, собственную формулировку цели и задач проекта, выбранный путь решения;
- демонстрировать найденное решение;
- анализировать влияние различных факторов на ход работы над проектом;
- проводить самоанализ успешности и результативности решения проблемы.

Принимая во внимание перечисленные выше требования к подготовке и проведению презентации на уроках иностранного языка, мы пришли к выводу о необходимости развития у учащихся следующих презентационных навыков и умений:

1. Осуществлять поиск информации в различных иноязычных источниках, использовать ресурсы Интернета;
2. Выбирать вид чтения в соответствии с поставленной целью;
3. Осуществлять систематизацию и обобщение информации;
4. Передавать содержание информации адекватно поставленной цели (сжато, полно либо выборочно);
5. Развернуто обосновывать суждения, давать определения, приводить доказательства и использовать подходящие примеры для иллюстрации;
6. Использовать необходимые языковые и речевые средства для выражения согласия, несогласия, отказа, то есть участвовать в дискуссии;
7. Распознавать и употреблять устойчивые словосочетания и клишированные формулы речевого этикета;
8. Создавать материал для устных презентаций с использованием мультимедиа-технологий.

Все эти умения составляют основу информационной культуры учащихся и играют немаловажную роль в подготовке и проведении презентаций.

Процесс обучения целесообразно разделить на несколько этапов, на каждом из которых развиваются определённые презентационные умения и навыки. На первом этапе – *подготовительном* – происходит введение и отработка лексического и грамматического материала, речевых конструкций, клише, устойчивых словосочетаний. Помимо этого, упражнения первого этапа направлены на развитие таких умений, как: а) осуществление поиска необходимой информа-

ции в иноязычных источниках, включая ресурсы Интернета; б) умение выбирать вид чтения в зависимости от поставленной цели; в) систематизация информации, обобщение полученных данных.

На следующем этапе работы над презентацией развиваются умения учащихся передавать полученную или найденную информацию в нужном формате, который напрямую зависит от поставленной цели. При этом развиваются и отрабатываются умения обосновывать свои выводы, приводить примеры, опираясь на изученную и переработанную информацию или используя другие источники, относящиеся к теме.

На заключительном этапе, когда происходит уже непосредственная подготовка выступления, обговариваются организационные моменты презентации, определяется время выступления. В зависимости от длительности презентации учащимся необходимо решить, о чём они будут говорить, будут ли это сжатые факты, или довольно развёрнутое выступление. На этом этапе происходит закрепление и активизация всех умений и навыков, выработанных на предыдущих этапах.

Нестандартный метод подготовки презентации предлагает Tessa Woodward. Каждый ученик подписывает листок бумаги, написав своё имя и тему, о которой он может рассказать (можно ограничить выбор темы, задав критерии). Затем все листки передаются по классу, и ученики на листочках пишут по одному вопросу, который их интересует по данной теме. Таким образом, когда листок возвращается к хозяину, у него оказывается список вопросов, которые ему необходимо затронуть в своей презентации. Отвечая на эти вопросы, ученик готовит речь своего выступления. Этим методом можно воспользоваться при подготовке мини-презентаций, не требующих длительной подготовки [2].

Отдельно стоит выделить умение работать с мультимедиа-технологиями на уроке иностранного языка. Во время устного выступления мультимедийные презентации могут быть использованы учащимися для иллюстрации, для схематичного отображения основных фактов из того, о чём будет сообщать ученик. Или наоборот – устное выступление будет являться кратким изложением информации, а мультимедийная презентация обеспечит более полный и развёрнутый ответ. Обучение использованию таких наглядных средств занимает не последнее место в системе работы над презентационными умениями. Компьютерные технологии не ограничиваются мультимедийными презентациями, для поддержания межпредметных связей можно стимулировать учащихся использовать при подготовке

презентаций различные программы, например, редакторы изображений, различные программы пакета Microsoft Office – текстовый редактор, табличный, редактор для создания web-страниц. Для того, чтобы подготовить материал к устной презентации, ученик должен уметь оформить этот материал. Информационные и коммуникационные технологии позволяют оперативно работать с мультимедийной информацией – текстовой, табличной, графической, звуковой.

Итак, при обучении презентационным навыкам и умениям на уроках иностранного языка могут быть использованы основные информационно-коммуникационные технологии, такие как:

- Офисные технологии, позволяющие подготовить большинство учебных материалов в Word, Excel, PowerPoint, Access;
- Сетевые технологии, осуществляющие доставку учебных материалов в рамках локальной школьной и глобальной Интернет сети;
- Телекоммуникационные технологии, организующие взаимодействие между пользователями в рамках электронной почты, телеконференций, форумов и чатов.

Презентационные умения и навыки определены как одна из профессиональных компетенций, которыми необходимо обладать специалисту для успешного выстраивания своего профессионального пути. Нарботка этой компетентности происходит в процессе профессионального обучения в вузе, но основы ее закладываются и начинают формироваться еще в средней школе [5. С. 28].

Таким образом, презентация развивает навыки и умения выступать на публике, что пригодится ученикам в будущем, независимо от того, какую профессиональную сферу они выберут.

Список литературы

1. Teaching presentation skills to ESL students / Всё для изучающих английский язык. URL: <http://www.englishclub.com>, свободный.
2. Woodward, Tessa. Planning lessons and courses. Designing sequences of work for the language classroom. UK : Cambridge University Press, 2001.
3. Гордина, Е. А. Эффективное проведение презентаций: учебное

List of literature

1. Teaching presentation skills to ESL students / Всё для изучающих английский язык. URL: <http://www.englishclub.com>, свободный.
2. Woodward, Tessa. Planning lessons and courses. Designing sequences of work for the language classroom. UK : Cambridge University Press, 2001.
3. Gordina, E. A. Effektivnoe provedenie prezentatsiy: uchebnoe

- пособие. Новосибирск: НГУЭУ, 2005. 75 с.
4. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М., 1991. 158 с.
5. Панфилова, А. Эффективная презентация как фактор делового успеха // Новые знания. 2003. № 2. С. 27.
6. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. М. : Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.
7. Щерба, Л. В. Преподавание языков в школе. Общие вопросы методики: учебное пособие для студентов филологического факультета. 3-е изд. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. Издат.центр «Академия». 2002. 160 с.
- posobie. Novosibirsk: NGUEU, 2005. 75 s.
4. Zimnyaya, I. A. Psihologiya obucheniya inostrannym yazykam v shkole. M., 1991. 158 s.
5. Panfilova, A. Effektivnaya prezentatsiya kak faktor delovogo uspeha // Novye znaniya. 2003. № 2. S. 27.
6. Sovremennyy tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Gl. red. S. A. Kuznetsov. M. : Riderz Daydzhest, 2004. 960 s.
7. Scherba, L. V. Prepodavanie yazykov v shkole. Obschie voprosy metodiki: uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskogo fakul'teta. 3-e izd. SPb. : Filologicheskij fakul'tet SPbGU ; M. Izdat.tsentr «Akademiya». 2002. 160 s.

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

О. Е. Молчанова

Статья посвящена актуальной проблеме определения понятия «профессиональная компетентность учителя иностранного языка». Автор рассматривает различные существующие трактовки данного понятия применительно к специальности учитель иностранного языка. Определяя структуру данного понятия автор указывает на стратегию подготовки студентов к педагогической деятельности.

Ключевые слова: компетентность, компетенции, компетентностный подход в образовании, структура профессионально-педагогической компетентности учителя иностранного языка.

Тенденции развития современного общества требуют модернизации образования. Образовательный процесс в педагогическом вузе претерпевает существенные изменения и все большую актуальность приобретает «компетентностный подход, который предполагает существенные системные преобразования, затрагивающие преподавание учебного предмета, его содержание, оценивание, использование образовательных технологий» [2. С. 87]. Компетенции не являются раз и навсегда данными образованиями. Для них характерно постоянное развитие и обновление. Развитие компетенций зависит от изменяющихся условий и требований общества, а также от ценностных установок [1. С. 67].

В контексте модернизации образования «профессиональная компетентность» рассматривается как показатель качества подготовки выпускников вузов и определяется как готовность выпускника к решению типовых профессиональных задач в зависимости от уровня образования. Применительно к профессиональной подготовке учителя данное понятие конкретизируется, и в качестве основной цели обучения выдвигается формирование профессионально-педагогической компетентности. Этот термин наиболее полно и точно отражает спец-

ифику деятельности учителя, которая осуществляется в двух направлениях: преподавание предмета и развитие учащихся, воспитание их личностных качеств. Первое составляет специальность конкретного учителя, второе – суть его профессии, инвариантная составляющая собственно педагогической деятельности. Иными словами, формирование профессионально- педагогической компетентности учителя является конечной целью обучения студентов в вузе.

Интерес к проблеме определения понятия « профессиональная компетентность» не затихает в силу того, что авторы не могут прийти к единой трактовке данного понятия. Вопросами профессиональных компетенций и профессиональной компетентности занимались и занимаются такие известные ученые , как Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, В.А. Сластенин, М.А. Чошанов др. Профессиональную компетентность рассматривают как профессиональную грамотность, степень квалификации специалиста, как уровень развития его личности и культуры человека, как сложную единичную систему внутренних психических состояний и свойств личности специалиста, профессиональное самообразование (А.К. Маркова), способность к актуальному выполнению деятельности (М.А. Чошанов), единство теоретической и практической готовности педагога к осуществлению деятельности (В.А. Сластенин).

Далее мы рассмотрим несколько трактовок понятия «профессиональная компетентность» учителя.

А.П. Акимова трактует профессиональную компетентность учителя как сумму знаний, умений и навыков, усвоенных субъектом в ходе обучения, – в узком смысле слова и как уровень успешности взаимодействия с окружающей средой – в широком смысле.

В качестве основных элементов педагогической компетентности Н.В. Кузьмина выделяет:

- специальную компетентность в области преподаваемой дисциплины;
- методическую компетентность в области способов формирования знаний, умений и навыков у учащихся;
- психолого-педагогическую компетентность в области мотивов, способностей, направленности обучаемых;
- рефлексивную педагогическую деятельность или аутопсихологическую компетентность.

И.Л. Перестронина, ссылаясь на В.В. Сафонову, Е.Н. Соловову, К.С. Махмурян, указывает, что профессиональная компетент-

ность учителя представляет собой совокупность профессионально-педагогических компетенций, в которую входят:

1) социально-психологическая компетенция, связанная с готовностью к решению профессиональных задач;

2) коммуникативная и профессионально-коммуникативная компетенции;

3) общепедагогическая профессиональная компетенция (психолого-педагогическая и методическая);

4) предметная компетенция в сфере учительской специальности;

5) профессиональная самореализация [5].

А. К. Маркова выделяет четыре вида профессиональной компетентности: специальную, социальную, личностную и индивидуальную.

1. Специальная или деятельностная профессиональная компетентность характеризует владение деятельностью на высоком профессиональном уровне и включает не только наличие специальных знаний, но и умений применять их на практике.

2. Социальная профессиональная компетентность характеризует владение способами совместной профессиональной деятельности и сотрудничества, принятыми в профессиональном сообществе приемами профессионального общения.

3. Личностная профессиональная компетентность характеризует владение способами самовыражения и саморазвития, средствами противостояния профессиональной деформации. Сюда же относят способность специалиста планировать свою профессиональную деятельность, самостоятельно принимать решения, видеть проблему.

4. Индивидуальная профессиональная компетентность характеризует владение приемами саморегуляции, готовность к профессиональному росту, неподверженность профессиональному старению, наличие устойчивой профессиональной мотивации.

В качестве одной из важнейших составляющих профессиональной компетентности А.К. Маркова называет способность самостоятельно приобретать новые знания и умения, а также использовать их в практической деятельности [7].

Структуру профессиональной педагогической компетентности учителя иностранного языка можно представить следующим образом:

- общепедагогическая (психолого-педагогическая и методическая);
- общекультурная и филологическая;
- коммуникативная.

Под общекультурной компетенцией понимают широкую общегуманитарную подготовку учителя, его кругозор, общий уровень культуры и образованности. Филологическая компетенция в широком смысле предполагает высокий уровень владения родным языком как средством общения, свидетельствует об общекультурном уровне учителя. Филологическая компетенция в узком смысле соотносится с владением иностранным языком, связана с лингвистической и лингвострановедческой подготовкой учителя, поэтому ее целесообразно отнести к коммуникативной компетенции. Под коммуникативной компетенцией понимают способность и готовность осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка. Коммуникативная компетенция отражает уровень владения языком, представляет собой «способность осуществлять общение посредством языка, т.е. передавать свои мысли и обмениваться ими в различных ситуациях в процессе взаимодействия с другими участниками общения, правильно использовать систему языковых речевых норм и выбирая коммуникативное поведение, адекватное аутентичной ситуации общения. Коммуникативная компетенция не является личностной характеристикой человека; ее сформированность проявляется в процессе общения». В новом стандарте компоненты коммуникативной компетенции зафиксированы следующим образом: речевая, языковая (лингвистическая), социокультурная, компенсаторная, учебно-познавательная. Коммуникативная компетенция в иностранном языке имеет независимый характер, ею может владеть человек любой профессии. Следовательно, высокий уровень развития коммуникативных умений не является показателем профессионального уровня учителя иностранного языка без владения психолого-педагогической и методической компетенциями. Психолого-педагогическая компетенция связана с владением учителем широким спектром знаний в области психологической и педагогической наук и умениями применять эти знания в педагогической практике в процессе планирования и проведения урока и различных внеклассных мероприятий, при общении с учащимися, их родителями, в педагогическом коллективе. Методическая компетенция, входя в состав общепедагогической, позволяет учителю эффективно обучать конкретному неродному для них языку и определяется как способность обучать иностранному языку с учетом целей и условий, а также возраста, уровня обученности и индивидуальных особенностей обучающихся [6. С. 78–79].

К.С. Махмурян придерживается мнения, что структура профессиональной компетенции учителя иностранного языка представляет собой синтез, неразрывное единство содержательного и структурного компонентов, совокупность знаний, умений, навыков и способностей, реализуемых через психолого-педагогическую, методическую, коммуникативную, филологическую, общекультурную, информационную, социальную, и управленческую компетенции [3. С. 75].

Г.А. Китайгородская предлагает другой набор составляющих профессиональной компетенции учителя иностранного языка:

- методическая компетенция;
- психолого-педагогическая компетенция;
- социально-психологическая компетенция;
- лингвосоциокультурная компетенция;
- педагогическое мастерство;
- профессиональная рефлексия [3. С. 75].

Различные авторы рассматривают современного учителя как главный ресурс обеспечения устойчивого развития образования. Сегодня учитель должен освоить новую, практико-преобразующую компетенцию, которая вносит новые аспекты в понимание сущности профессионализма педагога. Это связано с тем, что в системе образования, и языкового образования в частности, решаются такие сложные задачи, как выбор новой педагогической парадигмы, перестройка личностной ценностно-смысловой сферы, системы индивидуальной профессиональной деятельности педагога.

Н.Ф. Коряковцева отмечает изменение роли и статуса учителя в XXI веке и выдвигает новые требования к уровню профессиональной компетенции учителя иностранного языка, к его профессиональным и личностным качествам. Эти требования включают: способность самостоятельно и критически мыслить; открытость педагогическим инновациям; способность адаптировать свои знания и умения к условиям вариативности образования (т.е. к постоянно меняющимся условиям социальной и профессиональной среды); умение решать новые проблемы и брать на себя профессиональную ответственность; способность к автономии и социальной активности; способность к профессиональной рефлексии, исследовательской и творческой деятельности; способность к профессиональному самообразованию и саморазвитию [3. С. 75].

По мнению авторов «Содержания и методики проведения аттестации профессиональной деятельности учителя иностранного язы-

ка» В.И. Блинова, К.С. Махмурян, Е.Н. Солововой, профессиональная компетентность учителя иностранного языка представляет собой синтез, неразрывное единство содержательного и структурного компонентов, реализуемых через:

- коммуникативную компетенцию в области родного и иностранного языков, базирующуюся на лингвистической (фонетические, грамматические, лексические и орфографические навыки), социокультурной (знания о стране изучаемого языка, нормах поведения и культуры), дискурсивной (умение логически строить общение), стратегической (умение прогнозировать трудности в общении) компетенциях;

- филологическую компетенцию, включающую языковедческую, литературоведческую, риторическую, культуроведческую компетенции;

- психолого-педагогическую компетенцию (знания базовых психологических и педагогических понятий, возрастных особенностей учащихся, формирование речи, общения, учебного процесса, педагогических технологий, научно-исследовательские навыки, педагогические качества, такие, как открытость, любовь к детям, способность к творческой деятельности);

- социальную компетенцию (готовность вступать в общение, слушать и слышать собеседника, умение выбрать соответствующий набор языковых средств в соответствии со статусом и социальной ролью адресата);

- методическую компетенцию, включающую методологические знания, профессионально-методические умения и навыки (умения сформулировать конечные и промежуточные цели, спланировать, провести и проанализировать урок, установить и реализовать междисциплинарные связи с предметами языкового, психолого-педагогического и общекультурного циклов, обеспечить необходимый уровень профессионально-методической рефлексии на собственный опыт преподавания/обучения иностранным языкам, выбрать оптимальные формы работы, средства обучения и контроля в зависимости от характера курса, особенностей аудитории, умения адаптировать учебные материалы);

- компенсаторную компетенцию (умение спрогнозировать и преодолеть коммуникативные, филологические, психолого-педагогические, социальные, методические трудности в случае отсутствия требуемых знаний, умений и навыков);

- общекультурную компетенцию;

- педагогическое и языковое мышление, включающее методологическое, тактическое и оперативное мышление;

- личностные качества, включающие моральные, нравственные, деловые [4].

Важное место в структуре профессиональной компетентности учителя иностранного языка занимают его мировоззрение, способность к рефлексии, саморазвитию, самосовершенствованию, его духовные ценности, культура речи и поведения, культура внешнего вида.

Процесс формирования профессиональной компетентности имеет перманентный, непрерывный характер и на каждом этапе ей присущи определенные особенности выполнения профессиональной деятельности, что дает возможность выделить уровни ее формирования, описать их, с тем, чтобы можно было измерить и произвести оценку эффективности работы учителя.

Список литературы

1. Безукладников, К. Э. Профессиональный портфолио как средство формирования профессиональной компетентности будущего учителя иностранного языка // ИЯШ. 2008. №8. С.67–70.
2. Безукладников, К. Э. Оценка профессиональной компетентности будущего учителя иностранного языка // ИЯШ. 2009. №6. С.87–92.
3. Белоножкина, Е. Г. Профессиональная компетенция учителя иностранного языка // ИЯШ. 2009. №5. С.74–77.
4. Блинов, В. И. Содержание и методика проведения аттестации профессиональной деятельности учителя иностранных языков среднего общеобразовательного учебного заведения. URL: <http://www.curator.ru/pedagog/blinov.html>

List of literature

1. Bezukladnikov, K. E. Professional'nyj portfolio kak sredstvo formirovaniya professional'noj kompetentnosti budushego uchitelya inostrannogo yazyka // IYaSh. 2008. №8. S.67–70.
2. Bezukladnikov, K. E. Otsenka professional'noj kompetentnosti budushego uchitelya inostrannogo yazyka // IYaSh. 2009. №6. S.87–92.
3. Belonozhkina, E. G. Professional'naya kompetentsiya uchitelya inostrannogo yazyka // IYaSh. 2009. №5. S.74–77.
4. Blinov, V. I. Soderzhanie i metodika provedeniya attestatsii professional'noj deyatel'nosti uchitelya inostrannyh yazykov srednego obscheobrazovatel'nogo uchebnogo zavedeniya. URL: <http://www.curator.ru/pedagog/blinov.html>

5. Козырева, О. А. Феноменология профессиональной компетентности учителя. *Educational Technology and Society*. 2008. № 11.
6. Колесникова, И. Л. Профессионально-педагогическая компетентность учителя иностранного языка: характеристика и структура // Традиции и инновации в методике обучения иностранным языкам: сб. статей. СПб. : Каро, 2007. С.77–83.
7. Маркова, А. К. Психология профессионализма. М. : Международнй гуманитарный фонд «Знание», 1996. 312 с.
5. Kozyreva, O. A. Fenomenologiya professional'noy kompetentnosti uchitelya. *Educational Technology and Society*. 2008. № 11.
6. Kolesnikova, I. L. Professional'no-pedagogicheskaya kompetentnost' uchitelya inostrannogo yazyka: harakteristika i struktura // Traditsii i innovatsii v metodike obucheniya inostrannym yazykam: sb. statey. SPb. : Karo, 2007. S.77–83.
7. Markova, A. K. Psihologiya professionalizma. M. : Mezhdunardnyj gumanitarnyj fond «Znanie», 1996. 312 s.

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

И. И. Халитова

В статье рассмотрен вопрос формирования обучающей модели, интегрирующей в себе дидактический материал нескольких дисциплин: лингвистики (русский язык), переводоведении, неязыковых дисциплин. Настоящая статья может представлять интерес для преподавателей и исследователей методики русского языка как иностранного (неродного).

Ключевые слова: обучение переводческой деятельности на русском языке, специальные знания, специальная лексика, концептосфера, модель знаковой ситуации, жанры текстов, обучающая модель, интеграция дидактического материала.

Настоящая статья посвящена вопросу обучения студентов-переводчиков языку специальности, в том числе, специальной лексике.

Согласно типовой учебной программе бакалавриата на занятиях по русскому языку в целях формирования коммуникативной компетенции студентов-переводчиков должна изучаться специальная лексика, обсуждаться темы и содержание текстов, связанных с профессиями неязыкового профиля, например, «Политическая система (Казахстана, России)», «Экономика (Казахстана, России)», «Система здравоохранения (Казахстана, России)». Мы намеренно привели наиболее сложные темы, связанные со сферой специальных знаний. Возможно, изучение лексических тем, связанных с вопросами здравоохранения не вызывает особого труда в аудитории студентов медицинского факультета, так как базовые понятия сформированы при изучении предметов по специальности. Задача значительно усложняется, если вопросы экономики, здравоохранения, политики и т.п. обсуждаются в аудитории студентов-филологов, причем на неродном для них языке.

Профессия переводчика предполагает свободное владение родным и иностранным (неродным) языком, включающее в себя знание специальной лексики. Поэтому целесообразность изучения специ-

альной лексики в рамках предложенных авторами типовых программ лексических тем сомнений не вызывает. Вопрос о методах реализации задач, поставленных в учебных типовых программах перед преподавателями русского языка как неродного.

В последние годы утвердилось представление, что лексика как словарный состав языка – системное явление, и «...в значении слова отражаются те связи, которые устанавливает человеческое мышление между предметами и явлениями, обобщая, противопоставляя или сравнивая их между собой» [1. С. 232]. Достижения в области когнитивной лингвистики, в частности, модель знаковой ситуации З.Д.Поповой и И.А.Стернина [2], позволяет выявить причины, в силу которых усвоение специальной лексики может вызывать трудности у студентов.

Знаковая ситуация, согласно З.Д.Поповой и И.А.Стернину, включает в себя «отправителя», «получателя», «предметы и ситуации» (референты), «акустических знаков» (акустемы), «образов акустических знаков» (фонемы, морфемы, лексемы), «означаемые акустических знаков» (семема, семантема, синтаксема), «образы предметов и ситуаций» (денотаты, смыслы, концепты). Отправитель посредством акустических знаков (формы) передает Получателю некоторое сообщение о предметах или ситуациях действительности. Получатель воспринимает сообщение Отправителя благодаря тому, что понимает значение образов акустических знаков и имеет представление (образы) о предметах или ситуациях действительности [2. С. 25].

Следовательно, работу с текстами по той или иной специальности в целях изучения лексики, связанной с той или иной профессиональной деятельностью, целесообразнее проводить после или одновременно с занятиями по предмету той или иной специальности, прочитанных на родном языке студентов. Так, тему «Система здравоохранения» легче было бы изучать на базе знаний, полученных на родном языке при изучении предмета «Безопасность жизнедеятельности» или любого другого, затрагивающего вопросы здравоохранения. Аналогичный подход требуется при изучении тем «Экономика», «Политика», «Современные технологии» и т.д.

Согласно модели З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «означаемые акустических знаков» (семема, семантема, синтаксема) являются результатом интеграции «образов акустических знаков» (фонемы, морфемы, лексемы) и «образы предметов и ситуаций» (денотаты, смыслы, концепты). Это значит, без понимания сущности таких явлений,

как политика, экономика, здравоохранение и т.д., без понимания сути процессов, происходящих в указанных областях профессиональной деятельности, адекватное понимание значения слов или «означае-мых акустических знаков» представляет серьёзную проблему, даже если использовать двуязычные словари.

Рассмотрим в качестве примера, следующий фрагмент текста по теме «Здравоохранение», в котором даются базовые понятия:

«В последние годы предложена новая модель системы охраны здоровья. Если раньше в решении этой проблемы ведущую роль играли клиники, то согласно новой концепции она должна сфокусироваться в развитом звене первичной профилактики, позволяющем решать основные задачи сохранения и укрепления здоровья людей. Приоритетным определено создание методов диагностики здоровья, доступных для населения, и методик наблюдения состояния здоровья в первичном звене здравоохранения» [3. С. 13]. В данном тексте наибольшую трудность вызывает понимание концептов, выраженных словосочетаниями «первичное звено здравоохранения» и «развитое звено первичной профилактики». Закономерным образом возникают вопросы о назначении первичной профилактики, способах её проведения и связи с первичным и развитым звеном. И это ещё не самый трудный текст. В словарной статье-дефиниции термина «акция» приводится следующий текст: «Эмиссионная ценная бумага, закрепляющая права ее владельца (акционера) на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, остающегося после его ликвидации. Выпуск акций на предъявителя разрешается в определенном отношении к величине оплаченного уставного капитала эмитента в соответствии с нормативом, установленным Федеральной комиссией по рынку ценных бумаг. Ст. 2 федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»» [4]. Приведенный текст содержит в себе более 6 единиц профессиональной концептосферы, выраженные такими языковыми единицами, как «эмиссионная ценная бумага», «прибыль в виде дивидендов», «выпуск акций на предъявителя», «величина оплаченного уставного капитала эмитента» и другие. Здесь концептосфера – «...сфера мысли, информационная база когнитивного сознания народа и отдельной личности. Основным источником формирования концептов – личная познавательная деятельность личности, в том числе – через ее коммуникативную деятельность (общение, чтение, учебу)» [2. С. 61].

Студентам-переводчикам необходимы фоновые знания, составляющих профессиональную компетенцию специалистов различных областей гуманитарного, естественного и технического знания.

Существуют учебные пособия: «Русский язык для социологов», «Русский язык для психологов», «Русский язык для медиков», «Русский язык для юристов» и т.п., в которых на основе учебных текстов по специальности и газетных текстов изучается общенаучная и специальная (терминологическая) лексика, но нет «Русского языка для переводчиков». Если следовать логике перечисленных выше учебных пособий, то в «Русский язык для переводчиков», в первую очередь должна войти общенаучная и специальная лексика, отражающая основные концепции теории перевода.

И.С. Алексеева, говоря о профессиональной компетенции переводчиков, считает, что переводчик должен уметь переводить (речь идет о письменном переводе) 19 текстовых жанров: 1) научный и технический текст; 2) учебник; 3) инструкцию; 4) энциклопедическую статью; 5) деловое письмо; 6) документы физических и юридических лиц; 7) траурный информационный текст; 8) газетно-журнальный информационный текст; 9) эссе (художественная публицистика); 10) мемуары; 11) научно-популярный текст; 12) юридический текст; 13) музыковедческий текст; 14) искусствоведческий текст; 15) философский текст; 16) проповедь; 17) рекламный текст; 18) афоризмы, пословицы, заголовки; 19) художественный текст (в том числе и поэзия) [5]. В перечисленных текстовых жанрах отчасти дается указание на области необходимых переводчику фоновых знаний. Помимо названных выше научных дисциплин (политики, экономики, медицины, социологии, переводоведения, философии) переводчикам необходимо понимать вопросы искусствоведения, музыковедения и т.д. Отсюда следует вывод, что язык специальности «Переводческое дело» - это не только общенаучная лексика и термины теории перевода, но и специальная лексика других научных дисциплин, отражающая концептосферу профессионалов из других областей человеческого знания. Быть специалистом во всех областях человеческого знания не представляется возможным. Базовое же знание доступно, и им можно овладеть в рамках университетского образования. Под базовым знанием мы понимаем обучающую модель, включающую в себя академические положения относительно субъектов, объектов, цели, результатов, процессов профессиональной деятельности; отраженные в терминах, языковых формулах

(клише, перифразы и т.п.). По мнению В.И. Самарина, обучающая модель - «информационная знаковая или предметная конструкция, разрабатываемая с целью передачи обучающимся и усвоения ими определенной части дидактического материала в конкретных формах учебной работы – кооперированной деятельности преподавания и обучения» [б. С. 89].

В качестве основных источников создания подобной модели мы считаем целесообразным назвать языковой материал (Л.В. Щерба), оформленный в различных жанрах текстов (по И.С. Алексеевой), двуязычные, толковые и терминологические словари, комментарии, объяснения преподавателя русского языка и теоретический материал по переводоведению, русскому языку и специальной области знания, в соответствии с лексической темой занятия. Данный способ – наиболее часто применяемый в педагогической практике, но мы не считаем его оптимальным, потому что преподаватель, являющийся специалистом в сфере русского языкознания, как уже было отмечено ранее, не является таковым в других профессиональных сферах, а значит и знания его поверхностны. Следовательно, необходим иной способ, который мы определили как межпредметной интеграции. Суть способа заключается в объединении усилий лингвистов (преподавателей русского языка), переводчиков (преподавателей теории перевода), специалистов неязыковых и искусствоведческих специальностей для создания учебного пособия «Русский язык для переводчиков», где концептуальный уровень модели языкового знания (денотаты, смыслы, концепты) формируется преподавателем неязыковых дисциплин; вербальный и акустический уровни (единицы: акустема, фонема, морфема, лексема, семема, семантема, синтаксема) – преподавателем русского языка; навыки переводческого анализа языковых единиц и профессионального перевода – преподавателем дисциплины «Теория перевода» и других учебных предметов, связанных с переводоведением.

Таким образом, язык специальности «Переводческое дело» – интегративное явление, объединяющее в себе «языки» языковых, неязыковых специальностей, а также язык собственно теории перевода. Обучать языку специальности студентов-переводчиков следует на интегративной основе, включающей межпредметные связи дисциплин, ведущие к созданию обучающей модели русского языка в аспекте перевода.

Список литературы

1. Камянова, Т. Успешный английский. Системный подход к изучению английского языка. М. : ООО «Дом Славянской Книги», 2008 г. 512 с.
2. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. 314 с.
3. Кожин, А. А. Здоровый человек и его окружение. М. : Издательский центр «Академия», 2006. 400 с.
4. Национальная экономическая энциклопедия. URL: <http://vocable.ru>.
5. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб. : Перспектива, Издательство «Союз», 2008. 288 с.
6. Самарин, В. И. Инварианты модели как категории познания в научно-исследовательской и дидактической деятельности // Вопросы гуманитарных наук. №1. 2007. С. 89 – 92.

List of literature

1. Kamyanova, T. Uspeshnyj angliyskiy. Sistemnyj podhod k izucheniyu angliyskogo yazyka. M. : ООО «Dom Slavyanskoy Knigi», 2008 g. 512 s.
2. Popova, Z. D. Kognitivnaya lingvistika. M. : AST : Vostok–Zapad, 2007. 314 s.
3. Kozhin, A. A. Zdorovyj che-lovek i ego okruzhenie. M. : Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2006. 400 s.
4. Natsional'naya ekonomicheskaya entsiklopediya. URL: <http://vocable.ru>.
5. Alekseeva, I. S. Professional'nyj trening perevodchika. SPb. : Perspektiva, Izdatel'stvo «Soyuz», 2008. 288 s.
6. Samarin, V. I. Invarianty modeli kak kategorii poznaniya v nauchno-issledovatel'skoy i didakticheskoy deyatel'nosti // Voprosy gumanitarnyh nauk. №1. 2007. S. 89 – 92.

**ВОЗМОЖНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМАМ НА ЗАНЯТИХ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ**

Т. И. Чечет

Эта статья посвящена методам преподавания фразеологизмов студентам технических университетов и другим взрослым, изучающим иностранный язык на непрофессиональном уровне. Владение фразеологизмами и их последующее грамотное использование в речи обеспечивается средствами исторического и ассоциативного подходов. Картины, представляющие историческое происхождение фразеологических выражений, обеспечивают их лучшее понимание и хранение в памяти. Ассоциативная коммуникация между отдельными феноменами в изучении идиом приводит к лучшему овладению единицами.

Ключевые слова: фразеологические единицы, обучение немецкому языку, коммуникация.

Образность выражения является характерной чертой речи любого народа. Это проявляется особенно ярко во фразеологическом составе языка, передающем богатство, содержательную насыщенность и своеобразие языка, связанные напрямую с его историческим становлением. Фразеологизмы не описывают абстрактные понятия, а отражают вполне определенные культурные идеи и ценности конкретного народа. Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность интегрирует свое национальное самосознание [5. С. 9], т.к. он является ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа, в нем закреплены представления народа о мифах, обычаях, обрядах, ритуалах, привычках, морали и поведении [4. С. 43]. Многие понятия, имеющие старинное происхождение, сохраняют свою культурно-психологическую актуальность и для современного человека. С этим связано неосознанное частое использование, прежде всего, взрослыми людьми фразеологизмов в родной речи и, соответственно, желание находить их эквиваленты в иностранном языке для выражения тех же мыслей при общении с носителями языка.

Фразеологизмы с одной стороны усиливают неповторимость и индивидуальность языка, с другой – их использование в процессе

иноязычной коммуникации создает определенные трудности. Актуальными становятся дидактические вопросы предъявления и закрепления фразеологизмов на занятиях по иностранному языку для обучающихся, получающих нелингвистическое образование, т.е. изучающих язык непрофессионально, например, для студентов технических университетов и взрослых. Простое заучивание фразеологических единиц (ФЕ), даже с элементами разъяснения значения и его оттенков не способствует достижению нужной цели, оно не гарантирует правильного усвоения и адекватного использования фразеологизмов в речи на иностранном языке.

Фразеологизм (фразеологическая единица) – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава [2. С. 559]. Следовательно, обучающимся для активного овладения этими сочетаниями необходимо осуществлять анализ семантической структуры и лексико-грамматического состава каждого конкретного фразеологизма. Это вызывает большие затруднения у взрослых и студентов технических вузов, особенно при анализе фразеологизмов, которых нет в русском языке. Встает вопрос критериев отбора фразеологических единиц, поиска эффективных методов и приемов предъявления, тренировки и закрепления этих единиц с целью их активного усвоения и дальнейшего правильного использования обучающимися в иноязычной коммуникации.

Без осознанного или неосознанного использования фразеологизмов невозможно представить человеческое общение, потому что они отражают систематически культуру каждой народной общности, ее традиции и обычаи не только в структуре, но также и в содержании языка. По содержанию они большей частью выполняют поучительную функцию, т.е. содержат мировоззрения, правила, отображают социальное поведение индивидуумов, поэтому выбор фразеологического содержания ориентируется, прежде всего, на интересы каждой отдельной личности или группы студентов [1; 6]. Коммуникативные потребности обучающихся также напрямую связаны с их личностным и социальным опытом, с теми жизненными ситуациями, которые они проживают на данном этапе. Таким образом, для построения

эффективного процесса усвоения фразеологизмов взрослыми задачами преподавателя становятся: наблюдение за речью обучающихся, фиксация их актуальных жизненных ситуаций, последующий отбор фразеологических единиц, представляющих интерес у студентов, для их изучения. Кроме того, преподаватель должен свободно владеть фразеологическим строем иностранного языка, понимать его структуру, историческое происхождение, представлять себе методические релевантные сходства и различия между родным и иностранным языками, предвидеть интерференцию, искать пути ее преодоления и/или осуществлять превентивные меры.

Лучшему усвоению фразеологизмов взрослыми помогают исторический и ассоциативный подходы. Первый подход благодаря представлению происхождения и первоначального значения фразеологизма в иностранном языке ведет к их осознанному пониманию, запоминанию и, соответственно, длительному удержанию в памяти. Второй, построенный на презентации ассоциативных связей, возникающих у обучающихся в отношении изучаемых фразеологических единиц, способствует логическому объяснению, осознанию и более прочному усвоению фразеологизма. Рациональным при этом представляется использование заложенного в природе фразеологического состава языка образный потенциал. Во многих случаях фразеологизмы благодаря комбинации объяснения их значения с элементом сопровождаемого наглядного представления повышают эффективность усвоения информационной насыщенности и практической направленности каждого фразеологизма в отдельности.

В современной методике обучения иностранным языкам существуют различные классификации видов наглядности. Нам импонирует одна из самых простых классификаций, представляющая предметную и образную наглядность [3]. Особая значимость этих видов наглядности при обучении иностранным языкам объясняется, прежде всего, предоставляемой в этом случае возможностью организовать такой целенаправленный и специальный показ учебного материала, который подсказывает обучающимся законы изучаемого явления, помогает задействовать многочисленные процессы мышления и развивать его на чувственно-наглядных представлениях. В нашем случае изучение фразеологизмов с использованием предметной и образной наглядности с включением элементов их вербального представления позволяет создавать для обучающихся, не имеющих лингвистического образования, процесс творческого языкового «от-

крывания» каждой конкретной ФЕ. Замена вербального изложения фактов их показом, использование подготовленных преподавателем и/или самими обучающимися графических материалов позволяет интенсифицировать процесс обучения, делает учебный материал более наглядным, доступным, интересным и мотивирует к дальнейшему самостоятельному изучению фразеологизмов.

Сюжетные картинки, представляющие историческое происхождение фразеологизма, способствуют их лучшему пониманию и более прочному запоминанию. Ассоциативный ряд картинок, построенных на закономерной связи между отдельными событиями, фактами, предметами или явлениями, возникающей у обучающихся, ведет к логическому объяснению и осознанию изучаемых фразеологизмов, что также помогает более эффективному усвоению фразеологических единиц. Проиллюстрируем это на примерах предметного и образного представления некоторых фразеологизмов немецкого языка.

Для иллюстрации исторического подхода возьмем немецкий фразеологизм «auf den Hund kommen» [1. С. 321], дословно переводимый на русский язык как «дойти до собаки». Выбор этого фразеологизма для изучения студентами был обусловлен его эквивалентностью постоянно используемым обучающимися в разговорной речи на родном языке словосочетаниям «дойти до нищеты, обнищать», «оказаться в трудном положении». Кроме того, подобные фразеологизмы наиболее употребительны в процессе коммуникации в эпоху экономического кризиса. Историческое значение фразеологизма восходит к XIII-XIV векам, когда в замке продукты хранили в сундуке, на дне которого была нарисована сторожевая собака, охраняющая эти продукты. Постепенно забирая все продукты, доходили до собаки, т.е. беднели [6. S. 71].

Преподаватель может представить историю происхождения этого фразеологизма тремя картинками, сопровождаемыми короткими предложениями, отражающими самую суть обычая, бытующего в то время. На первой картинке можно поместить открытый сундук, наполненный продуктами, и сопроводить его следующей надписью: «Es ist Herbst. Die Truhe ist voll». (Осень. Сундук полон.). Второе изображение показывает студентам тот же открытый сундук, в котором, однако, отсутствует половина продуктов. Вербальное сопровождение картинки: «Es ist Winter. Die Truhe wird halb geleert» (Осень. Сундук опустошен наполовину) способствует развитию сюжетной

линии. Третья картинка представляет совершенно пустой сундук, на дне которого отчетливо видно изображение собаки. Надпись «Es ist Frühling. In der Truhe unten gibt es nur einen gemalten Wachhund» (Весна. В сундуке внизу есть лишь нарисованная сторожевая собака) подводит итог событиям. Уровень знаний студентов по иностранному языку позволит преподавателю определить необходимость использования опор к картинкам на русском языке. Предлагаемый подход не отнимает много времени от занятия, позволяет эффективно усвоить ФЕ за короткий период времени и запомнить ее надолго.

При историческом подходе к изучению фразеологизмов целесообразно, чтобы преподаватель, особенно на начальном этапе работы над ФЕ, предварительно разрабатывал сюжеты для предметной наглядности, представляющие историческое происхождение фразеологизмов. Это позволит студентам познакомиться с возможными вариантами презентации фразеологизмов и в дальнейшем создавать свои собственные.

Образная наглядность основывается на ассоциативных связях в отношении анализируемого предмета или явления, причем в большинстве случаев эти связи у различных людей различны. Однако, применяя ассоциативный подход для предъявления и закрепления фразеологизмов, преподаватель может руководить процессом обмена ассоциациями и обобщать их до такого же компактного представления ФЕ с помощью предметной или образной наглядности для более прочного усвоения изучаемого фразеологизма. Рассмотрим фразеологизм «**j-n auf den Arm nehmen**» [1. С. 46]. **Дословный перевод** «взять кого-л. на руки» способствует мгновенному образованию ряда ассоциаций: взять на руки ребенка, котенка или щенка и т.д. Студенты не знают истинного значения фразеологизма «дурчить кого-л., подшучивать над кем-л.» [6. S.59], поэтому преподавателю целесообразно предложить свой вариант ассоциации, способствующий дальнейшему ее обсуждению и приводящий к пониманию значения. В данном случае это может быть гиперболическое представление обиженного мужчины на руках женщины. Последующее обсуждение, почему мужчина обижен, помогает логическому объяснению, осознанию фразеологизма и его прочному запоминанию.

Применение исторического и ассоциативного подходов в предъявлении и закреплении фразеологических единиц в процессе обучения им студентов технических университетов и взрослых способствует более эффективному обучению фразеологизмам и повышению уровня коммуникативной компетенции обучающихся.

Список литературы

1. Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М. : Аквариум, 1995. 768 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева, М. : Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
3. Каменский, Я. А. Великая дидактика // Школьные технологии. 1990. № 6. С. 31-35.
4. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.
5. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты, М. : «Школа. Языки русской культуры», 1996. 285 с.
6. Schmitt, R. Deutsche Redensarten. Quiz- und Übungsbuch. Verlag Klett Edition Deutsch GmbH, München, 1975. 98 S.

List of literature

1. Binovich, L. E. Nemetsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'. M. : Akvarium, 1995. 768 s.
2. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / Gl. red. V. N. Yartseva. M. : Sov. Entsiklopediya, 1990. 685 s.
3. Kamenskiy, Ya. A. Velikaya didaktika // Shkol'nye tehnologii. 1990. № 6. S. 31-35.
4. Maslova, V. A. Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. M. : Izd. tsentr «Akademiya», 2001. 208 s.
5. Teliya, V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty, M. : «Shkola. Yazyki russkoy kul'tury», 1996. 285 s.
6. Schmitt, R. Deutsche Redensarten. Quiz- und Übungsbuch. Verlag Klett Edition Deutsch GmbH, München, 1975. 98 p.

ABSTRACTS

Ansimova O. K. Cultural Literacy as the Key to Understanding the Culture of the Language Studied: Linguistic Didactic Approach

The concept of «cultural literacy», understood as the general knowledge, the stock of knowledge or collective memory, which provides an adequate understanding of the information received could be considered not only as a tool for effective communication within the monocultural community, but also as the key to intercultural interaction.

Keywords: cultural literacy, cultural code, intercultural communication, cross-culture competence, linguistics.

Akhmetova G. D. Metaphorical Comparisons (“patsanskie” stories by Zakhar Prilepin)

The article covers metaphorical comparison in linguistic space context as well as in linguistic processes space that takes place in modern prose.

Keywords: metaphor, linguistic space, linguistic processes.

Bulycheva S. F. Neologisms and Borrowings in the Low Vocabulary of the German Youth

In this article the author investigates the enrichment’s ways of dictionary stock of German colloquial speech among the youth. The article contains many examples. Particular attention is given to problems of borrowings and new formations of the youth slang. First of all the article contains interest for German language teachers.

Keywords: neologisms, borrowings, youth slang, low vocabulary, jargon vocabulary.

Chechet T. I. Possibility of Teaching Phraseological Units to Adults on German Classes

This article is devoted to some methods of teaching phraseological units by the students of the technical universities and other adults studying foreign languages not professionally. Mastering phraseological units and their subsequent adequate use in speech is carried out by means of historical and associative approaches. The pictures representing a historical origin of phraseological expressions promote their best understanding and storing. Associative communication between separate phenomena according to the studying of idioms leads to their better mastering.

Keywords: phraseological units, teaching the German language, communication.

Ginniyatullina R. D. Phraseological Units of the Concept “Man” in the English Language

The article is devoted to the analyses of phraseological units of the concept “man”, which present a wide specter of themes: profession, nationality, proper names, religious term.

Keywords: phraseological units, concept, phraseological synonyms, phraseological antonyms.

Glazacheva T. P., Shabanova A. A. Culturalogical Aspect of Presentation of Authorities in Mass-media (Based on the Images of the President D.A. Medvedev in Russian and American Mass-media)

This article is about the periphery of the concept “power” (“authority”) in the linguistic culturological aspect. The material of the article bases on the Russian and foreign mass media. The research pointed at the study of the particular object, the President D.A. Medvedev. The communicative Russian and American behavior analysis helps to reveal the modern tendencies in representation of the above-mentioned concept. It makes the contribution to the elaboration of the general concept theory and its diachronic aspect.

Keywords: concept, power, mass-media, President, linguistic culturology.

Evtushenko O. A. Institutional Discourse: Essence

The institutional discourse is at the center of linguistic research. There are a lot of types of institutional discourse, namely administrative. The paper gives the definition of administrative discourse and shows the features common for institutional discourse and specific for administrative. The strategies and genres, functions and purposes, participants and basic concepts of the administrative discourse are also revealed in the article.

Keywords: discourse, information, communication, purpose of discourse, strategy of discourse, genres of discourse.

Fomenko O. S. The Notion of Global Advertisement and its Main Specifics

This article is devoted to global advertisement: its definition, main values and the realization of those values in the texts of global brands. In the course of our research we studied global advertisement from social,

economic and linguistic points of view that enabled us to formulate an accurate definition of ‘global advertisement’. Profound research of the main characteristics typical of global advertisement lead us to reveal three main values of such advertisement, which were depicted on paralinguistic and linguistic levels as well.

Keywords: global advertisement, globalization, pragmatic linguistics, social linguistics.

Ivanova K. A. Semantic Grammatical Changes in Contemporary Prose: Phenomenon of Substantivation

Last years the science actively is engaged in questions of changes occurring in language of fiction. Among such changes allocate semantic and grammatical changes. It is the phenomena, which occur in the text unexpectedly and it is occasional. This article is devoted to one of such changes - substantivation, which carries occasional character in modern prose frequently. A role of substantivation in a language composition of the text also is considered.

Keywords: language composition, semantical-grammatical shifts, substantivation.

Kadyrova N. S. Language Embodiment of the Antinomy “Chaos ↔ Space” in the Novel “Belaya Gvardia” by M. A. Bulgakov

The antinomy “the chaos and the space” is considered in the given article. It is embodied in Bulgakov’s novel “Belaya Gvardia” according to the representations of the ancient philosophers. This opposition became the basis of the figurative system of the given literature work.

Keywords: opposition, antinomy, chaos, space, micro space, destruction, illness.

Khalitova I. I. Teaching Students-Interpreters the Language of Specialty

The article “Teaching Students-Interpreters the Language of Specialty” considers forming a teaching model which integrates didactic material of several disciplines: linguistics (Russian), translation studies, non-language subjects. This article may be of interest to teachers and researchers of the methodology of the Russian language as a foreign (non-native).

Keywords: teaching the interpretation in Russian, special knowledge, special vocabulary, concept sphere, model of a sign situation, textual genres, teaching model, integration of didactic material.

Kovalenko G. F. Discourse – Analysis During Translation

The article considers a communicative approach to the text. The main accent in teaching a skill of translation should be made on the cognitive and pragmalinguistic aspects of communication. The discourse analysis during translation is necessary.

Keywords: discourse, cognitive analysis, concept, conceptual metaphor, precedental texts.

Kuchina S. A. Hero in the Structure of Classical Adventure Novel

Emphasizing the problem of “hero” in the structure of classical adventure novel we have to be precise: from all literal types we are interested in modifications of adventures hero in Gogol’s fiction that are represented by paradigm «Hlestakov – Nozdrev – Kochkarev»

Keywords: type, typology, adventurous hero, adventure, fiction system.

Levkovskaya Y. V. Teaching the Interpretation with Training Methods

Considering the activity of an interpreter as subconscious in the whole, the author defines the most effective methods of training of interpreters, directed to develop professionally necessary actions automatically. Special attention is paid to the training methods. The article describes interpretational training in a language laboratory, developed by the author and combining the linguistic and behavioral components. The article describes the tasks used on different levels of the training presented.

Keywords: training of interpreters, interpretational training, professional competence, spread of attention, automatic actions.

Lee Air Yun. The Language of Chinese Musical and Poetic Works (Based on the Poem “In Chibi I’m Meditating on the Ancients” by Su Shi

The article tells about Chinese musical and poetic works that are considered on the example of the poem by Su Shi “I’m meditating on the ancients in Chibi” which was written in the genre of “ci” and set to music by the composer Qing Zhu. Because of structure, content and features of the image system the poem is suitable for musical realization. The language of such works interprets author’s and national world view combining the expressive possibilities of literature and music.

Keywords: musical and poetic works, poem, song, genre of “ci”, metaphor, image.

Marfuntseva O. N. A Linguacultural Image of Chelyabinsk

Article is devoted the analysis a linguacultural image of Chelyabinsk on a material of the associative experiment spent among students of philological faculty ChelGu.

Keywords: a linguacultural image, a naive picture of the world, associative experiment.

Meschansky A. The Poetics of Mystic in the Works by N. Gogol and N. Sadur

N. Sadur's dramaturgic creativity conceptually corresponding with N. Gogol's poetics is considered in the article. The basic attention is given to the analysis of the N. Sadur's plays "Pannochka" and "The Brother Chichikov" thematically connected with Gogol's play "Viy" and "Dead souls".

Keywords: poetics of mystic, intertextual links, contemporary drama.

Milovanova L. A. Formation of Presentational Skills of High School Students on the Lessons of Foreign Language

The article aims at the issue of developing presentation skills at the English lessons. Students of Russian high schools should be taught to search for information using Internet, to render it according to the goal of the presentation, to select all the necessary grammar patterns and adequate vocabulary, to make use of multimedia technology. To make presentation effective they should also be able to deal with such office technology as Word, Excel, Power Point, e-mail, forums and chats.

Keywords: presentation, special school, communicative skills and abilities, project method, prepared monologue, dialogue, search and delivery of information, office technologies, multimedia technologies.

Mikhailova E. V. Image of Music in Byelorussian Poetry of 18-19th Centuries: Peculiarities of Linguistic Objectivization

The article is devoted to the image of music in the Byelorussian poetry of 18th – 19th centuries which is manifested through various musical lexical units, phonetic, expressive and informative means of poetic language. This image is realized both in Belarusian poetry in general and in individual authors' discourses. It has universal characteristics, and also unique features, inherent in a "possible world" of every poet.

Keywords: image of music, the concept of "music", musical lexical units.

Molchanova O.E. Formation of Professional Competence of Foreign Language Teachers as the Result of High Education

The article is devoted to one of the most widely discussed problems in modern Pedagogics – the formation of professional competence of a foreign language teacher. The term “professional competence” has not been defined so far. The author analyses different approaches to the definition of this term. It allows her to suggest the strategy of educating students at the teachers’ training universities.

Keywords: competence, competencies, competent approach in education, structure of professional pedagogical competence of a foreign language teacher.

Nekrasova M.S. Taboo Vocabulary as the Object of Cognitive Study

The article is devoted the problem of deviation from the norm of Russian language literary by authors of the texts of contemporary media of Russia. The article focuses its attention on the methodology of the cognitive linguistics. According to the author the cognitive analysis is the promising direction of this problem research.

Keywords: media texts, violations of the literary language, cognitive aspect of the research.

Nikiforova E. S., Nadobko Y. V. Elements of Strategy of Psychological Influence in the Texts of English Advertisement

The article given considers strategies of building the contemporary advertisement text. Considering the fact that the main purpose of building the advertisement text is the influence on a potential; recipient, special attention is paid to the secondary discourse of advertisement text, i.e. it stresses the necessity of consideration of gender, social and cultural stereotypes in its creation.

Keywords: image, factor of prestige, factor of exotism, factor of trust, ecological compatibility, social role, social status, gender, primary discourse, secondary discourse, gender role stereotype.

Rylshchikova L. M., Hudyakov K. V. The Features of Translation of Computer Program Autocad into Russian (Versions 2000–2009)

The features of the translation into Russian of the computer program AutoCAD (versions 2000-2009) and mismatching of the translation to standardized professional drawing terms are examined in the article.

Keywords: AutoCAD, transfer, the standard.

Rylschikova L. M. Stylistic Devices of Expression of Science Fiction Discourse in the Works by S. B. Lukyanenko

In the article there are examined the features of the science fiction discourse by the example of S.V. Lukyanenko's works: what permitted him to be successful on the market of the science fiction literature.

Keywords: discourse, science fiction.

Savelova L. A. Formal and Semantic Class of Circumfixal Adverbs in Russian

The article analyzes the Russian adverbs with the circumfixes *no-...-u*, *no-...-омы/-емы*, *no-...-ø*. These adverbs are formed according to different formal and semantic models and the main ones are described in this article. The major role in analyzing the semantic and the word-formation of adverbs belongs to the characteristic of semantic, lexical and grammatical attributes of basic words. Circumfixal adverbs are a wide lexical class whose units are distributed among several semantic microfields.

Keywords: circumfix, semantics of adverbs, word formation of adverbs.

Sachkova E. V. To the Question of Identification of Pragmatic Component in the Meaning of Semi-affixes

The article deals with the problem of identification of pragmatic components in the meaning of semi-affixes, proves the possibility of their identification, lists the main types of them and demonstrates the analysis of the pragmatic meaning of the semi-suffix *-head*.

Keywords: pragmatics, pragmatic component, pragmatic sema, semi-affix, semi-suffix, evaluation, emotiveness, age/gender stratification.

Shesterkina N. V. The Correlation of the Concepts "Saint" and "Light" in the Russian Language

The article points out that the nomination of the conceptual structure "Saint" (свят^{ой}) has changed considerably in the Russian folk Orthodoxy and broadened due to the development of additional evaluative (axiological) characteristics within the etiquette component of «saint». It also traces the connection of the concept in question with the concept «light» (свет^{лый}).

Keywords: light, saint, etymological imagery, etiquette definition, spread of correlation, evaluative sign.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ансимова Ольга Константиновна – аспирант кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета. 630073, г. Новосибирск, пр-т К.Маркса, 20.
ansimova-ok@yandex.ru

Ахметова Галия Дуфаровна – доктор филологических наук, профессор Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Чита, ул. Бабушкина, 129
galia.akhmetova@gmail.com

Булычева Светлана Феодосьевна – кандидат педагогических наук, доцент Калужского филиала МГЭИ. 127299, Москва, ул. Космонавта Волкова, 20.
sfbulycheva@rambler.ru

Гиниятуллина Рамзия Данисовна – доцент кафедры германской филологии филиала Казанского государственного университета в г.Набережные Челны. 420008, Казань, ул. Кремлевская 18.
ramziya06@rambler.ru

Глазачева Татьяна Павловна – ассистент кафедры английского языка естественных специальностей Ульяновского государственного университета. 432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42.
taide@list.ru

Евтушенко Оксана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета. 400005, Волгоград, пр. им. Ленина, 28.
ksenja22@yahoo.com

Иванова Ксения Алексеевна – аспирант Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Чита, ул. Бабушкина, 129
kseniy_chita@mail.ru

Кадырова Наталья Сергеевна – аспирант, МБОУ «СОШ №10».
yakovleva_nataly@bk.ru>

Коваленко Галина Федоровна – ст. преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета, соискатель при кафедре теории и практики перевода Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета.

Владивосток, ул. Суханова, 8.
kovalenkogf@mail.ru

Кучина Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Новосибирского государственного технического университета.

630073, г. Новосибирск, пр-т К.Маркса, 20.
р.т. 8 383 346 02 57.

Левковская Яна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Магнитогорского государственного университета.

Магнитогорск, пр. Ленина, 114.
yana_l@inbox.ru

ЛИ ЭР ЮН – аспирант кафедры истории музыки Белорусской государственной академии музыки.

220030, Респ. Беларусь, Минск, ул. Интернациональная, 30.
87036401@qq.com

Марфунцева Ольга Николаевна – студентка 5 курса филологического факультета Челябинского государственного университета.

454084, пр. Победы, 162-в.
mklab@csu.ru

Мещанский Александр Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории литературы Северодвинского филиала Поморского государственного университета.

163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.
kodimas@atnet.ru

Милованова Людмила Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, директор Института иностранных языков Волгоградского государственного педагогического университета.
400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
milovanova@vspu.ru

Михайлова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков Белорусской государственной академии музыки.
220030, Респ. Беларусь, Минск, ул. Интернациональная, 30.
ev2mikhailova@mail.ru

Молчанова Ольга Евгеньевна – ст. преподаватель кафедры английского языка факультета иностранных языков Калужского государственного педагогического университета им.К.Э. Циолковского.
248023, Калуга, ул. Ст. Разина, 26.
vlamol@mail.ru

Некрасова Марина Сергеевна – аспирант Забайкальского Государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского, преподаватель РКИ института иностранных языков и культуры Государственного университета г. Сямынь (КНР).
Чита, ул. Бабушкина, 129
nemakra1971@yandex.ru

Никифорова Эльмира Шавкатовна – ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода Костанайского государственного университета.
110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
555_lena_11@mail.ru

Надобко Юлия Витальевна – ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода Костанайского государственного университета.
110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
nadobko-youlia@yandex.ru

Рыльщикова Любовь Михайловна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Волгоградской государственной сельскохозяйственной академии.

rylshchikova_lm@volgodom.ru

Савёлова Любовь Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Северодвинского филиала Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.

savelova.lub@yandex.ru

Сачкова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексики английского языка Московского педагогического государственного университета.

119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, стр. 1.

november29@yandex.ru

Фоменко Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета

400005, Волгоград, пр. им. Ленина, 28.

folgase@gmail.com

Халитова Ильдана Ильдархановна – кандидат педагогических наук, и. о. доцента кафедры теоретической и прикладной лингвистики Казахского национального педагогического университета им. Абая.

ildana_mk@mail.ru

Худяков Константин Валентинович – кандидат технических наук, доцент кафедры механики Волжского политехнического института (филиала Волгоградского государственного технического университета).

400005, Волгоград, пр. им. Ленина, 28.

constan@volgodom.ru

Чечет Тамара Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета.

400005, Волгоград, пр. им. Ленина, 28.
titschl@yandex.ru

Шабанова Анастасия Александровна – ассистент кафедры английского языка естественных специальностей института международных отношений Ульяновского государственного университета.
432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42.
nastuyshka83@mail.ru

Шестеркина Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода Мордовского государственного университета.
430005, Респ. Мордовия, Саранск, ул. Большевикская, д. 68.
nvshest@mail.ru